

СОДЕРЖАНИЕ

4 ПРОГУЛКА СО ЗВЕЗДОЙ
Альбина АБСАЛЯМОВА
Зиля Валеева:
«И все-таки это любовь!»»

10 ФОТОЗАРИСОВКА
Юлия КАЛИНИНА
Туристическая уха для острова

12 КООПЕРАЦИЯ ТАЛАНТОВ
Гульназ ХАЙРУЛЛИНА
*Школьники из Бугульмы
создали приложение, способное
заменить уроки ОБЖ*

14 ТОЧКИ РОСТА
Юлия КАЛИНИНА
*«Чайка». Формула счастливого
детства*

16 Эндже БАСИРОВА
*И дерево с плодами клонится
к земле*

18 Самая цельная «Цильна»

20 МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА
Юрий КАРПОВ
*Дирижер, который стремится
к правде*

22 ПРО КИНО
Марат ШАКИРЗЯНОВ
*XIII Казанский Фестиваль
мусульманского кино:
особенности национальной
охоты... за зрителем*

30 ПОЭЗИЯ
Тагир МУХАМЕТОВ
*На камских просторах.
Три счастливых дня*

31 Стихи участников фестиваля
«Литературный Чистополь»

33 ПРОЗА
Ольга БАКУЛИНА
*Бенамуки, или идеальный
мужчина*

39 ДЕБЮТ
Ляйсан НОТФУЛЛИНА
Мой город

40 ПОЭЗИЯ
Юлия ЗИАТДИНОВА

42 ПРОЗА
Керен КИМОВСКИ
Кактусы в океане

46 ЛИТЕРАТУРА БЕЗ ГРАНИЦ
Гелюся ЗАКИРОВА
Дорога жизни

48 Фарит ЯХИН

50 ВОСПОМИНАНИЕ
Альбина АБСАЛЯМОВА
Незабываемый

52 ЛИТПРОЦЕСС
**Марианна ГАВРИЛОВА,
Наиля АХУНОВА**
*Продолжая горьковские
традиции*

56 ЛИЧНОСТЬ КРУПНЫМ ПЛАНOM
Галина СЛЕСАРЕВА
Спасибо, что Вы есть...

62 ЮБИЛЕЙ
Марат САФАРОВ
*Чингиз Ахмаров:
очарование Востоком*

66 ПОРТРЕТ ЭПОХИ
Лирон ХАМИДУЛЛИН
*Отрывки сведений о
древнетюркском мире*

70 МНЕНИЕ
Кирилл ЗУЛКАРНАЙ
Чудеса на миллион

72 МУЗПРОСВЕТ
Фарид ХАЙРУЛЛИН
МИХАИЛ КУЗИЩЕВ:
*«120 минут классики рока»
стали неотъемлемой частью
моей жизни*

76 ЧТО НОВЕньКОГО
Фарид ХАЙРУЛЛИН

78 КОНТРАМАРКА
Елена ПЕРЛОВСКАЯ
*«Кино – это Почта России,
а театр – это Skype»*

*Борис
Пастернак*

БАБЬЕ ЛЕТО

Лист смородины груб и матерчат.
В доме хохот и стекла звенят,
В нем шинкуют, и квасят, и перчат,
И гвоздики кладут в маринад.

Лес забрасывает, как насмешник,
Этот шум на обрывистый склон,
Где сгоревший на солнце орешник
Словно жаром костра опален.

Здесь дорога спускается в балку,
Здесь и высохших старых коряг,
И лоскутницы осени жалко,
Все сметающей в этот овраг.

И того, что вселенная проще,
Чем иной полагает хитрец,
Что как в воду опущена роща,
Что приходит всему свой конец.

Что глазами бессмысленно хлопать,
Когда все пред тобой сожжено
И осенняя белая копоть
Паутиною тянет в окно.

Ход из сада в заборе проломан
И теряется в березняке.
В доме смех и хозяйственный гомон,
Тот же гомон и смех вдалеке.

- > ПРОГУЛКА СО ЗВЕЗДОЙ
- > ФОТОЗАРИСОВКА
- > КООПЕРАЦИЯ ТАЛАНТОВ
- > ТОЧКИ РОСТА
- > МУЗЫКАЛЬНАЯ ШКАТУЛКА
- > ПРО КИНО

► Альбина Абсалямова

ЗИЛЯ ВАЛЕЕВА: «И все-таки это любовь!»

Зиля Рахимьяновна Валеева живет в Казани 37 лет. Это время длиной в пушкинскую жизнь. За это время ее влюбленность в Казань не проходит, даже нарастает. Работала в редакции на ул. Декабристов, дом 2, и более двух десятков лет выполняла важные государственные обязанности – вице-спикера парламента, министра печати, вице-премьера республики, министра культуры, а сегодня она – директор Музея-заповедника «Казанский Кремль». В теплый осенний день мы гуляем с Зилей Рахимьяновной по ее любимым казанским улочкам: Волкова, Айвазовского, Калинина. Здесь, в рельефах старого города, уютно живет История. А началась наша прогулка у памятника Тукаю, где, если прислушаться, можно услышать голоса поэтов всех времен.

... Это был не просто день первого приезда на постоянное жительства, это был день рождения Тукая! Все, с кем мы только планировали встретиться, и все, с кем уже успели познакомиться, во второй половине дня собрались на поэтический митинг у памятника Тукаю.

Я была поражена! Там, между служебным входом в Театр оперы и балета и тогда еще работающей стоматологической поликлиникой, собрались тысячи людей, здесь был весь цвет татарской интеллигенции. Наверное, так собирались в легендарном Московском Политехе на

... Впервые в Казани я оказалась 26 апреля 1980 года. Аэропорт находился тогда практически в центре города, и, когда мы снижались, казалось, что самолет задевает крыльями крыши сталинских «высоток» на улице Ершова. С одной стороны, это было лихо, с другой – чуточку страшновато. Таким было мое самое первое впечатление о городе: в нем были сталинки, он чем-то напоминал Москву! И в то же время атмосфера в Казани была совершенно иной...

Ахмадуллину, Вознесенского, Евтушенко. Но здесь, в Казани – захватывающий дух поэтического митинга! Просто не ожидала!

К тому времени мы успели познакомиться с Равилем Файзуллиним, и, когда он пошел к микрофону, мне показалось, что его выступление стало моментом единения собравшихся. Все стояли плечом к плечу: столько разных людей жаждали слышать поэта! И бабушки, и подростки, и студенты, и люди средних лет собрались в одном порыве – Услышать. Это был миг духовного единения. Поэты держались под стать своему народу. Сменяя друг друга, они говорили о родном языке, истории народа, о республике. И, конечно же, в каждой их строчке жила любовь. Живые классики – Сибгат Хаким, Заки Нури, Шаукат Галиев, Ильдар Юзеев а также вслед за ними поколение Роберта Ахметзянова и тогда еще молодые Мударис Аглямков, Зульфат,

Харрас Аюпов, Роберт Миннуллин, Зиннур Мансуров и многие другие. В этой эстафете каждый был главным.

Атмосфера этого действия сразу расположила меня к городу.

Казалось бы, еще утром ты здесь никого не знала, и вот уже город наполняется знакомыми лицами, прирастает пережитыми вместе чувствами. Удивительный социокультурный феномен...

Я рада, что традиция поэтических митингов продолжается и сейчас. Меняются форматы, герои. Важно беречь творческий настрой, тягу к прекрасному и нравственному поиску. Это тоже величайший элемент городской среды и культуры. Это наше естественное пространство, состояние, когда активное большинство или активное меньшинство собирается и ставит себе духовный камертон.

Уже потом мне часто приходилось представлять на площади новых лауреатов тукаевской премии, слушать новые голоса и стихи. Но всегда для меня это было абсолютно неформальное, символическое, очень важное для Казани действо. Навсегда оно осталось для меня приметой города. Очень важной приметой.

В прошлом году на выставке, посвященной Тукаю в музее-заповеднике «Казанский Кремль», мы представили записи поэтических митингов прошлых лет. И с радостью отмечали, как много наших посетителей задерживались у видеозащиты, чтобы послушать и поэтов Татарстана, и Айрата Арсланова, читавшего Тукая.

Когда писала очерк для «Республики Татарстан», изучила историю домов, фронтоны которых были украшены часами. Начиная с Главпочтамта, и дальше – деревянные дома на Айвазовского,

Ульянова... Это было очень красиво. Наверное, именно тогда я полюбила район так называемой Третьей горы. Интеллигентский тихий центр Казани, улицы Калинина, Вишневого: там, где сейчас громадные дома, в те годы еще стояли старые профессорские деревянные домики. Когда-то там жили выдающиеся ученые Казанского университета, Медицинского института... Уже в восьмидесятые годы эти дома сносили, профессоров расселили, и вместе с ними ушла удивительная аура тех мест.

Но город развивался, заряжался новой энергетикой. Он влиял на настроение и стиль жизни. Наверное, все-таки это была любовь! За гигантскими домами на Вишневого, внутри дворов, в один из домов переехал Хасан Туфан. Из Башкирии к нему приезжал замечательный поэт Назар Наджми, с которым мы были знакомы еще в

Уфе. Провожала как-то его к Туфану (мы жили тогда на перекрестке Вишневого и Калинина) и бесконечно могла слушать, как говорят два мудрых человека. Самое интересное на свете – это все-таки люди. Мне по-настоящему повезло в жизни на роскошь общения.

Овраги, убегающая вниз улица Калинина... Когда мы жили в тех краях, ее активно ломали и строили новые дома. Наш любимый сосед, великий артист-сатирик Равиль Шарафиев любил ходить по этим развалинам и всегда возвращался с добычей. То удивительные бронзовые шпингалеты принесет и светильник необычной формы, диковинные дверные ручки... Находки чистились, приводились в порядок, это было его хобби. Мы часто спускались к нему на второй этаж, там собирались коллеги-артисты, писатели, ученые. Они также становились нашими поводьями по Казани.

...Помню дом среди пятиэтажек ближе к автовокзалу на улице Тинчурина. Там жила вдова Тинчурина – Захида ханум, а Равиль с супругой заботились о ней. Когда Рушания пекла вкусное, сразу с неостывшими пирогами ехала на Тинчурина.

Очень важно, с чем у тебя ассоциируется то или иное место. Еще на третьем курсе МГУ мы сдавали зачет по истории журналистики, и я прочитала у Ларисы Рейснер, что «все поволжские города похожи друг на друга как тертые калачи, но все же особым уродством блещет Казань». Гуляя по Казани, я мысленно спорила с ней: вот здесь ампири сочетается с готикой, минареты мечетей и купола церквей рядом. Что в некоторой эклектике гармонии порой гораздо больше, чем в прямом ряду одинаковых домов!

...И все-таки, нельзя не вспомнить: я ездила в редакцию мимо ужасных трущоб. На Спартаковской, особенно в начале улицы Баумана, как раз под стенами Кремля, некоторые строения уже провалились в землю по самые окна. От отчаяния иные жильцы вывешивали лозунги: «Долой трущобы! Спасите нас, переселите нас!» Все это было совсем недавно. Спасибо Программе по ликвидации ветхого жилья! Она была подготовлена по требованию коренных казанцев.

Столица встречала Международный форум Химиков. К нам приехал Нобелевский лауреат, француз Жан-Мари Лен. Он влюбленно вглядывался в город, в течение дня обязательно садился за рояль. Пришлось специально договариваться с ректором консерватории Рубином Абдуллиным насчет инструмента. Жан-Мари Лен сказал, что не мог не приехать в Казань, потому что всегда мечтал поклониться городу отцов-основателей органической химии.

С ним мы были одновременно и экскурсоводами, и ведомыми, что-то он знал больше, что-то мы. После

этой встречи я совсем по-другому стала смотреть на наш университетский городок.

И, конечно, с первых дней после приезда начала постигать Кремль. «Комсомольская правда» арендовала для Римзиля – моего мужа и собкора по Поволжью – наше первое жилье – в гостинице

«Молодежный центр», прямо в здании нынешнего «Акбарс-банка» на пятом этаже. Поэтому каждое утро я просыпалась и через окно видела в новом цвете панораму Кремля. Изумление от увиденного сохраняется и сейчас. Не знаю, какие законы тут действуют. Но что бы ни строили рядом, напротив, иногда – с серьезной архитектурной заявкой, но Кремль на любом фоне становится еще красивее...

Помню я Кремль и большим учреждением. Мне доводилось сначала писать репортажи с заседаний Совета Министров, других ведомств. Кстати, мой второй министерский кабинет (Минкультуры РТ) был еще в Кремле. Когда в Кремле начались первые раскопы, казалось, что все это невозможно завершить, такие были масштабы! А сейчас уже и тысячелетие Казани, и федеральная программа по возрождению центра города и Кремля уже хоть и недалекая, но история.

Кремль – для всех казанцев и гостей, здесь накоплена колоссальная энергетика, и я не знаю человека, которому он был бы не интересен. Кремль – наше все. Отсюда все пошло и отсюда все начиналось. И замены ему нет. У всех есть трогательные воспоминания, связанные с этим местом. Кто-то в детстве играл здесь в «войнушку», кто-то приходил сюда на свидание, а кто-то жил далеко от Казани и всегда мечтал здесь побывать...

Как, например, живущая в Греции Ксения Сфири-Юсупова – внучка князя Феликса Юсупова, продолжательница рода Сююмбике в одиннадцатом поколении. Когда она пришла в Кремль, было такое ощущение, будто через пять веков, десятки поколений в Казань вернулась легендарная царица, именем которой названа башня. И вот подходим к сакральному месту с чуть наклонившимся сооружением – символом Казани и татарской истории. Несмотря на исторические факты, народ помнит это место как ханскую мечеть, воспринимает его как легендарное. Эта башня не случайно хранит имя Сююмбике. Ничего с этим не поделаешь. Он признал ее ауру.

Как обычно, при появлении «греческой» Юсуповой здесь было многолюдно. Что творилось в ее душе в этот миг, ведомо только ей. Но взволнованы были все, кто знал смысл этой встречи. И, когда Ксения подошла к башне, приложила к красной стене свои ладони, мне хотелось плакать. Такое в кино не увидишь и не почувствуешь.

...Мы живем в потрясающем городе, рядом с удивительными сокровищами. ■

► Юлия Калинина

ТУРИСТИЧЕСКАЯ УХА ДЛЯ ОСТРОВА

Свияжск в туризме Татарстана стал «островной цивилизацией». Оторванный от большой Земли в XX веке не только водой, но и историей, это не город и не деревня, такой маленький географически и такой большой в историческом масштабе.

Любая часть истории Свияжска – доблестной, кровавой или бытовой – подвергается осмыслению и становится частью музейной экспозиции, а островная самобытность становится туристическим аттракционом. Это удел всех посещаемых туристических мест, где продолжают жить люди: у местных жителей постепенно исчезает частная жизнь как таковая.

На гербе Свияжска изображен не только плавучий город, но и рыба: с давних времен местных жителей называли «лещевниками». Ведь рыба была здесь не только едой, но и предметом торговли. И вот для туристов Татарстана возник фестиваль «Свияжской ухи», который в этом году вошел в тройку самых популярных гастрофестивалей осени. Спортсмены из Федерации рыболовного спорта ловили рыбу, команды ее варили, туристы ели, местные дети привычно

развлекались – они, кажется, видели уже все. Рыбалка еще остается для жителей Свияжска частью жизни, как и уха – обычным блюдом, но, конечно, местных уже никто «лещевниками» не назовет. Теперь, чтобы не быть браконьерами, местные должны полюбить рыбалку как хобби. А знаменитый свияжский лещ продается разве что как сушеный сувенир. ▀

фото Юлии Калининой

► Гульназ Хайруллина,
Медиа Лаборатория Университета Талантов

ШКОЛЬНИКИ ИЗ БУГУЛЬМЫ СОЗДАЛИ ПРИЛОЖЕНИЕ, СПОСОБНОЕ ЗАМЕНИТЬ УРОКИ ОБЖ

В конце лета – с 18 по 23 августа – в Казани прошла IV Летняя молодежная школа «Открытие талантов», которую ежегодно проводит Казанский открытый университет талантов 2.0. Молодежная школа талантов объединила около 400 победителей и призеров олимпиад и конкурсов со всего Татарстана.

На протяжении шести дней участники слушали лекции и истории успеха, посещали мастер-классы и получали персональные консультации по развитию своих проектов от ведущих

республиканских и федеральных экспертов в области экономики, инженерии, образования и управления талантами. Также ребята открывали свои идеи и проекты потенциальным партнерам

и представителям предприятий. По итогам Летней молодежной школы «Открытие талантов» 100 участников с лучшими проектами в качестве студентов по индивидуальному плану развития

продолжат свое обучение в Университете Талантов. Кроме того, в рамках государственной программы «Стратегическое управление талантами в РТ на 2015-2020 годы» этим проектам будет оказана поддержка на их дальнейшую реализацию.

– **Watch school** – это 3D-приложение, которое поможет решить проблему травматичности детей на улице, – рассказывают Саша и Римма. – Да, подобные методики, конечно, есть, но они не столь эффективны. Бумажные пособия, лекции, уроки ОБЖ – неинтересны, мы по себе знаем. Сегодня дети любят компьютерные игры, поэтому мы перевели образовательный процесс в компьютерную игру. Она состоит из трех локаций.

Сначала игроку нужно добраться от своего дома до школы, выбрав наиболее безопасный путь, затем в школе возникает чрезвычайная ситуация – пожар. Последняя локация – это дорога из школы домой, где игроку тоже предстоит выбираться из опасных ситуаций. За правильные действия даются бонусы, за неправильные – штрафы, и более того – приходят уведомления, подсказывающие, что вы нарушили и как правильно себя нужно вести.

Мы провели краш-тесты приложения – результаты оказались достаточно хорошие. Большинство опрошенных ответили, что эта игра интересна и актуальна: 80% участников установили бы это приложение себе на смартфон.

У нас есть статистика ГИБДД, которая показывает рост травматичности и смертности среди подростков, и эти цифры стали фактором для разработки нашего приложения **Watch school**.

Одним из проектов, которые отметили эксперты, стал проект учащихся бугульминского лицея №2 Александра Дихтяренко и Риммы Нуриевой. Школьники убеждены, что современные учащиеся не воспринимают традиционные форматы подачи информации. В век технологий внимание молодежи можно привлечь только цифровыми продуктами. Борьба с этим призвано их приложение **Watch school**, о котором ребята нам рассказали подробнее.

Кроме того, наш проект имеет и образовательный аспект: мы планируем провести IT-марафон по созданию 3D-моделей школ, и хакатон – его участники будут писать программную часть и все сценарии.

Во многих школах внедряется проектная деятельность. Теперь мы сами можем предоставить работу над проектом другим ребятам. Заинтересованные в IT-сфере школьники могут уже сейчас попробовать

свои силы в разработке и принести пользу обществу.

Таким образом, наш проект сочетает в себе приложение-симулятор чрезвычайных ситуаций, мероприятие муниципального уровня (IT-марафон), платформу для дополнительного образования. Если практика в нашем городе пройдет успешно, мы будем разворачивать ее на всю республику. ■

► Юлия Калинина

«ЧАЙКА». Формула счастливого детства

Детский оздоровительный лагерь «Чайка» всего лишь на 12 лет младше Нижнекамска, в 16 км от которого находится. Когда в 1978 году на живописном берегу реки Зай появился палаточный лагерь для детей работников «Нижнекамскшины», впереди было много надежд и планов, но вряд ли можно было тогда представить, каким станет лагерь через 40 лет.

Сейчас это самый большой детский лагерь в Татарстане, в нем могут отдыхать сразу 450 детей, а за лето – более 1800. Самый современный стадион и бассейн, кардио зона, специально подобранный рацион из фермерских продуктов, а также эксклюзивная подготовка вожатых и педагогов и многое другое.

НУРГАЛИ САЛИХОВИЧ МАННАНОВ,

директор
ООО СБО
«Шинник»:

– При поддержке ПАО Татнефть–Татнефтехим и УК мы провели реконструкцию детского оздоровительного лагеря примерно на полмиллиарда рублей – это и ремонт корпусов, и строительство современного крытого бассейна, спортзалов, а также самого большого стадиона ГТО в Татарстане. Такой гигант, как Татнефтехим, имеет много социальных объектов, и их качество должно быть соизмеримым с его масштабом и уровнем. В этом году в «Чайке» отдыхали не только дети предприятий нефтехимического производства, но

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ЗАХАРОВ, директор оздоровительного лагеря «Чайка»:

– Работа с детьми – это всегда радостно и интересно. Каждая наша смена тематическая, все делается для того, чтобы ребенок развивался творчески. У нас очень насыщенная программа и много творческих конкурсов. Если в отряде 35 человек, мы стараемся, чтобы все 35 участвовали в конкурсах. И на протяжении смены видно, как ребенок становится более самостоятельным. Ему самому становится принципиально и навести в комнате порядок, и себя обслужить. И неважно, 7 лет ему или 14.

Каждое утро начинается в семь часов с планерки вожатых, где все получают задания и подводят итоги предыдущего дня. Потом общее построение: поем гимн и начинаем зарядку. В этом году мы активно сотрудничали с клубом премиум класса «Orange Fitness». Три раза в неделю их инструкторы проводили зарядку, а один раз в смену они занимались с детьми весь день на нескольких площадках сразу по программе, специально разработанной для детей от 7 до 14 лет. Это и аэробика, и силовые тренировки, и растяжка, и плавание. К счастью, возможности лагеря позволяют работать с самым современным оборудованием.

В этом году мы провели военно-патриотическую смену. Нам было важно пробудить у детей интерес к защите отечества. В этом нам помог региональный центр «Сыны Отечества»: они предоставили своих инструкторов, а по завершении у нас был большой военно-патриотический праздник. Мы пригласили ветеранов войн, в том числе Афганской. И все дети участвовали в параде и в конкурсе строевой песни, каждый отряд представил свои показательные выступления.

Территория лагеря – это семь благоустроенных корпусов среди соснового леса, сеть тенистых дорожек, открытые бассейны (планируется заменить их на современных крытые с элементами аквапарка), с этого года появились миниконюшня и яблоневый сад. Ни у одного оздоровительного лагеря нет такого стадиона: трибуны на 1000 мест, современные благоустроенные раздевалки, универсальные спортивные площадки, беговая дорожка, футбольное поле с современным покрытием и даже тир, рассчитанный на детей как младшего, так и старшего возраста.

По всей территории для детей проводятся интересные квесты, а на

живописный берег реки Зай отряды ходят в тренировочные походы – учатся ставить палатки, готовить на костре и многое, многое другое. На территории лагеря есть wi-fi, но пользуются им в основном при подготовке к конкурсам, так как дети всю смену живут без гаджетов. Все сделано, чтобы они больше двигались, общались и полноценно физически отдыхали. Такая насыщенная и продуманная программа была бы невозможна без квалифицированных педагогов и вожатых. Третий год «Чайка» сотрудничает со студенческим республиканским педагогическим отрядом. Там проводится первоначальная подготовка, а в лагере для будущих вожатых проводят смену с погружением. Таким образом, 1 июня приезжают вожатые, которые готовы к работе именно здесь и понимают местные традиции, знают требования лагеря.

Творческая смена проходит традиционно каждый год, в финале – выступление на фестивале оздоровительных лагерей «Татнефти». Каждый участник получает символический приз, победители же награждаются как дипломами, так и денежными призами. В родительский день устраивается общий веселый «сабантуй», где

принимают участие и дети, и родители. За эти сорок лет образовались уже свои «династии»: дети, что когда-то отдыхали и росли здесь, уже сами стали родителями.

Многое изменилось за 40 лет, но остаются неизменными традиции «Чайки» – создание атмосферы, где ребенку будет не только интересно, но и уютно, где каждому уделяется особое внимание, а после смены остается ощущение лета, детства и дружбы. Это то, что никогда не забывается, то, что можно назвать формулой счастливого детства. ▀

► Эндже Басирова

И ДЕРЕВО С ПЛОДАМИ КЛОНИТСЯ К ЗЕМЛЕ

Крестьянско-фермерское хозяйство «Сафиуллова Р.Г.» и агрофирма «Колос», которые возглавляет Рима Гумеровна Сафиуллова, не только в Тетюшском районе, но и на уровне республики занимают одно из первых мест. «Без своих работников я бы никогда не смогла продвинуться вперед. Все, кто у нас работает, достойны отдельного внимания и похвалы. Говорить надо не обо мне, а о тех, кто ежедневно трудится во имя всеобщего блага».

Мы сели в машину заместителя руководителя хозяйства «Колос» (объединяет деревни Жуково, Красный Тархан, Берлек и Иоково) Радика Халимовича Юсупова и отправились на поля. В тот день руководитель Тетюшского района Рамис Сафиуллов прибыл поздравить комбайнеров, собравших первую тысячу тонн урожая. Известно, что в этом соревновании земледельцы «Колоса» не подвели.

Основное направление хозяйства «Сафиуллова Р.Г.» и «Колос» – выращивание хлеба элитных сортов и разведение крупного рогатого скота. У засеянных полей ни конца ни края не видно: они соединяют берега рек Волги и Свияги с одной стороны, а с другой – достигают Ульяновской области. В хозяйстве имеется более 900 голов скота. Одна корова дает в год 6 тыс. литров молока. К предстоящей зиме уже заготовлено достаточное количество кормов. Еще предстоит запасти фураж и сенаж. Когда разнообразных кормов до-

статочно, руководитель хозяйства спокоен. К сожалению, в этом году в начале лета из-за непогоды в некоторых районах пострадали посевы хлеба, свекла. И «Колос» потерял 200 га корневых культур из-за сильного града. Хлеб, к счастью, не пострадал. «На полях много урожая, – говорит Радик Юсупов. – Слава Аллаху, с гектара в среднем 56 центнеров урожая собираем, на некоторых полях эти показатели повысились до 60».

В уборке урожая задействована современная техника. Освободившуюся землю тут же вспахивают. «Свекла занимает 750 га земли. Сегодня вес одной свеклы уже может достигать в среднем 1,5-1,7 кг. Есть еще время дозреть. На свекольных полях все процессы механизированы. Для борьбы с вредителями, болезнями, сорняками достаточно гербицидов и прочих средств. Самое главное: работа для деревенского жителя есть всегда. Зарплата у нас в среднем 27 тыс. руб. Олег Шайдулов, один из наших

комбайнеров, в прошлом году заработал на комбайне около 600 тыс.», – рассказывает Радик Юсупов.

Многие деревни распадаются из-за того, что жителям некуда трудоустроиться. Но в этих краях такой проблемы нет. Хотя и были времена, когда колхоз не платил зарплату года четыре, жители деревни махнули рукой... Семья Сафиуллиных, взяв все в свои руки, помогает преодолеть трудности и восстанавливает хозяйство. То, как новый хозяин старался во благо людей, сразу бросалась в

**«Если была бы
возможность обучения
детей, раскрытия их
талантов, больше бы
оставалось людей в
деревнях»**

глаза. Как говорит Рима Гумеровна, если не будешь работать, не сможешь завоевать авторитет. Чтобы заслужить уважение, Рамис Сафиулов всем желающим помогал приобрести машину в кредит и построить дом. И это сработало: люди поверили и не ошиблись. Что еще важно: с теми, кто работал в коллективе, Сафиуловы находили общий язык, и коллектив становился крепкой командой, настоящей семьей. Без надежного тыла руководитель теряет уверенность, а также не решился бы на приобретение дорогостоящей техники. По словам Радика Юсупова, если не покупать современную технику, отстанешь от жизни, а во время уборки урожая не дело это – сидеть и ждать, когда у других освободится техника, это вдвойне расходно. Современная техника позволяет убирать урожай. Да и самому комбайнеру комфортнее: в кабине работает кондиционер, с улицы внутрь не попадает пыль. «Механизаторы все способные, – говорит заместитель руководителя, – вот недавно купили за 42 млн комбайн «Роба», а также приобрели погрузчик за 36 млн. Чтобы работать на такой технике, наши ребята выучились в Липецке. Это техника – новая, пока находится в гараже, ждет своей «премьеры».

За день до нашего приезда в хозяйство «Сафиулова Р. Г.» доставили новый комбайн. Рима Гумеровна первой села за руль и осталась довольна, опробовав технику.

В данном хозяйстве еще одна отрада – много молодежи. Например, в крестьянско-фермерском хозяйстве «Сафиулова Р. Г.» исполняющий обязанности заместителя руководителя Ильсур Мухаметзянов, бухгалтер агрофирмы Алина, Сергей Николаевич – это всё молодежь. «Если была бы возможность обучения детей, раскрытия их талантов, больше бы оста-

валось людей в деревнях, – признается Рима Гумеровна (после того как побывали в полях, вновь встретились с этой женщиной.-авт.). – Но ведь нет! Школы закрываются, поэтому люди вынуждены уезжать. Мы же стараемся поднять настроение наших сотрудников. Три года назад я вывозила сотрудниц бухгалтерии в Египет на отдых. Всем желающим выдаем путевки в санаторий, чтобы восстанавливались, поправляли здоровье. Если в районный центр или соседнюю деревню приезжают с концертом, то выдаем сотрудникам билеты. Во время месяца Рамадан проводим ифтар, каждый год режем барана на курбан и приглашаем пожилых людей. В деревне Красный Тархан возвели мечеть, восстановили ту, что в деревне Суюндюк. Меджлисы проводим там. Если у кого-то в семье случается беда, кто-то умирает или заболевает, мы также стараемся протянуть руку помощи. На дни рождения, на юбилеи дарим сотрудникам достойные подарки: телевизор, стиральную машину. А еще я хочу организовать для наших пожилых жителей поездку в Древний Болгар».

...Когда Рима Гумеровна приехала в Жуково вместе с мужем Рамисом эфенди, сама начинала работать в бухгалтерии, сейчас руководит этим отделом, любовно называет их «мои девочки»: «У нас вся жизнь бок о бок прошла: сначала

дети пошли в школу, затем дети получили высшее образование, затем у всех нас родились внуки. Каждое мгновение жизни мы рядом друг с другом и горести и радости делим. Если руководитель будет жить для себя, думать только о себе и совершенно не замечать своих подчиненных, то все его предприятие пойдет прахом. Я не люблю, когда текучка». Да, относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе: ведь и дерево с плодами клонится к земле. Подчиненные Римы Гумеровны говорят, что она им пример и как женщина, и как руководитель, и как мать. Доказательство тому – ее собственная семья: более 30 лет совместной жизни с мужем, два сына, у старшего есть уже своя семья и ребенок, младший учится в школе на «отлично», призер различных конкурсов, всероссийских и международных, учит английский и жить не может без хоккея. Каким бы надежным ни был муж Римы Гумеровны, она рассчитывает и на себя. «Женщина особенно должна твердо стоять на ногах, ибо она в ответе за своих детей», – признается женщина-руководитель, прекрасная мать и жена, которая является крепким тылом для мужа. А секрет того, как идти рука об руку по дороге жизни, прост: нужно доводить начатое дело до конца, быть простым в общении и не ставить себя выше других. ■

Самая цельная «ЦИЛЬНА»

ООО «Цильна» – одно из ведущих хозяйств в Дрожжановском районе Республики Татарстан. Оно занимается производством зерновых, выращивает свеклу, а также имеет развитую отрасль животноводства.

ДЛЯ РАЗВИТИЯ НЕОБХОДИМА ПРИБЫЛЬ

Чтобы понять, как живёт и развивается «Цильна», достаточно взглянуть на некоторые показатели, сравнить с показателями 2011 года и понять, что уровень развития на сегодняшний день высок. К примеру, численность крупного рогатого скота увеличилась с 1984 до 2520 голов! Также в хозяйстве сумели получить больше литров молока: если раньше с одной коровы выходило 8896 литров в год, то сейчас 9825. За 5-6 лет эффективность с двадцати процентов достигла сорока.

А денежные доходы одного человека выросли с 1,2 млн до 2,1 млн!

– Удача зависит от золотых рук работника, – признается директор предприятия Барис Аппаувич Гафуров. – Твоя надежда и опора – это работа в команде. Я годами подбирал людей, и у меня сейчас все главные специалисты очень опытные, со стажем, со званиями: у нас есть заслуженные агрономы Татарстана, заслуженные экономисты, животноводы.

Барис Аппаувич и сам не из тех, кто остался за бортом: заслуженный сельхозработник России и Татарста-

на, кавалер ордена II степени «За заслуги перед отечеством» и награжден орденом «За заслуги перед республикой Татарстан».

Обратим внимание и на тот факт, что средняя заработная плата сотрудника «Цильны» составляет 29 тыс. рублей. А в конце года отличившихся работников ждет приятный сюрприз: им выплачивается премия в размере четырехмесячной зарплаты! Фото отличившихся сотрудников вывешивают на доску почета, награждают дипломами не только хозяйства «Цильна», а и районными.

«Организация «Цильна» — флагман в районе. Она задает вектор развития в отрасли, а остальные сельхозпроизводители на нее равняются. Хозяйство постоянно осваивает новые технологии, контактирует с учеными, находит эффективные решения. На базе ООО «Цильна» часто проводятся семинары высокого уровня. Аграрии стараются повысить качество своей работы, придерживаясь примера «Цильны», —

Александр Валерьевич Шадриков, глава Дрожжановского района РТ.

ЗДОРОВАЯ КОРОВА ДАЕТ БОЛЬШЕ МОЛОКА

Главный экономист организации Талгат Султанович Бахаров поделился своим мнением:

«Наше предприятие создано на базе бывшего колхоза в 2004 году как хозяйство мясомолочного, зернового направления с развитым свекловодством. Раньше также занимались разведением свиней, но из-за угрозы африканской чумы это направление стало убыточным. Чтобы помещения не пустовали, мы их реконструировали и увеличили поголовье КРС. У нас черно-пестрая порода, животные обладают хорошим потенциалом. Молоко сдаем на завод ООО «Дружба» первым сортом. Жирность 3,7%, белок – 3,0-3,1%. Закупочная цена с учетом этих показателей неплохая – 22 рубля. Что касается содержания, то мы работаем по привязной технологии, но с мая по сентябрь переводим скот на беспривязное содержание.

Мы содержим животных на деревянном полу. Считаю, что это наиболее экологичное покрытие и позволяет снизить риск возникновения болезней копыт. А если животное здорово, то и его продуктивность повышается. Конечно, стоимость покупных кормов сводит рентабельность к нулю. Мы не только сами производим корма, но и излишки продаем соседним хозяйствам. Стараемся готовить кормовую базу так, чтобы хватило на 1,5 – 2 года. Ведь сельское хозяйство очень зависит от погоды. А в нашей зоне последние три года часто случаются засухи. Чтобы нивелировать ее влияние, 1600 га отводим под посевы многолетних трав. Первый укос будет гарантированный. В сельском хозяйстве нужно работать исходя из принципа «надейся на лучшее, готовься к худшему».

ТЕХНИКА НЕ ПОДВЕДЕТ!

Поражает парк, в котором содержится техника. Будто попадаешь на мировую выставку. На благоустройство машинного парка потребовалось 3 млн рубл., 900 тыс. из которых покрыл бюджет республики. Приведена в порядок крыша, и отлажена система газового отопления. Это очень нужное действие. Как говорится, один летний день прокормит целую зиму, летом вся техника занята на сельскохозяйственных работах, а вот зимой ее обслуживают механики, зимой техника «отдыхает», чтобы с наступлением сезона вновь служить на благо людям. Для качественной и быстрой заготовки кормов мы используем энергонасыщенную технику. Приобрели комбайн MacDon с девятиметровой жаткой – производительность до 100 га в день. Следом за ним всю массу подбирает JAGUAR. Такая комбинация техники позволяет достичь большей измельченности, а это сказывается на производительности. По сравнению с «Полесье» и ХТЗ, техника «Цильны» за один рейс делает двойную норму, больше массы помещается в машину.

Многие помнят, как раньше приходилось выращивать свеклу: использовался ручной труд:

прополка, прореживание, срезание ботвы, погрузка свеклы для отправки на Буинский сахарный завод. «Цильна» одной из первых в республике освободила женщин от «свекольной» работы: приобрели комбайн «Роба», который один заменяет двадцать разных машин, а необходимость в ручном труде и вовсе отпадает. С заводом по производству сахара работают в соотношении 60 на 40, забирают себе 60% произведенного сахара.

В селе Малая Цильна сегодня 550 дворов, более тысячи жителей. Есть предприятие, которое процветает, с большим количеством рабочих мест, с достойной заработной платой. Но чтобы удержать молодежь, нужна стабильность, предсказуемость ситуации. Свеклу сеют, а какова будет её цена по осени – не знают. Знали бы – можно было бы урегулировать затраты на удобрения. К тому же траты на электроэнергию, обслуживание техники и т.д. – в этой ситуации спасает непрерывное наращивание объемов. Но возможности земли не безграничны. Нужно на государственном уровне это понимать и крепко задуматься. ■

► Юрий Карпов,
кандидат искусствоведения, профессор КГК

Дирижер, КОТОРЫЙ СТРЕМИТСЯ К ПРАВДЕ

Ироничный и остроумный, педантичный и пунктуальный, внимательный и отзывчивый – пожалуй, такими эпитетами можно охарактеризовать одного из ведущих профессоров Казанской консерватории – Владислава Георгиевича Лукьянова, отметившего 25 августа 2017 года свой 80 день рождения.

80 лет – много это или мало?.. Время – относительно, утверждал Эйнштейн, и, чтобы ответить на заданный вопрос, стоит немного почитать, дабы стало ясно, сколько же действительно вмещают в себя эти годы.

Итак, 80 лет профессора Лукьянова – это:

56 лет – стаж работы в КГК;

42 года – руководство Детским хором Дома творчества им. А. Алиша;

28 лет – заведование кафедрой хорового дирижирования Казанской консерватории;

20 лет – руководство Хором студентов Казанской консерватории;

12 лет – руководство Хоровым обществом Татарстана;

Итого: 158 лет за 80 лет!..

Уже более полувека Владислав Георгиевич преподает на кафедре хорового дирижирования. За эти годы в его классе прошли обучение дирижеры, работающие в России и за рубежом, сами уже ставшие заслуженными и народными. Перечисление только их фамилий и званий заняло бы половину журнального пространства. При этом в своем архиве профессор хранит списки всех сочинений, которые когда-либо изучались его учениками в дирижерском классе. Представьте только: профессором собраны все(!) программы по

специальности всех(!) его учеников за 56 лет преподавания, с 1 по 5 курс – вот уж поистине немецкая педантичность!

С именем Владислава Лукьянова связаны успехи руководимого им уже на протяжении 20 лет Хора студентов консерватории – участие в престижных Международных фестивалях в Европе, выступления в концертных залах наших столиц, широкая концертно-просветительская деятельность в регионе. Ни один концерт коллектива под управлением этого дирижера не оставляет равнодушной публику, палитра чувств которой бывает очень разной: от удивления (вот как хор может петь!) до шумного восхищения. И почти всегда у слушателей в зале остается невысказанный вопрос: в чем же секрет этого студенческого хора, столь непохожего на многие другие? Ведь сохранить слаженность и высокий уровень коллектива, в котором каждый год меняется состав (опытные выпускники уходят, их место занимают первокурсники), очень сложно.

А секрет весьма прост. Профессор Лукьянов – из той редко встречаемой породы дирижеров, которым претит диктатура. Он не навязывает исполнителям свою волю – но приглашает их к со-творчеству, ведь музыка для него – прежде всего средство общения, возможность хоровой звукописью говорить с людьми о прекрасном и непреходящем. Дирижер не заставляет подчиняться – он убеждает в своей правоте, причем не только исполнителей, но и слушателей. Публика на его концертах бывает покорена не только чистотой строя, верностью стиля и точностью жанра, но в большей степени искренней человеческой интонацией, встречающейся в хоровых концертах, увы, все реже. Эта интонация, разговор на равных уводит

слушателя от поверхностного анализа звучания, погружает в созерцание музыкального образа – созерцание тоже не пассивное, но деятельное. Мысль слушателя всегда напряжена: он не «потребляет музыкальный продукт», а создает образ в своем воображении, вместе с хором и его дирижером, который всегда стремится к правде – правде художественного выражения.

Несмотря на звания, заслуги и опыт, Владислав Георгиевич и в свои 80 не превратился в памятник самому себе, не «забронзовел», продолжая оставаться как в творчестве, так и в общении, – живым человеком. Пожалуй, нет такого вопроса, с которым любой студент не мог бы подойти к заведующему кафедрой, и он непременно выслушает и постарается помочь – советом, рекомендацией. А уж по количеству крылатых фраз профессора, ушедших «в народ», ему просто не найти равных. Подобному «индексу цитирования» позавидует иной академик наук! Стоит лишь услышать требовательное «Извините-сь!», важное «Дамы и господа, сэры и сэрихи» или настоятельное «Завтра репетиция КГБычно!», и ты с улыбкой понимаешь, что где-то рядом если не сам мэтр, то уж точно твой коллега-хоровик, студент – бывший или нынешний – хорового факультета Казанской консерватории.

В 1989 году Владислав Георгиевич, сменив своего учителя Семена Абрамовича Казачкова, возглавил кафедру хорового дирижирования. Под его руководством кафедра прошла через непростой период конца прошлого века, встретила век XXI и сегодня продолжает успешно работать. Идет время, меняются поколения, но профессор Лукьянов остается на своем посту, личным примером воспитывая молодых музыкантов, не поддаваясь сиюминутной конъюнктуре и сохраняя верность принципам Казанской хоровой школы, в основе которой – бескорыстное служение искусству, одухотворенному и чистому...

Многая лета, Владислав Георгиевич!

Статья впервые опубликована в книге «Дирижирование – дело светлое!..». – Казань, ИД «Мир без границ», 2017. Печатается с изменениями. ■

XIII КАЗАНСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ МУСУЛЬМАНСКОГО КИНО:

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ОХОТЫ... за зрителем

С 5 по 11 сентября в Казани прошел XIII Казанский Фестиваль мусульманского кино. В этом году на участие в фестивале было принято 782 заявки из 61 страны мира. В конкурсный шорт-лист вошли 60 фильмов из 27 стран.

Оценивало конкурсную программу авторитетное жюри под председательством народного артиста России, режиссера и сценариста Николая Достала. Новшеством фестиваля стало то, что в составе жюри посекционно работали 20 специалистов из 11 стран мира. Гостями фестиваля стали известные деятели кино: киновед Кирилл Разлогов, актеры Светлана Светличная, Ольга Остроумова, Владимир Конкин, Сергей Маховиков, Кирилл Плетнев, Владимир Вдовиченков, Леонид Кулагин, Анна Снаткина, Виктор Мережко, Андрей Соколов, Марат Башаров, Валерий Гаркалин, Кирилл Сафонов, режиссеры Николай Досталь и

Михаил Левитин, продюсеры Рубен Дишдишян, Руслан Татаринцев, певицы Эльмира Калимуллина и Дина Гарипова и многие другие.

Помимо большой конкурсной программы, зрители получили возможность увидеть параллельные и внеконкурсные программы. В четырех кинотеатрах прошли презентации новых фильмов, пресс-конференции, ретроспективы фильмов А. Кончаловского, Н. Достала, С. Юзеева. Актер Кирилл Плетнев дебютировал в Казани в качестве режиссера нового,

обжигающего душу фильма «Жги!». Михаил Левитин и Ольга Остроумова представили новую полнометражную мелодраму «Подлец». В каждом из них есть определенный «запас беспокойства» за завтрашний день. Еще до фестиваля неоднократно анонсировались съемки под Казанью фильма «Мулла» по пьесе Т. Миннуллина. О них рассказал актер Марат Башаров, который сыграет главную роль. Популярность Башарова в нашей республике феноменальна, и, думаю, благодаря его игре, картина в будущем году будет обеспечен хороший кинопрокат. Во внеконкурсной программе 2017 года

беспорным фаворитом стала презентация многосерийного фильма «Золотая Орда». Продюсеры фильма объявили, что он будет закуплен ОРТ и показан полностью весной 2018 года. Картина посвящена неоднозначному периоду в истории России – политическим коллизиям в отношениях России и Орды. Разножанровые ленты молодых российских режиссеров были представлены в номинации «Россия молодая». Здесь шел активный поиск новых пространств, не было ненужных и надоевших всем экспериментальных «гимнов труду», не наблюдалась усложненность киноязыка. Очень достойными

были фильмы молодых кинематографистов «Похоронить Ленина» Е. Данченко, «Электрический стул» Е. Зверева, «Эффект домино» В. Александрова, «Дикарь» Т. Ганева, «Исповедь мизантропа» Т. Жуковой. Острый взгляд на проблемы цивилизации показывает, что кинематографисты в своем большинстве четко понимают, что «жизнь вообще ближайшая соседка смерти. Поэтому нужно ценить и лелеять каждый наш осознанный миг». Египетская актриса Ильхам Шахин представила фильм 2016 года «Женский день» режиссера Камла Абу-Зекри, в зале во время показа был переаншлаг. Эта лирическая

полнометражная картина выполнена в традициях добротного мейнстрима с переплетением комизма, острой социальности и личного драматизма. В маленьком городке открылся муниципальный бассейн. И раз в неделю, по воскресеньям, в бассейне организуют женский день. На этом фоне и разворачиваются события фильма. Актриса поблагодарила казанскую публику за восторженную реакцию. Отмечу, что гостя из Египта также представила в Казани программу Асуанского фестиваля женского кино. Образовательный форум «Время кино» в этом году объединил кинопрокатчиков и фильмопроизводителей. Насыщенная программа ждала журналистов и кинематографистов в работе

многочисленных мастер-классов: «Сценарий короткометражного фильма на примере проката компании «Дисней» «Счастье – это...», «Про ПРОкатку и ПРОкат», «Короткий метр. Начало», «Фестагент: за гранью каннского», «Этапы становления независимого азербайджанского кино», «Практикум по защите проектов на международных питчингах», «Кинофестивали Восточной Европы», «Дистрибуция европейского артхауса», «Поддержка авторского кино в Южной Корее» и другие. Открылся фестиваль фильмом для пресс-показа «Наш проповедник» египетского режиссера Магди Ахмеда Али. Сложные отношения с паствой у молодого каирского хазрата, который всегда приходит на помощь верующим,

больным, страждущим, неверующим, приводят его к разрыву с мечтой, и он возвращается к мирской жизни, поняв, что изменить жизнь многих он просто не в состоянии. Фильм стал серьезным событием в мире кино, и казанцы после окончания его бурно обсуждали. Режиссер эмоционально рассказал о современном египетском обществе, в котором немало противоречий и откровенной вражды. В премьерном показе фильма Егора Климовича «Правило Кубертена» события разворачивались накануне олимпиады 2016 года в Рио-де-Жанейро. Это история легкоатлета Алексея Федорова. Алексей, блестящий спортсмен, не был замешан в допинговых скандалах, не был уличен в применении

запретных препаратов. В 2015 году он выполнил олимпийский норматив, дающий право на выступление в Рио, но, в связи со скандалом, до последнего не знал, окажется ли он на Олимпийских играх 2016 года. Порадовал великолепный и остроумный полнометражный фильм председателя жюри Николая Достала «Монах и бес» (премия «Ника» в 4-х номинациях и премия «Золотой Орел» в номинациях «Лучший сценарий» и «Лучшая мужская роль»). В главной роли – Тимофей Трибунцев (лучшая мужская роль на «Кинотавре» 2016 года). В этой фантастической истории первой половины 19 века в мужском монастыре появляется новый насельник Иван Семенович. Но вместе с монахом в монастырь

проникают и темные силы, которые материализуются в лице Легиона (так он представился Ивану). Легион избрал Ивана объектом своей дьявольской работы, всячески искушая его, чтобы сбить с избранного им пути служения Богу. Однако чем сильнее искушение, тем крепче духовные силы Ивана..... Наконец нынешний фестиваль мусульманского кино стал фестивалем с «национальным» лицом, на котором было представлено 10 фильмов из Татарстана. Не все они равнозначны по силе воздействия на зрителя, но каждый в отдельности требует особого разговора с точки зрения критики.

– Для татарстанского кино сегодня наступил важный период, – рассказала **директор фестиваля**

Миляуша Айтуганова. – Кино количественно и качественно меняется в лучшую сторону. Сейчас мы создали фестивальную лабораторию, чтобы всерьез конкурировать на международной арене. Денежный приз станет стимулом для создания национального кино все более высокого уровня. Для внешних участников попадание в номинацию с денежным призом станет возможным лишь при участии в татарстанском проекте – это создаст благоприятную почву для вовлечения талантливых профессионалов в республиканский кинопродакшн.

В программу нынешнего фестиваля было включено 10 фильмов, сделанных в Татарстане, а в составе жюри национальное кино оценивали Миролуб Вучкович

(Сербия), Иван Золотухин (Россия) и Диана Сафарова (Россия). На закрытии фестиваля было ощущение, что все призы забрали татарстанские кинематографисты. Судите сами: приза в номинации «За вклад в развитие кинематографа Республики Татарстан» был удостоен Эдуард Гущин; специальный приз Президента Республики Татарстан «За гуманизм в киноискусстве» получил Ильшат Рахимбай; специальный приз Гильдии кинокритиков и киноведов России получил фильм Юлии Захаровой «Халима»; приз за лучший документальный неигровой фильм получил Алмаз Нургалиев за фильм «Нажиба» о жизни и творчестве народной артистки России и Татарстана Нажибы Ихсановой; приз за отражение татарской классики в национальном кинематографе получил фильм Рустама Рашитова «Неотосланные письма». Лучшим полнометражным игровым фильмом фестиваля жюри признало корейскую ленту «Нагорная проповедь» режиссера Ли Юнуи. Приз кинопрессы РТ получила Наталья Гугуева за фильм «Форсаж. Возвращение».

Подводя итоги, можно с уверенностью сказать, что главным героем нынешнего XIII Казанского фестиваля мусульманского кино стал... зритель. Поэтому «охота» за ним для кинематографистов стала актуальной проблемой. Зритель смотрел, плакал, смеялся, аплодировал, радовался и негодовал, но ни разу (!) не остался равнодушным. Любовь к кино у татарстанцев на грани бесконечности. Фестиваль, как и театр, опустил занавес, наградив победителей и тихо покинул нас до следующей осени. Будем ждать новых взлетов и премьер.

БЛИЦ-ИНТЕРВЬЮ • БЛИЦ-ИНТЕРВЬЮ • БЛИЦ-ИНТЕРВЬЮ

С заслуженной артисткой России **СВЕТЛАНой СВЕТЛИЧНОЙ:**

– Светлана Афанасьевна, Вы учились в мастерской Михаила Ромма. Насколько в будущем для Вас оказалась важна шкала его требований к актеру и нравственных ценностей?

– Ой, замечательный вопрос! Михаил Ильич был человеком высокой чести и достоинства и огромного таланта. Он дал нам, актерам, очень многое, учил, подсказывал, мы его обожали.

– Как Вам работалось с Ренатой Литвиновой над фильмом «Богиня»?

– Она человек талантливый, интересный и своеобразный. Поначалу я даже думала, что у меня ничего не получится. Мы с ней похожи внешне, я играла ее маму в фильме. Она меня нашла и сразу утвердила на роль без всяких проб. За это я ей очень благодарна, потому что не люблю кинопробы. Я очень признательна Ренате за то, что в моем творческом багаже есть эта картина.

– Что Вы читаете и смотрите сегодня?

– Я читаю и смотрю многое, обожаю перечитывать Максимилиана Волошина.

С народным артистом России **ВИКТОРОМ МЕРЕЖКО:**

Виктор Иванович, сегодня на всех телеканалах очень востребован криминальный мир. Почему?

– Потому что это своеобразный способ освобождения от комплексов для обычного человека. Образ преступника рисуется сильным, жестким и отчаянным, некоторые начинают подражать героям бандитских сериалов и боевиков. К сожалению, эти качества эксплуатируются кинематографом все больше и больше, оказывая разрушительное воздействие на общество.

– Все лучшие фильмы по вашим сценариям – о высокой любви в разных жизненных ситуациях. Вы их пересматриваете или уже пишете новые сценарии с учетом времени?

– Я люблю свои картины, мне за них не стыдно, потому что в них чистота и доброта. Иногда пересматриваю фильмы с удивлением и удовольствием. «Родня», «Прости», «Полеты во сне и наяву», «Здравствуй и прощай» любимы всеми. –

Седая борода издревле считалась символом земной мудрости. Вы ее постигли?

– Нет, что вы (смеется). Все постичь может только Господь, а я простой грешный земной человек. Но я каждый день постигаю что-нибудь новое и радуюсь жизни. Вижу целующиеся пары – радуюсь, вижу влюбленных – испытываю восторг. Любовь помогает жить... ■

> ПОЭЗИЯ
> ПРОЗА

> ДЕБЮТ

> ЛИТЕРАТУРА БЕЗ ГРАНИЦ

> ВОСПОМИНИИЕ

> ЛИТПРОЦЕСС

> ЛИЧНОСТЬ КРУПНЫМ ПЛАНОМ

► Тагир Мухаметов,
Чистополь

НА КАМСКИХ ПРОСТОРАХ. ТРИ СЧАСТЛИВЫХ ДНЯ

Не только счастливых, но и солнечных! 18-20 августа в Чистополе состоялся Второй Открытый Фестиваль авторской песни «Литературный Чистополь». Приехали почти все предварительно заявленные участники – 120 человек из 22 городов России: Зеленодольска, Казани, Менделеевска, Набережных Челнов, Москвы, Мытищ, Нижнего Новгорода, Бора, Уфы, Павлово, Чехова, Чебоксар, Кинешмы, Йошкар-Олы, Ростова, Черноголовки, Череповца, Кирова, Волжска, Самары, Волгограда, Заинска. Это братство, объединенное желанием писать, петь, творить.

Членами жюри конкурса стали: Юлия Зиганшина – председатель жюри (Казань); Дмитрий Бикчентаев (Казань); Владимир Гольцман (Казань); Наиля Ахунова (Казань); Борис Вайнер (Казань); Юлия Тузова (Москва); Анатолий Шенберг (Нижний Новгород); Илья Оленев (Ростов). Гости фестиваля – Марк Оффен (Казань), Настя Жук (Москва), Сергей и Наталья Сушковы (Казань), Ансамбль «НеЗаМи»

(Казань). Честь им и хвала! Низкий поклон Валерию Мустафину за звук.

Мы постарались – у нас всё получилось. Мы – это работники Чистопольского государственного историко-архитектурного и литературного музея заповедника.

Каждый в меру возможностей и способностей...

ИТОГИ: лауреаты фестиваля – Алексей Шестаков, Чебоксары;

Юлия Валиахметова, Павел Алексеев, Уфа; Ансамбль «Шелковая палатка», Чебоксары; Ансамбль «Братья по-разному», Казань; Илья Боровский, Уфа; Сергей Серов, Нижний Новгород.

ГРАН-ПРИ

Ансамбль «Зеленый берег»: О. Печёнкина, Л. Валева, рук. Т. Мухаметов, Чистополь.

Предлагаем вашему вниманию стихи участников и членов жюри Второго Открытого Фестиваля авторской песни «Литературный Чистополь». Ведущие лит. мастерской поэтической площадки, члены жюри – Борис Вайнер и Наиля Ахунова (Казань). ▀

Анатолий Шенберг Сергей Серов

(Нижний Новгород), член жюри Фестиваля. Автор-исполнитель.

Словно на крыло встали
Божьих облаков стаи.
Инеем устлав крыши,
Сам Господь Покров вышил.

Он идёт к своим детям
Осень в их кругу встретить.
Он несёт, детьми брошен,
Вещную свою ношу.

Знаешь, как щемит сердце?
Как зима круги чертит?
Как полны глаза гоя
Вековой тоской Ноя?

Знаешь, как найти сушу?
Как во тьме сберечь душу?
Как двоим в тоске ветхой
Не сорвать плода с ветки?

Господи, прости чадам!
Нету с нами, нет ладу.
Беглому рабу – плети,
Разбивать свои клетки.

Потому и нет фальши,
Потому иду дальше,
Чтоб к твоим ногам бросить
Позднюю свою осень.

Плата за исход – метка
И фантом пустой ветки...

(Нижний Новгород), лауреат Фестиваля в номинация «поэзия».

Площадь Восстанья, движенье по кругу,
Цепью машин окольцована стела.
Снова я болен осенним недугом,
Снова душа ожидает расстрела.
Пули дождинок в стекло лобовое
Бьют, и сиреной воздушной тревоги
Ветер призывно, настойчиво воеет.
Горькой рябиной созрели итоги.
Это война под названием «осень»,
Эти итоги зовутся безверьем.
Лето в спасительной зелени сосен
Мечется загнанным раненым зверем.
Нет, не случайно замкнулась дорога –
К Лавре, на Невский, никак не пробиться.
Трудно признать расставание с Богом,
Трудно принять, что уже не влюбиться.
Правда, в сознание, на донышке где-то,
Зреет уверенность в лучшем исходе:
Перезимует меж сосенок лето,
смена сезона случится в природе.
Не предадут перелётные птицы,
К старой церквушке вернусь непременно,
И не влюблённость – любовь возвратится
С новым витком персональной вселенной...
... Вот и не знаю, кому мне поверить:
То ли сознанию, то ли испугу?
Время решиться и всё перемерить.
Площадь Восстанья. Движенье по кругу.

Эдуард Платонов

(Волжск, Марий-Эл), финалист Фестиваля в номинации «поэзия».

Перо царапает бумагу,
Неровно строчки вывода,
Меняя трусость на отвагу,
Забив в запястья два гвоздя.

Скрипит о копоти сражений,
О славной доблести людской,
О буйстве игр и приключений,
О тех, кто убыл на покой.

То вдруг, порхая, словно веер,
И, будто лирой, зазвенев,
Куплеты выведет в затее,
Добавив радостный припев.

То остановится в заминке,
Упёршись, будто пикой в щит.
Размахнет кляксу из слезинки
И снова дальше побежит.

Листы меняя за листами,
Плетёт перо событий вязь,
Чернил различными цветами
Всю жизнь раскрасить торопясь.

Июлия Фахрутдинова

(Казань), дипломант Фестиваля в
номинации «поэзия».

БЛЮЗ

Как звучит слово Блюз?
Так хлопают на ветру белые простыни.
Словно паруса под высоким синим небом, они
зовут нас в неведомые дали.
Ты и я. Знаем ли мы друг друга?
Сотни, тысячи километров верёвок, прогнутых
под тяжёлыми простынями, отделяют нас.
Так длинно звучит слово Блюз.

Как звучит слово Блюз?
Как крупные капли всё чаще и сильнее
бросает в реку неожиданно налетевшая туча.
Они ударяются о воду, подпрыгивают, бликуя,
и, замерев на доли секунды, снова втягиваются
в неё.
Мокрые и весёлые, почти голые от прилипшей
одежды, мы пытаемся спрятаться под
простыней.
Она стягивает нас в долгом влажном поцелуе.
Так слипаются наши губы, когда мы говорим
слово Блюз.

Как звучит слово Блюз?
Словно тонкая струйка горчичного
меда медленно-быстро стекает с ложки,
переливаясь янтарным блеском.
Мы греемся в старой хижине на берегу реки.
Пьём чай, вглядываясь друг в друга.
Будем ли мы вместе?
Как неопределённо звучит слово Блюз!

Как звучит слово Блюз?
Так близко за окном моросит серый дождь.
Последний лист берёзы сорвался с дерева и
приклеился к мокрому стеклу.
Замерев, задумавшись, стою у окна.
Где ты? Где я? Где мы?
Тоской по сбывшимся и несбывшимся мечтам,
воспоминанием о прошлых минутах счастья и
горести, надеждой на будущее!
Вот так звучит слово Блюз!

Юлия Тузова

(Москва), член жюри Фестиваля.
Автор-исполнитель.

Всё хорошо. Не сбиваюсь, иду по канату.
Ты внизу, и я чувствую, как ты дышишь.
Это высшая степень родства – назвать тебя братом.
И как бьётся моё сердце, я знаю, слышишь.
Ветром клонит то в эту, а то в другую.
Притяжение жадной земли с ритма сбивает.
Шаг за шагом себя принимаю такую,
А ведь Бог только любит и Бог меня знает.
И ты – незнакомец с глазами, полными смысла.
Смысл – это любовь и сопереживание.
И почему я на полдороге зависла –
Ты простишь мне, ты ждёшь до конца, я знаю!
А потом ты уйдёшь, когда буду спускаться,
Убедившись, что я не упала, в толпе растворюсь..
А другие мне скажут, мол, нужно побольше смеяться.
Ты уйдёшь. Ты уйдёшь...
И со мной не простишься.

Илья Боровский Алексей Артемьев

(Уфа), лауреат фестиваля в
номинации «поэзия».

(Чистополь).

БЕЗ ОГЛЯДКИ

Пейте сок невинных вишен,
Лейте кровь безгрешных ягод,
Даже вера в сотню Кришен
Не спасёт от бед и тягот.

Бейте в бубны, славьте вина!
Отживите впрок и складно.
В нас заложенная мина
Разорвётся беспощадно.

Всё случится очень скоро,
Шаг и точка... время спада,
Промелькнут в полёте взоры
Человеческого стада.

Память детям! Верность жёнам!
Но пока дела в порядке,
Мы летим по божим склонам
К точке сборки... без оглядки.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ДЛЯ АРИШКИ

Все уснули, не спит только мышка...
Мама песню поёт: «Засыпай!
Спи, дочурочка-дочка, Аришка...
Баю-бай, баю-бай, баю-бай!»

Вот уснула любимая книжка,
За окном спать проехал трамвай.
Засыпай-ка, дочурка Аришка...
Баю-бай, баю-бай, баю-бай!

Спит в берлоге своей белый мишка,
Он прижался под мамин бочок.
Спи, девчоночка, дочка Аришка...
Ты под щёчку подсунь кулачок.

Все уснули мальчишки-зайчишки...
Их на лодке катал дед Мазай.
Закрывайте глаза у Аришки...
Баю-бай, баю-бай, баю-бай!»

Ольга Азгамова

(Зеленодольск).

АВОСЬКА

Как раньше прекрасно мы всё-таки жили –
В дырявых авоськах продукты носили:
Кусочек колбаски по два девяносто
И хлеба пол-булки, и всё было просто.

Потом появились крутые пакеты.
Рублей не жалели за чудо мы это.
Носили их гордо, наверно, по году.
Была на пакеты, поверите ль, мода!

А нынче в пакетах мы мусор выносим,
И плачет планета, спасти её просит.
И мне так понятно её беспокойство –
От мусора скоро она задохнется!

Хочу написать я письмо Президенту,
Придав в нем значенье такому моменту:
Планета страдает, о помощи просит.
Верните, пожалуйста, в моду авоську!

Борис Вайнер

(Казань), член жюри Фестиваля.

Поэт, драматург, автор-исполнитель.

БРОДЯЧИЙ БОРТ

Бей тревогу, голодранцы:
Гости к нам по курсу норд!
Зря народ с утра на шанцах
Поминал Бродячий Борт...

От сигнала проку мало,
Как руками ни маши:
Там от юта до штурвала –
Ни одной живой души,

А на трапах и на вантах –
Разве звёзды на просвет;
Да небесной клочья ваты
В перекрестии планет,

Да крылами глухо плещет
Рваный парус на ветру,
Да толкует голос вещей:
«Эта встреча – не к добру!».

То ли буря нас достанет
Посреди лихих широт,
То ли айсберг протаранит,
То ли риф подстережёт,

То ли мель коня стреножит –
Не погибель, так урон...
Только нам себя негоже
Хоронить до похорон.

Или мы дурного знака
Не видали никогда?
Или старый бедолага –
Хуже кракена беда?

Или мы волне не рады?
Или нас нигде не ждут?
Или в лоции как надо
Наш не выверен маршрут?

В вышине Плеяды встали,
Далеки что ад, что рай...
Проходи себе, скиталец!
А вернее – пролетай

Заблудившемуся пулей
В тень из тени через свет,
На бушприте – хвост акулий,
За кормой – буранный след!

Рифкат Гардиев

(Чистополь), дипломант фестиваля в
номинации «поэзия».

Хоттабыч, узнать бы, где тот водоём,
Где ты обитаешь в кувшине своём.
Узнал бы, без шуток, поверьте, давно
С разбегу, немедля, нырнул бы на дно!
Наощупь нашёл бы я в тине кувшин:
Для встречи с волшебником много причин.
Достал бы кушин и сорвал бы печать,
И крикнул бы Джину:
– Нет силы молчать!
Скорей примени ты своё волшебство,
Одна лишь надежда теперь на него!
Восстань из кувшина, Хоттабыч, скорей,
Тряхни бородою волшебной своей
И вырви оттуда седой волосок,
Под шепот заклятия брось на песок!
Я верю: ты сможешь! Ты должен помочь!
Удачу скорее ты нам напророчи!
Ты тучи могучей рукой разгони,
Пускай наступают счастливые дни!
Исполнить всё это тебе по плечу:
Хоттабыч, тебя попросить я хочу,
Чтоб истину нам отыскать не в вине,
Чтоб нефть поднялась наконец-то в цене,
Чтоб цены при этом росли только вниз,
Зарплаты при этом бы ринулись ввысь,
Чтоб жадный чиновник бюджет не пилил,
Чтоб лишь на зарплату он честную жил,
Чтоб нашим парням удавался футбол:
Удар по воротам – и сразу же гол!..

Ждать чуда от Джина – пустые труды:
Боюсь, что не хватит его бороды
На список длиннейший желаний моих.
Дождусь ли когда исполнения их?..

Ольга Бакулина

БЕНАМУКИ, ИЛИ ИДЕАЛЬНЫЙ МУЖЧИНА

Продолжение. Начало в №9

Юська родилась «на берегах Камы». Так она предпочитала обозначать место своего появления на свет. Голубые свои глаза она явила миру в городке Оханске, обязанном своим происхождением в далёком 16 веке графу Строганову. На правом берегу реки, с высоким горным кряжем за спиной, Оханск приютил в своих старых деревянных домах чуть больше пяти тысяч человек, по состоянию на начало пятидесятых годов 20 века. Болота с морошкой и клюквой, дремучие хвойные леса, озёра, мелкие речушки — всё это выросло из Юськи натуру романтическую, но не лишённую практицизма. Высокое небо над головой и песчано-гравийная смесь вперемешку с кирпичной глиной в промышленных объёмах под ногами сформировали характер сложный и противоречивый. Она гордилась метеоритом, залетевшим в её родные пределы в августе 1887 года и рассыпавшимся на мелкие осколки, которые можно найти ещё и сейчас, и тут же — знакомством с хозяином автомастерской. Утренняя роса на нежном молодом листе и тяжёлое золотое кольцо в серванте — «не, страшно носить» — вызывали у неё одинаковый восторг. Она была готова в прах разругаться с кем угодно, доказывая, что это Волга впадает в Каму, а не наоборот. И мучительно стеснялась невнятности своего происхождения то ли от пьяного рабочего с лесопилки, то ли от забредшего охотника вотяка, заночевавшего однажды в доме её матери, уже имевшей к тому времени троих детей.

Кстати, Юськины притязания на первичность Камы не были лишены основания. В древности, которая в учёных трудах именуется «до эпохи максимального оледенения», Волги в современном виде не было. А Кама была и, вобрав в себя речку Вишеру, впадала в Каспийское море.

Верхняя Волга текла к Дону и сливалась с ним, не претендуя на славу самой крупной реки Европы. Случившиеся катаклизмы и подвижки Земли изменили многие русла, в том числе и Волгино. Она стала впадать в Каму, почти под прямым углом.

Юська об этом не знала, но её пылкий патриотизм, почти болезненная любовь к своей малой родине компенсировали ей отсутствие информации о столь далеко отстоящих от нашего времени геологических процессах.

Сразу после школы она удрала из Оханска в «большой город». Памятью её Бог не обидел, она легко запоминала то, что однажды в напечатанном виде попало ей на глаза. Даже если не вполне был понятен смысл прочитанного, текст прочно укладывался в голове. Она поступила в торговый техникум, быстро передружились со всеми, влюблённый однокурсник Василий написал ей диплом на тему «Повышение эффективности форм организации советской торговли в крупных универмагах», и, возмужавшая в учебных и любовных баталиях, она выпорхнула во взрослую жизнь.

Одна лишняя четвёрка во вкладыше изменила ожидаемый красный цвет «корочек» на синий, и ей достался зачуханный овощной магазин на окраине города. Начальник отдела из районного управления торговли, ласково щекотавший за ушком всё хорошо понимающую Юську, был заподозрен женой в незаконном сластолюбии, допрошен, уличён и запуган обещанием пожаловаться в партийную организацию. Будь начальник не так труслив, он бы сообразил, что привыкшая к сладкой жизни супруга не стала бы рисковать материальным благополучием своим и своих детей. Строгачом дело бы не обошлось — «моральное разложение!» — а холодильник «Мир» привык сыто урчать всегда набитым чревом. Одеколон «Шипр» был подарен младшему начальникову

брату, чтобы не перебивал посторонние запахи. Старшему же теперь надлежало являться домой пахнущим лишь измученным работой телом. «У-у, паразит, вот только попробуй мне...» — пригрозила супруга, и вопрос был закрыт.

Таким досадным образом Юська поменяла одно общежитие на другое, поплакала над разбитыми надеждами работать над повышением эффективности торговли в крупном универмаге, дабы воплотить в жизнь описанные в дипломе и изложенные Василием с такой любовью к ней методы оптимизации.

«Зря, ох зря, — скажет она потом, — я не замутила с Васькой. Он теперь большой человек».

Два условия, призванные обеспечить удачное начало профессиональной деятельности, не сложились в одно. Но Юська обладала счастливой способностью не впадать надолго в тоску по неслучившемуся. Ожидая максимально благополучного развития событий, умела находить приятность в иных, предложенных ей судьбой вариантах и извлекать из них пользу.

Она принялась деятельно осваивать законы и правила неготиции, подружилась с двумя зрелыми соседками по комнате. Потрёпанные жизнью циничные работницы оптовой базы умилились юности новой жилички, очень скоро полюбили её и принялись опекать. А заодно учить тому, о чём она не читала ни в одном учебнике, которые подсовывал ей Василий.

Безукоризненный баланс между хваткой и здравым смыслом не давал впасть в банальное воровство. Она потихоньку, по её выражению — «аккуратно», приумножала начальный капитал. Основание ему она заложила ещё в техникуме, приторговывая через третьи руки ягодами и съёнными грибами из материнских посылок. Словом, жизнь потекла благополучно. Яркая, бойкая, в меру беспринципная, Юська, однако, не была лишена нравственного чувства. Определённый набор моральных правил и добрая душа делали её вполне приятным и удобным в общении человеком. Она никого не продавала и не закладывала, умела молчать. И говорить то, что от неё ждали. Природное чутьё, как встроенный локатор, помогал огибать мели.

Через три года она уже была старшим продавцом, вечером возвращалась в обустроенную по своему вкусу комнату, где жила теперь одна. С

её помощью бывшие соседки переехали в комнату побольше и поудобнее. Ещё через пару лет очумевший от Юськиного темперамента третий секретарь горкома партии «выбил» ей однокомнатную квартиру поближе к центру города, чтоб недалеко ездить. А заодно — должность товароведа в гастрономе недалеко от дома.

Стремительные перемены в своей жизни Юська воспринимала без особого удивления. Обзавелась собственным, не самым последним в городе парикмахером, одевалась, по её выражению, в «индпошив», завела в квартире антикварный секретьер и поддельного Поленова, в количестве две штуки.

Никогда прежде не искавшая интеллектуальных утех, приобрела абонемент в местный драмтеатр. В его фойе она и познакомилась со своей теперешней самой близкой подружкой, с которой только что разговаривала по телефону.

В тот вечер давали пьесу Вампилова «Простлым летом в Чулимске». Страшную при кажущейся простоте историю насилия над душой и телом. Странно, что цензура не разглядела аллегорию, намёк на суть ревностно оберегаемого ею режима. Девушка, по имени Валентина, упорно восстанавливала кусок палисадника, который ломали люди, ищущие кратчайший путь к своей цели — домой. Она чинила — они ломали. Умный автор сместил смысловой акцент, и получалось, что девушка просто хочет приучить сограждан ходить правильным, предписанным путём — по асфальту. И страдает от их своеволия, от нежелания подчиниться норме.

Но наученная читать между строк «прослойка», столь презируемая гегемоном, создающим материальные — а не эфемерные культурные — ценности, всё прекрасно понимала. Читали, даже если там ничего не было написано. И под хорошее вино диссидентствовали на кухнях. Вино, однако, было принесено «чёрной костью», знакомой продавщицей. За это её принимали в свой круг. Она млела от причастности к избранному обществу, а её терпели за нужность.

Так вот, умный автор сместил акцент. Юська к тому времени поднаторела в иносказаниях и поняла, что он хочет сказать: Валентина не пыталась научить людей ходить правильно, а охраняла личное пространство от вторжения чужих. Чужих во всех смыслах.

В антракте зрители вкушали пирожные, бутерброды с немыслимой чёрной икрой (таковые случались не только в буфете московского Большого), коньяк (в магазине — двенадцать рублей за бутылку), пиво «жигулёвское» и шоколадные конфеты. А будущие подруги бродили по фойе. Дамы в униформе, исполненные важности, всё ещё предлагали приобрести программку, ежели кто не успел ознакомиться с играющим составом. Юське хотелось ещё и бинокль, маленькую белую славную штучку, символ ещё не освоенной стороны жизни. Она видела, как пожилой респектабельный мужчина во втором ряду партера (Юська сидела в третьем) подносил к глазам эту элегантную игрушку. Где он её взял — неизвестно. Помахивая возле носа программкой, прикидывала, у кого бы спросить. Вон тот, в сером костюме, больно строг. Фифа в синем, пожалуй, и разговаривать не будет. Две свистни — молоды, поди — не знают. Древняя бабка в очках минус двенадцать — какой ей бинокль. Во! Та — вроде нормальная.

— Вы не скажете, извините, где бы взять бинокль?

«Нормальная» улыбнулась, махнула в сторону гардероба:

— Оставьте номерок, тридцать копеек, и Вам дадут бинокль.

— Номерок?

— Да. Потом отдадите бинокль, и Вам вернут одежду. Номерок-залог.

— А-а, спасибо. — Она помялась, потёрла щёку, решила, — Слышь, подруга, сходи со мной, а?

— Думаете, без меня не дадут? — улыбнулась «подруга».

— Да не, просто...

— Ну, пошли.

Бинокль был благополучно добыт. Прозвенел первый звонок к началу второго акта.

— Ладно, спасибо, я пошла... Слушай, а ты где сидишь?

— В бельэтаже.

— У меня через два места свободно. Давай попросим пересесть, ты хоть мне объяснишь.

— Что?

— Ну-у... Спрошу, короче.

— Да неудобно людей беспокоить.

— Ой, беспокоить! Большое дело — задницы влево сдвинуть. Пошли, я сама их попрошу.

Пожилые «униформистки» шипели, призывая занять места. Медленно гас свет. Кресла, обитые малиновым бархатом, широкие и покойные, звали удобно расположиться в них и понаблюдать за чужой придуманной жизнью. Своя гасла вместе с люстрой, уходила на задний план. Они уселись.

— Тебя как зовут, подруга?

— Потом.

Главная героиня на сцене, подчиняясь автору, любила одного, на танцы в соседнюю деревню пошла — со вторым. На обратном пути уступила его притязаниям, а замуж собралась за третьего. Сюжет на грани пошлости. Но тут была — драма. И сердца зрителей разрывались вместе с сердцем героини. Условность искусства переплеталась с чувствами живых людей, с их прежним опытом, теперешними переживаниями и пониманием себя как главного персонажа — собственной жизни. Словом, катарсис.

Отстояв очередь в гардероб, они вышли на улицу. Холодный осенний ветер хлопал устаревшей афишей спектакля. Из неё словно ушла жизнь. Всё, о чём она извещала, уже произошло. Народ, дружно заполнивший пространство перед театром, быстро рассосался. Нужно было идти пять кварталов по тёмным улицам, к остановке. Так бывает всегда — рассчитываешь на многих, вроде — команда. А они раз, и рассосались. Именно тогда, когда нужны. И ты — один на тёмной улице, и идти — далеко.

— Тебе куда, подруга? Может, нам в одну сторону? Ты где живёшь?

— Мне на первый троллейбус.

— А мне на трамвай. Ты что-то заскучала-то? Давай провожу.

— Да нет, спасибо.

— Чё спасибо, скисла вся.

— Темноту не люблю.

— Слушай, твой троллейбус придёт через час. Сейчас, — она вздёрнула рукав, — десять. Поехали ко мне, в трамвае тепло и светло, и вдвоём по-любому веселей. Тебя как звать-то?

— Лёля.

— А меня — Люська. Ты не думай, я нормальная. Просто ты мне понравилась. Не пендришься.

— У тебя есть двушка? Родителям позвонить.

— Найдём. Автоматы только ни фига не работают. Ладно, и автомат найдём. Во, этот работает.

Они ехали долго, неторопливо. Молчали. Город неприветливо вспыхивал названиями магазинов, редкими фонарями. Луна размером с трёхкопеечную монету освещала край тучи, анемичной, неспособной родить то, что ей полагалось по осени — дождь.

— Лёля — это твоё настоящее имя? — спросила будущая Юська, — в смысле — полное?

— Да, — домашняя, режимная Лёля чувствовала себя неуютно, согласившись почему-то поехать незнамо куда. Но это протестовал только тот верхний слой, который отвечает за общепринятую правильность поступков, за стандартность их. Она всегда чувствовала людей, и симпатия возникала вдруг, из ничего. Потом, когда отношения развивались — впечатление детализировалось, но это уже не имело значения: суть не менялось. Она умела любить и прощать несоответствия с собственными ощущениями, со своим пониманием того — как должно. Интонационные и смысловые противоречия, несозвучность, звучание не в унисон для неё были вторичны. Главное — обоюдная симпатия, остальное — неважно. Глупо разбегаться с человеком только потому, что он ставит на стол чистые, но мокрые тарелки, а в остальном — родная душа. И даже если он, зная о твоей нелюбви к мокрым тарелкам, будет об этом забывать, это не повод считать его чужим. И его настроение может не совпадать по амплитуде с твоим; и голос в трубке может звучать сухо; звонка может не быть вообще — но то главное, пусть не озвученное, что есть между двумя людьми, и есть суть. Та самая Любовь. Без щекотания внизу живота, без болезненных сновидений — чистая душа. Тревога — всё ли хорошо? Иррациональная тревога, неуправляемая, помимо смысла. Радость при встрече — привет! Как же я рад тебя видеть.

Лёле везло на такие встречи. Плохих людей в её жизни не случалось. Ей очень везло.

— Люсь, ты о чём спросить-то хотела? — прервав лёгкое, ненагруженное молчание, сказала она. — Ну, про спектакль?

— А... Я не поняла, чё это переклинило у мужа, когда она сказала, что любит его. Вот так вот раз — и в жизни смысл. Раз — и полюбил. Бред. Так не бывает.

— Ты хочешь сказать, что рационально смотришь на жизнь? Что не случается это «вдруг»?

Что любовь — результат методичной повседневной работы?

— Не замудривай. Любви не бывает. Есть расчёт, арифметика, здравый смысл. Вот ты. Я смогу — не от сохи. И что — тебя стукнет любовь к трактористу?

— Лю-усь... Ну причём тут тракторист? Дело же не в этом. Просто я с ним никогда не пересекусь. Сословия никто не отменял. Коммунистам это тоже не удалось. Наоборот, они завели собственную градацию, мало отличающуюся от прежней. Только вместо барина — секретарь обкома, подпоручик зовётся лейтенантом, а купец теперь — директор гастронома. Тракторист — всё тот же крестьянин и так же ходит на поклон к барину, записывается на приём. Просто раньше никто не лицемерил. Каждый функционировал — жил! — там, где был призван. Статский советник не заигрывал с писарем, не убеждал его в том, что он главный и именно от него зависит судьба Родины. И владелец завода не рассказывал на митингах сказки токарю, не говорил, что он — вершитель судеб, хозяин страны и, по мелочи, этого завода, где он обрабатывает болванки. Просто потому, что и чин статский, и владелец завода образование имели иное и иной кругозор и о стране радели не на уровне сытости своей семьи.

— Но со мной же ты пересеклась, а? Мой папаша, которого я не знаю, был хрен знает кем. Мылся, наверное, раз в месяц.

— Люсь, ты говоришь о частностях. Да и реалии теперь другие. Да и случай никто не отменял. И ты — славный человек. Причём тут твой папаша?

— Ха... славный. Откуда тебе знать-то? Ну — двушку дала позвонить.

— Да что ты со своей двушкой. Всё ведь прекрасно понимаешь. Есть какая-то личная химия, когда люди узнают друг друга. Что, с тобой такое не случилось?

— Один раз. Ещё в школе. Мне казалось, что он — это я.

— И со мной — один раз. Ты — вторая.

— Расскажи.

— Ещё долго ехать?

— Да нет, приехали почти.

— Куришь хочется.

— Щас выйдем — покурим.

— Ты тоже куришь?

— А то нет! Пью, курю, мужиков люблю.

– Часто? Извини...

– Не так часто, как хотелось бы. Раз в неделю люблю. Но это — я. А они — реже. Сама знаешь, нам любить легче.

Лёлька покраснела.

– Опа-а... Это мы девочки, что ли?

– Да ну тебя... Какие девочки в тридцать пять лет.

– А чего тогда краснеешь? Ладно, пошли. Приехали. Мне, кстати, тридцать девять. ...Руку давай, у нас тут всё раздолбали, асфальт меняют. И зови меня Юськой, «Люську» не люблю.

– Юськой?

– Потом расскажу. Сейчас придём — чаю попьём. И уж — расскажешь про себя, мне интересно. Ты, подруга, меня удивила. Я думала, что одна такая дура доверчивая, оказывается — ещё есть. Попёрлась со мной неизвестно куда. Химия у неё личная...

Чай был горячий, конфеты вкусные, сидеть на кухне было хорошо.

– Юська, ночь на дворе. А на работу?

– Хрен с ней. Скажу, что была в тресте. Проверять никто не будет, я на работе не последняя. Слушай, я тебе всё про себя рассказала. Давай теперь ты. А самой-то на работу не надо?

– Да нет. Я числюсь в фирме у брата. Младшая, любимая, не заморачивайся, говорит, гуляй.

– Лентяйка?

– Лентяйка. Люблю ничего не делать.

– Кто не любит! А раньше где работала, до Горбачёва?

– Много где. Восемнадцать лет стажа.

– Когда успела? Не училась, что ли?

– Нет.

– Лентяя-я-йка... Ещё чай будешь?

– Буду.

– Рассказывай, давай, с кем ты там «химию» проходила.

В новом классе, с новыми учителями девочка Лёля преобразилась. Учиться стало легко, радостно. Во вторую смену она приходила за час до уроков, просто чтобы побыть в школе, дочитать, облокотившись на высокий подоконник, очередную толстую книгу, растрёпанную, с жёлтыми страницами, разрисованную рожицами, — вкусную. Под обложкой жили неведомые приключения, завораживающие истории, незнакомые ещё

люди. Потом они становились своими, любимыми, и так жаль было с ними расставаться. Жалко было быстро прочесть, и невозможно отложить до завтра, чтобы не расставаться прямо сейчас.

Заведующая районной библиотекой была давней знакомой Лёлькиной мамы, адвоката, когда-то выручившей из беды библиотекариного сына. И Лёльку пускали в святая святых — книгохранилище. Высокие стеллажи — до потолка! — уходили далеко в таинственный полумрак и обладали завораживающей привлекательностью. Лёлька жила бы там, если б могла.

Класс был и впрямь новый, не только для неё. В пятый «а» и «б» собрали детей со всего микрорайона. То ли по какой-то разрядке, то ли ещё почему, но шестьдесят маленьких «человеков» оказались в чужой школе. Где они учились раньше, почему выпали из старых школьных стен и какие драмы стояли за этими переводами, сколько друзей было потеряно — неизвестно. Может быть, кто-то, как Лёлька, сам захотел уйти. Чьи-то родители переехали в новый дом. Может быть, закрыли «восьмилетку». Дети не спрашивали. Дети — существа бесправные, зависимые.

Её посадили за третью парту, справа от учительского стола, рядом с мальчиком, по имени Саша. У него была красивая фамилия — Лучников. Такой маленький Есенин, только без надрыва и метаний. Уравновешенный, немного флегматичный. Хулиган и двоечник. Уголки его губ были загнуты вверх, и поэтому казалось, что он всё время улыбается. Глаза совершенно немыслимого, фиолетового цвета. Словом, смерть девкам. Однако он девчонками ещё не интересовался. И лучше бы не интересовался вовсе. В восемнадцать лет женился, после армии родил ребёнка. Что-то у него потом разладилось с женой, которую он очень любил. Он застрелился, не дожив трёх дней до своего двадцатисемилетия.

С Лёлькой у них поначалу случился конфликт. Он на уроке нечаянно заехал ей линейкой в глаз. Она ойкнула, учительница, не разобравшись, выставляла его из класса. Лёлькины попытки объяснить, что «он не хотел», были пресечены: «На перемене. После звонка. Все пишут сочинение». Очередная двойка не расстроила Сашу, у него их была целая коллекция.

После уроков они вместе пошли домой, благо — жили в соседних домах. Никто не смущался, не

опускал глаза, не мялся от неловкости. Говорили о Сашкином велосипеде и о новых кедах, о недавно появившихся шариковых ручках, пустые стержни от которых заправляли пастой в часовой мастерской. Тягостного, муторного, выматывающего душу чувства влюблённости не было. Они говорили об одном и том же, на одном языке, одними и теми же фразами. Шептались на уроках под неодобрительным взглядом Ильича, чёрно-белый портрет которого висел на стене. Хитрый прищур его глаз, называемый всеми взрослыми «добрым», преследовал каждого, кто игнорировал его завет «учиться, учиться и учиться». Сашка, повзрослев, называл его «маньяком».

— Дети, — смеялся он, — должны ещё и отдыхать. Растущий организм нуждается в свежем воздухе, активных играх, правильном питании, в общении со сверстниками. А иначе как же быть со счастливым детством? Всё время учиться — мозги высохнут.

— Саш, ну ты ещё где-нибудь не скажи. Услышат про «маньяка» — родителям попадёт.

— Да ла-адно — попадёт. Мать полы в магазине моет, отец автокаром рулит, железки по цехам развозит. С такой работы не снимут.

После восьмого Сашка ушёл в «ремеслуху», ремесленное училище. Но дружба не распалась. Они гуляли, рассказывали о своих Светах-Валерах, давали друг другу советы, как с этими Светами-Валерами себя вести. Даже когда он женился, они встречались. Уже не так часто, как им хотелось, но слишком часто для его жены, той самой Светы.

— Саш, не зли её. Ты же — муж. Ну, кто поверит в дружбу?

— Ладно, давай — через месяц.

— Давай через месяц.

Когда им исполнилось по двадцать пять, они уже почти не виделись. Последний раз, сидя с Лёлей в кафе, он сказал:

— Лёля, это всё...

— Что всё?

— Всё — всё.

— Саш, жизнь длинная. Всё равно ты мой друг, и я тебя люблю. Ну что ты маешься? Всё будет хорошо.

— Наверно...

А через два года ему не исполнилось двадцать семь.

— Вот, Юсь...

— Да... Жизнь...

— Я одно время думала, что виновата в его смерти. Что это из-за меня жена его догрызла. А потом поняла, что Света — просто не его человек. Так бывает. До смерти.

— Ничего себе «просто». До пули.

— Трагедия, как правило, всегда проста. Страшна своей простотой, обыденностью. Вроде — ничто ничего не предвещает. А раз — и случилось. Как точка в тексте. Для кого-то её поставили. А для других — будет новый абзац.

— У меня водка есть. Будешь?

— Давай.

— Сейчас на закусон чего-нибудь сообразим....

Не, нравишься ты мне. Другая бы ломаться стала, то да сё. Ё-моё, четыре часа! В такую рань даже я ещё не пила.

— ...Юсь, а ты по дому не скучаешь? Ну, по Оханску?

— Да как тебе сказать.... Иногда скучаю. Вспомню лавку под черёмухой у нас в огороде, Черныша лохматого — ну медведь просто! Здоровый, чёрт, с телёнка! Подружек закадычных, горох этот чумазый в драных платишках.... Как купаться бегали, как чуть не утонула... Черныш спас, представляешь? Он всегда с нами на Каму ходил.... Как вспомню — скучаю. А так — нет. Я уж тут двадцать два года, больше, чем там.

К пяти утра водка закончилась. Ложиться спать уже не имело смысла.

— Юсь, я пойду. Трамваи уже ходят. Дома посплю.

— До дома ещё доехать надо. Уснёшь — проедешь свою остановку. Ещё и выпили. Ложись на диване да спи.

— Нет, пойду. Спасибо тебе за всё.

— Нет, ну нормально! За что спасибо-то? У меня теперь подруга есть, а ты «спасибо». Есть подруга?..

— Дай пять!

— На пять. Пошли, провожу.

— Да не надо. Светло же.

— Ну, давай.

Лёля спустилась на два пролёта, когда хлопнула дверь и Юська шёпотом прокричала:

— Эй, а телефон-то? Я тебя, где искать буду? Телефон у тебя есть?

— Записывай.

- Говори, я запомню.
 - Я бы не запомнила.
 - Я же торгашка. У меня с цифрами порядок.
- Ну, давай, до!..
- До.

Лил дождь. Она сидела во вчерашнем кафе, где они с геологом ели мороженое. Не ждала – знала, что придёт – просто сидела. Через дорогу сирень, с трудом удерживаемая серым загаженным забором, рвалась из чьего-то сада наружу, на улицу. И плакала вместе с дождём: от несвободы, от впившегося в неё жёсткого верха забора, и – от радости жить.

Кофе остыл. Мороженое она без него не заказывала. Стремление приноровиться к привычкам и желаниям других людей давалось ей легко. Подумала, что ему, может быть, будет приятно снова самому принести, поставить вазочки на стол, протянуть ей ложку и вместе глотнуть первую порцию вполне приличного мороженого. И если это так, то зачем огорчать человека, уже, наверное, выстроившего сценарий встречи. Пусть будет так, как хочется ему. Наличие мороженого без него – может задеть... Хотя, может, и нет. Отсутствие – точно не заденет. А если есть небольшая вероятность огорчить, лучше её предусмотреть.

Она даже не задумывалась об этом, просто всегда поступала так со всеми. Не потому, что была так хороша и отзывчива, это не было её заслугой. Просто у одного волосы каштановые, а у другого – рыжие. Один говорит басом, а у другого – дискант. Такая уродилась. Уходила от споров, не желая ничего доказывать. Пыталась уклоняться, когда давили, уговаривали или вынуждали. При невозможности уклониться – соглашалась, боясь обидеть отказом, в ущерб своему времени или настроению, нежеланию ли...

Юська называла её «балда бесхребетная». Но никогда этим не пользовалась.

- Юсь, да не бесхребетная.
- Да знаю я. Но тебя надо строжить. Пойми ты, дурочка, нельзя всем верить.
- Можно. Нужно. И я ещё ни разу не обманулась. И меня – не обманывали.
- Тебе просто везло. А если напорешься, а, одуванчик? Что делать-то будешь?

Лёлька молчала. Она не знала, как объяснить Юське, что «видела» людей. Не то чтобы Юська не поняла бы, просто Лёля не могла сформулировать.

– Юсь, я, правда, не знаю, как это сказать. Вот мы с тобой. Не нужно было долго общаться, чтобы понять, что мы... м-м-м... свои, понимаешь? Взгляд, жест, интонация, слово какое-то. И всё ясно. Но я бы сроду не решилась, как ты, предложить – да поехали ко мне!.. Скольких людей вот так упустила, постеснявшись начать первой. Жалко.

О отпила глоток кофе. Холодный, он был гадок, невкусен. Задумавшись, она не поняла, почему волосы на макушке щекотно шевелятся. Запрокинула голову и уткнулась затылком в Вовкин подбородок.

- Привет.
- Привет. Да вот, задумалась.
- Вижу. Позволь узнать, о чём?
- Вовк, скажи мне, пожалуйста, это нормально – с полувзгляда понимать, что вот этот незнакомый человек не случаен, что не вдруг попался тебе, шёл навстречу?
- Нормально.
- Вовка, кажется, я тебя люблю.
- Тебе не кажется. Это случилось ещё вчера.
- Ты подаришь мне глобус?
- Я даже знаю, где его взять. У меня есть друг, Костя. А у него есть глобус. Если не отдаст – украду.
- Укради, Вовк. Но, может, он отдаст?
- Если не получится украсть, я с ним махнусь.
- На что?
- На английский перочинный нож.
- Ой!
- Что? Тебе тоже надо?
- Ещё надо патрон от Калаша.
- Ну, это просто. У меня есть.
- Ты махнись с Костей на что-нибудь другое, а нож пусть будет у тебя. И получится, как будто у меня.

Он застыл, и явно проглотил какие-то слова. Подавился, закашлялся.

- Девочка моя...
- А дождь всё шёл, перемешивая небо и землю, звенел, барабанил, стучал. Лето ещё только начиналось. ■

Продолжение следует

► Ляйсан Нотфуллина,
Университет талантов

МОЙ ГОРОД

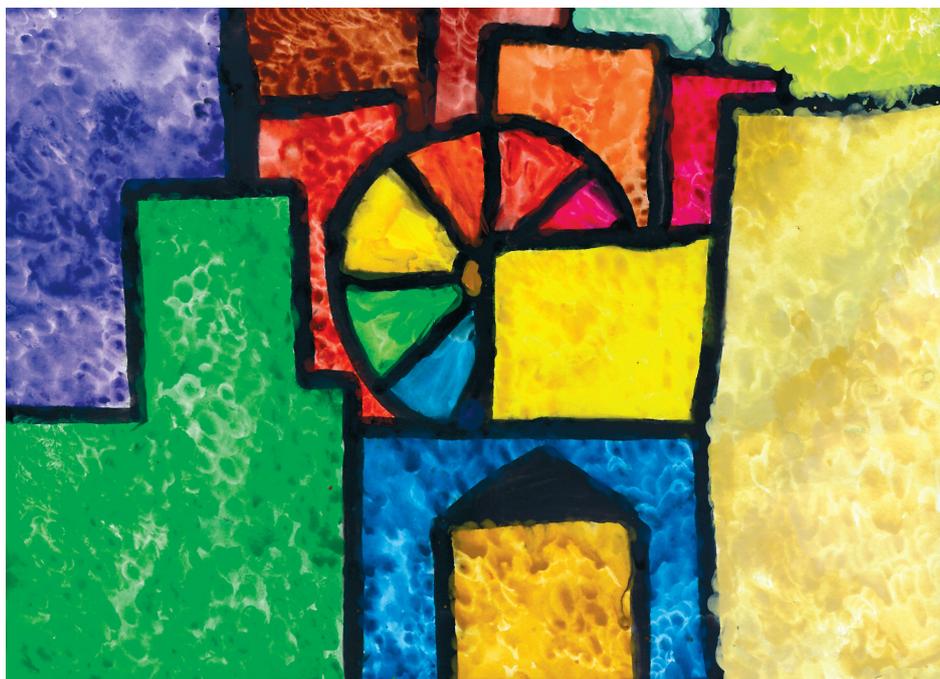
У каждого человека есть любимый город. На то бывают самые разные причины: может, кто-то родился здесь, сделал свою карьеру, посвятил всю свою жизнь этому городу. Не обязательно город должен быть многонаселённым, он может быть даже заброшенным. В любимом месте человек чувствует себя умиротворённым, спокойным, радостным, полноценным. С таким городом у человека возникают самые яркие ассоциации, воспоминания.

У меня есть любимый город – Зеленодольск. У него говорящее название: наш город имеет роскошную растительность зеленого цвета. Особенно красивую картину вы можете наблюдать летом, когда вся «зелень» расцвела. Порой создаётся необычное впечатление, будто земля покрыта зелёной «пеленой». Кто хоть раз был в нашем городе, не забудет этого, наверное, никогда. Если у вас будет свободное время, вы можете сходить в музей, кафе, кинотеатр

или просто отдохнуть на природе. Волга, на берегу которой расположен Зеленодольск, сможет порадовать вас своим живописным видом. Хотя мой город кажется тихим и спокойным, но в нем всё время кипит, бурлит жизнь. Каждый занят своим делом. Кто-то, может, работает, занимается в школе, ходит в кружки.

И знаете что? Чем дальше мы отдаляемся от своего любимого города, тем больше нам хочется вернуться обратно! ■

Рисунок Варвары Васильевой-Ботвиновой

Родилась 23 августа 1984 года в Казани. В 2001 окончила школу, в 2006 – юридический факультет КГУ. Работала юристом в разных фирмах. В 2007 переехала в Москву, где и проживает в настоящее время.

Юлия Зиятдинова

А У РЫБОК ЖЕЛАНИЯ МАЛЕНЬКИЕ

А у рыбок желанья маленькие,
Меньше зёрнышек и крупинок.
Ну, а если в зелёных валенках
Я на улицу выйду? Спинок
Не хватает у стульев в комнатах
(Видно все они заболели),
И на ножках своих изогнутых
Вместе разом слегли в постели.
Только кактусы на подоконнике
Из колючек своих выходят.
И гуляют, такие голенькие,
Словно совесть моя.
Приходят
Ко мне гости по средам и пятницам
И салаты мои съедают.
Мне б укрыться где-нибудь,
спрятаться...
Только где это сделать,
не знаю.
Ни подвала нет, ни убежища,
А чердак – тараканы и мыши.
Все мы с вами – широкое пастбище,
Где никто никого не слышит:
Ни пастух овечек удаленных,
Ни овечки пастушью дудочку...
А у рыбок желанья маленькие –
Только чтоб не попасть
на удочку.

УВИДЕВ В НЕБЕ ЗЕЛЁНЫЙ ШАРИК...

Увидев в небе зелёный шарик,
Проснулись птицы
И разнесли по Обетованной
Небылицы.
О том, что этот зелёный шарик
Цвета хаки
Испортил небо, заставляет
Летать их в страхе.
А кто-то вовсе летать по небу
Отказался:
Забился в доме, да и так в нём
И остался...
Однажды лопнет зелёный шарик
В небе синем.
И скажут птицы, что на небе
Вновь пустынно.
Что облаков нравоученья
Надоели,
Что крылья от небесной скуки
Побледнели...
Порой мы сами этот шарик
Где-то ищем.
А их летает... миллион.
Ну, может, тыщи.

ТЫ МЕНЯ РАЗБУДИ ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ...

Ты меня разбуди поздней осенью,
Когда птицы на Юг улетят,
Когда небо московское с проседью
Поменяет свой взгляд.

На кровати моей разрывается
Пара дерзких пружин.
Разбуди, когда не останется
Настоящих мужчин.

Разбуди меня в маленькой комнате,
Где не будет тепла,
Чтобы вышла я после бессонницы
В чём мать родила.

Почему-то в твоём возвращении
Слишком много любви.
А к такому я обращению
Не привыкла, увы.

Разбуди меня нежно и ласково.
Знаю, что тебе нужно опять...
Чтоб в твоих неразборчивых красках
Я продолжила спать.

ЗАЛИВАЕТСЯ СЛЕЗОЮ ОСЕНЬ ЗОЛОТАЯ...

Заливается слезою
Осень золотая.
Жёлто-бурю листвою
Опадает взгляд.
Ветер в эту непогоду,
Листьями играя,
Ворошит, что попадётся
Под руку, подряд.

Под руку попало утро
Ярко-голубое.
Бросили его в охапку
С розовой зарёй.
А ещё через минуту
Вниз сорвались двое...
Было то – земля и небо,
То есть – мы с тобой.

Под руку попался месяц...
Под руку попался вечер.
Всё вокруг давно и долго
Кружит на ветру.
Уж пора остановиться...
Снова будет саднить плечи...
Не упасть бы на дорогу,
Не уйти б ко дну.

Раскружила жизнь по кругу,
В невесомости витая,
Подарю тебе на память
Я своё крыло...
Ты меня совсем не знаешь.
Я тебя совсем не знаю.
Листья кружат под ногами –
Осень за окном.

ОСЕНЬ НАСТУПИЛА. ДОЖДЬ СЛЕТАЕТ С КРЫШ...

Осень наступила.
Дождь слетает с крыш.
Я в себе открыла
Маленькую мышь...

Серых дней забылся
Мой немудрый счёт.
Дом перекоксился
Задом наперёд.

Вроде бы до счастья
Мне рукой подать.
На дворе – ненастье,
В сердце – благодать.

Распахнула окна,
Затворила дверь.
От дождя промокнет
Беспризорный зверь.

А домашней мыши
Лужи нипочём –
В комнате затишье,
Кормят куличом...

Засветло свернулась
В заспанный клубок.
Вот и вся премудрость...
Выйду на порог!

Двери все открою,
Хвост свой распушу...
Всем себя укрою,
От всего спасу!

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ, ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ ЖУРНАЛА «ИДЕЛЬ»!

29 октября 2017 года в Казани, в НКЦ «Казань», пройдет очередной, VI открытый региональный фестиваль авторской песни «Песни моей души». Наверняка, среди вас найдутся желающие прочитать свои стихи или спеть песни под гитару. Лучших из лучших ожидают великолепные призы. Конкурсный концерт, на котором работы участников будут оценивать именитые поэты и барды, начнется в 11 часов. А в 15 часов произойдет главное событие фестиваля – большой гала-концерт. Это песни и стихи лауреатов прошлых лет, выступление почетных гостей, членов жюри и нынешних лауреатов фестиваля, а также авторов-исполнителей казанского клуба «Привал» – организатора этого события. Но.. не так все просто. Для участия в конкурсном концерте необходимо пройти предварительное прослушивание. Каждый вторник октября с 18 до 20 часов и 28 октября с 10 до 16 часов жюри ждет вас в КЦ «Сайдаш» для отбора в главный тур конкурса. Номинации конкурса:

- автор (песни собственного сочинения);
- исполнитель (песни других авторов);
- поэтический конкурс;
- автор музыки на стихи других поэтов;
- военно-патриотический конкурс;
- дуэты и ансамбли.

Более подробная информация о фестивале
В Контакте: [/vk.com/pmdfest](https://vk.com/pmdfest) и vk.com/priwal;
в Фейсбуке на странице «Фестиваль авторской песни
и поэзии «Песни моей души» <https://www.facebook.com/groups/286475984877438/>

ДРУЗЬЯ, ФЕСТИВАЛЬ ЖДЕТ ВАС!
«Наполним музыкой сердца!» (Юрий Визбор)

Родилась в Москве в декабре 1985. В 1990 семья переехала в Израиль. Жила в Минске, в Санкт-Петербурге, где училась в англо-американской школе. В 2008 закончила одновременно два факультета американского университета Браун: театральный и сравнительной литературы (английской, русской, французской). В апреле 2014 защитила докторскую диссертацию на кафедре славистики того же университета. Училась у мастеров американской школы драматургии: Бонни Мецгар, Аиши Рахман и Полы Вогел. Живет в Мальме (Швеция), в 2012 году – вместе с музыкантом, композитором и актером Элиасом Файнгершом основала Театр КЕФ. Публиковала стихи, рассказы, эссе и переводы с иврита в журналах «Новая юность», «Октябрь», «Дружба народов», «Нева», «Иерусалимский журнал», «Интерпоэзия», «Современная драматургия». Финалист «Дебюта» в номинации «малая проза» (2013). В 2016 в издательстве РИПОЛ-классик вышла книга «Королева Англии кусала меня в нос».

Керен Климовски

КАКТУСЫ В ОКЕАНЕ

В конце мая 2008 года я упаковывала вещи в картонные коробки. Очередной переезд – в который раз? Посчитала: оказалось, в шестнадцатый. За двадцать два года я успела пожить в четырех странах, девяти городах и пятнадцати квартирах. Научилась не привязываться к вещам и легко с ними расставаться. А с тех пор как четыре года назад с двумя чемоданами в руке пересекла океан и оказалась на огромном континенте, «держась на ковбоях», то и вовсе путешествовала налегке. Правда, за четыре года студенческой жизни обросла, но в основном книгами. Такой минимализм мне нравился. Я часто повторяла: «Это как экономия слов в пьесе!» Мне принадлежали три постера с репродукциями Ван Гога и Гогена, фотографии друзей, чайник с тремя чашками, десяток любимых дисков, две полки с книжками на русском, иврите, английском и французском и три кактуса (а вот шмоток было уже не на два, а на четыре чемодана, но я уговаривала себя, что это не в счет).

Сессия – позади, через пару дней – выпускной, потом – лето, а затем докторантура и непонятная взрослая жизнь. Осенью я должна вернуться в тот же город с многозначительным названием Провиденс, что в переводе означает «провидение», но все уже будет по-другому. Несмотря на то, что небо – или то самое провидение –

сжалилось надо мной: мои лучшие друзья – Дженни и Финн, оба младше меня, оставались еще на год...

Я открывала окна своей комнатухи под крышей, запускала майский ветер в комнату и в шортах и футболке с Мики Маусом паковала остатки вещей. Тщетно искала в американских супермаркетах нафталин. Ела мятное мороженое из пластмассовых стаканчиков. Звонила тому, в кого была довольно безнадежно влюблена, и задавала дурацкие вопросы вроде: «Если бы ты был фруктом, какой бы это был фрукт?» А он в ответ пускался в рассуждения о поэтике Ницше, так что было понятно, что никаких шансов нет... А я была счастливая и беззаботная – просто оттого, что ветер, лето, мороженое, конец семестра. Мучало одно: что же делать с кактусами?

Кактусами я очень дорожила. Даже больше, чем книгами. Их подарили мне на первом курсе друзья-аспиранты из «русской» компании. Тогда мне исполнилось девятнадцать: это была первая зима в Америке, вдали от дома. Имена кактусам я так и не придумала, но различала. Один – дикобразистый, с длинными, тонкими шипами-зубочистками – сабрами, то есть кактусами называют израильтяне: внешне – колючие, внутри – нежные, ранимые. Это был мой израильский кактус. Второй – веселый, лопухий, похожий на доброго крокодила, на Гену например, когда он сидит на поезде и поет: «катит-

ся, катится голубой вагон» — история моей жизни. Это был мой русский кактус. А третий — бордовый, как будто замшелый, выцветший на солнце — стойкий кактус в голубых джинсах, курящий «Марлборо», и только сверху, где растут новые листики, — зеленый. Американский кактус, конечно же. Три кактуса как три моих идентичности, и целый ворох стереотипов и клише — на все случаи жизни: я русская, поэтому суеверная, я — израильтянка, поэтому слово «смущение» мне не знакомо, я живу в Америке, поэтому ненавижу опаздывать...

По вечерам навевдалась Дженни — высокая, статная, с фигурой, как у Софи Лорен, огромными серыми глазами и такой полуигривой, полузастенчивой улыбкой, что, когда она шла по улице, обращались все — от десяти- до девяностолетних. У Дженни тоже была бродяжья душа: она любила уходить далеко за пределы кампуса, шляться по самым странным и беспокойным местам Провиденса, знала каждую дыру, подолгу общалась с продавцами, водителями автобусов, а больше всего — с бомжами. Иногда, в минуты грусти и отчаяния, уматывала в Нью-Йорк, где ночевала на вокзале или садилась на автобус до Нью-Мексико, купив билет в один конец. Но минимализм Дженни не признавала: любое пространство было мало для ее вещей. На столе, стульях, кровати, полу лежали охапки одежды, груды книг и всякий хлам: камешки, бусинки, шнурки, тесемки, обрывки материи, фольга, поломанные украшения, проволока, пятицентовые монетки, сточенные карандаши, а также фантики от конфет «Мишка косолапый», подаренных мной два года назад. Дженни редко убирала, не прятала еду в холодильник, и в ее комнате завелся мышонок. Дженни обрадовалась: выделила ему эмалированное ведро и прикармливала, а потом очень переживала, когда мышонок все же сбежал. В общем, человеком она была замечательным. В один из вечеров, потрепав кактусы длинными пальцами, Дженни сказала: «А у меня герань. Давай оставим растения на квартире. Попросим Марка их поливать...»

Марк жил в той квартире, куда мы с Дженни переезжали, и занимался постдокторатом по геофизике. Хозяйственный, уравновешенный, смешливый и дружелюбный немец из Баварии, он сразу расположил к себе любовью к литературе, рассказом о том, как в юности подрабатывал в цирке глотателем огня, и тем, что ходил в разных, а иногда и дырявых

носках. Я даже почти смирилась с тем, что нашим третьим соседом будет именно Марк, а не Финн, как было изначально задумано.

Финн — мой брат-стрелец, или брат-близнец, как я его называла — длинный, под два метра, ловкий, залезающий на дерево со скоростью обезьяны, с зелеными глазами, голливудской белоснежной улыбкой, носом уточкой, делавшим его слегка похожим на Тома Хэнкса, и смугловато желтой кожей, которая досталась ему от дальнего предка-индейца. Финн вырос на ферме и мог абсолютно все: починить машину, подоить корову, построить сарай, прополоть огород и посадить овощи, разбить палатку, зажечь костер. Умел охотиться, рыбачить, плыть под парусом — короче, Финн был, наверное, единственным человеком на нашем кампусе, который выжил бы на необитаемом острове после кораблекрушения... А еще он играл на гитаре, пел мелодичным баритоном, участвовал в театральных постановках, импровизационных шоу и показах мод, снимал документальное кино, мастерил вручную книги...

Финна знали все: и первокурсники, и аспиранты, и профессора. Из-за высокого роста он всегда был замечен, как маяк, особенно, когда разгуливал по кампусу в своих любимых вельветовых розовых брюках. Девушки его обожали, и Финн отвечал всем взаимностью — по очереди: был вечно в кого-то влюблен и то и дело спешил на свидание. Думаю, я была его единственным другом-девушкой, что было более почетно, чем статус одной из временных возлюбленных. Мы гуляли по Провиденсу, сочиняя на ходу мюзикл, покупали овощи на фермерских рынках, готовили супы, пекли хлеб, пили хмельной мед на крышах одноэтажных домов, придумывали разные игры, розыгрыши. Конечно, он тоже был закоренелым бродягой: колесил на велосипеде через всю Америку, участвовал в строительстве домов для бездомных, после «урагана Катрин» отстраивал Новый Орлеан, а как-то раз поехал в Мали снимать документальный фильм про анимизм: фотографировал африканских детей, научился говорить на том диалекте французского, на котором говорят люди племени бамбара, и играть на барабанах, был ограблен, чуть не погиб во время песчаной бури и писал мне невероятные «хемингуэевские» письма.

Разумеется, я была уверена, что мы будем снимать квартиру втроем: Финн, Дженни и я. Поэтому, отчасти, и осталась в Провиденсе в надежде хоть

чуть-чуть удержать, задержать студенческие дни, мечтая о нашем невероятном союзе «трех мушкетеров» с примесью американского сериала Friends... Как всегда, увлекаясь собственными фантазиями, я упустила из виду очевидную реальность, потому что Финн вдруг сообщил, что он слегка влюблен в Дженни, жить с ней в одной квартире не сможет и, вместо этого, собирается снять квартиру со своим другом Чейни и его девушкой. Решение Финна я восприняла как предательство и впервые устроила ему сцену ревности — со слезами и унижительными упреками вроде: «Как ты мог променять меня на Чейни — он от силы две книжки в жизни прочитал!» Особенно разозлило это его «слегка влюблен». Я запальчиво кричала: «Ты в половину кампуса влюблен, почему тебе надо было еще и в Дженни влюбиться и разрушить все мои планы? Ты бы еще в меня влюбился, дурак несчастный!» Финн успокоил меня, сказав, что вот это — невозможно, потому что я ему как сестра, но насчет остального был неумолим. До конца семестра я на него дулась, а Финн только посмеивался и называл меня «ворчащей старушкой», так что в Нью-Йорк я уезжала совсем обиженная, толком с Финном не простилась, зато успела заскочить к Марку, всучить ему свои кактусы вместе с полужеваной геранью Дженни.

Весь июнь я проработала швеей и бутафором у известного нью-йоркского кукольника, по имени Бэзил Твист. Жила я в Квинсе, снимала комнату в семье эмигрантов из Перу. Совсем рядом находились рельсы надземного метро, и, засыпая, я слышала, как мимо проносятся поезда. От душного нью-йоркского лета спасали только грозы и кондиционер, поэтому я проводила много времени в театре. Тем более, что идти было некуда. Тот, в которого я была влюблена, избегал встреч, хотя пару раз звонил, и мы беседовали на литературные темы, а кроме него, в этом мегаполисе друзей у меня не было. По выходным единственным собеседником был рыжий кот, который любил валяться в солнечной луже у дома.. «Cat, — говорила я, — cat... ты же знаешь... я бы тебя взяла. Но мне некуда, cat. Правда. Я ведь как ты — бездомная. У меня вообще ничего нет. Так только: книжки, чайник, три кактуса...»

Оставшуюся часть лета я провела, как обычно, в Москве и Израиле, но думала о Провиденсе, подбирала вкусы, запахи и краски грядущей осени: сухие листья, яблоки, запах хвои, ранние закаты... А по возвращении меня ждал неприятный сюрприз: в

августе Марк неожиданно уехал на конференцию, и наши с Дженни растения погибли: и ее потрепанная герань, и мои три кактуса — израильский, русский и американский. Они сморщились и сникли, как три сдувшихся шарика. Старая жизнь закончилась, ничего больше не будет прежним. Я сказала: «Давайте их похороним. Только не в землю. Хочу что-то особенное, чтобы не забыть. Например... как у викингов. Их тела клали в лодки, поджигали и пускали в море. И мы также сделаем, у нас океан под боком, а вместо лодки можно плот...» Дженни и Марк поддержали идею. Особенно Марк: он чувствовал себя виноватым. Обещал, что на похоронах покажет игры с огнем. «Плот беру на себя,» — заявила я и сразу набрала номер Финна.

Финн встретил меня как ни в чем не бывало. Посадил в свой старенький, баклажанного цвета фиат и повез в лес. На заднем сиденье лежали топор и пила... Это качество я в Финне особо ценила: он мог пропадать неделями, мог не снимать трубку, но во всем, что было по-настоящему важно, сразу приходил на помощь, причем немедленно. И не задавал лишних вопросов. «Ну что, как жизнь с Чейни и его подружкой?» — все же не удержалась я. «Честно? Ужасно! Целыми днями скандалят так громко, что в ушах звенит, а потом так же громко мирятся — мебель ходуном ходит.» «Что, правда? — обрадовалась я, — так тебе и надо!» И окончательно потеплела. Я искала ветки, а Финн их обтесывал, выравнивал, отпиливал сучки. Потом Финн скреплял прутья веревкой, а я валялась на траве и вдруг сказала: «Как хорошо, что мы друг в друга не влюблены, правда? Никаких этих глупостей — претензий, обид... и так легко и просто. Кстати, если бы ты был фруктом, то какой бы это был фрукт?» «Помесь манго с авокадо, только я бы рос не на дереве, а на земле, — выпалил Финн, не задумываясь, — а что?» «Да так, ничего,» — сказала я и заплакала. «Если будешь так переживать, превратишься в изюм, — сказал Финн, погладил меня по волосам и добавил: — Ты не расслабляйся, тут еще работы на пару часов. А еще сделай одолжение: или побрейся налысо или начинай причесываться, у тебя полголовы в колтунах...», — и ловко увернулся от моего пинка.

Для приглашений я решила сделать «пиратскую бумагу». Протерев пару листов использованным чайным пакетиком и подпалив края, я чуть не устроила пожар. Открыла окна, чтобы выветрился запах дыма, напялила толстовку (по вечерам уже холо-

дало) и, сочинив, черным фломастером написала готическим шрифтом приглашения на похороны, указав, вместо адреса, пляж в Потакетте. Приписала: «P.S. Все держать в секрете, иначе...» — и нарисовала череп с костями. Предостережение было шутливым лишь отчасти: за «нарушение экологического равновесия» нам могли вклеить большой штраф.

Похороны прошли скромно. Из приглашенных были только Марк, Дженни, Финн и двое моих друзей-аспирантов. Зато все в черном — как я просила. Дженни накрашила черным ногти и губы. Марк глотнул специальную жидкость, поджег факел, подул на него и выдохнул огонь. Мы с Дженни положили трупики на плот — вместе с землей и горшками. Финн объявил «Внимание! Сейчас Керен произнесет торжественную речь. Керен, ты постарайся до темноты закончить...» «Так уже темнеет!» — я шлепнула его по руке. «В общем... я думала, что это будет прощание... с нами самими, какими мы были... А сейчас поняла, что это, скорее, обещание никогда не прощаться. Ничего особенного... Надо иногда делать какие-то вещи просто так, и все. Иначе это не жизнь, а что-то другое. Знаете, почему многие люди такие скучные? Они все делают с какой-то целью. Вот обязательно должна быть цель или результат. Иначе они твой поступок называют бессмысленным и безумным. И если это — взрослость, то я взрослеть не хочу и не буду! И не хочу больше влюбляться в людей, которые не могут сразу ответить на вопрос: «Каким бы ты был фруктом?» Да и вообще не хочу больше влюбляться. Хочу дружить и делать вещи просто так! А сейчас давайте мы все минуту помолчим и подумаем об умерших растениях, которые прожили свою жизнь не зря...»

И мы помолчали. А потом Финн закатал брюки и вошел в океан с плотом на руках и зажигалкой в зубах. Он нес плот очень бережно и медленно передвигал свои длинные ноги, как в танце. Опустив плот с растениями на воду, он поджег его и слегка толкнул. Нам повезло: был отлив, и плот стремительно уплывал все дальше, качаясь на волнах. Стемнело, и от этого вспыхнувший плот казался еще ярче. Мы стояли, слегка подрагивая от холода и прижимаясь друг к другу, чтобы согреться. И смотрели на горящий плот, пока он не превратился в маленькую огненную точку... ■

Март, 2016

Белла Ахмадулина

Бьют часы, возвестившие осень:
тяжелее, чем в прошлом году,
ударяется яблоко оземь —
столько раз, сколько яблок в саду.

Этой музыкой, внятной и важной,
кто твердит, что часы не стоят?
Совершает поступок отважный,
но как будто бездействует сад.

Всё заметней в природе печальной
выраженье любви и родства,
словно ты — не свидетель случайный,
а виновник ее торжества.

► Альбина Гумерова,
переводчик

Телюся Закирова

ДОРОГА ЖИЗНИ

рассказ

Эх, сегодня вновь предстоит отправиться в дорогу с Ландыш. Ну почему Ильмиру всякий раз выпадает «счастье» обучать именно эту девушку? С одной стороны, ничего страшного: она всего лишь девушка, которая хочет получить права и пришла в автошколу обучаться вождению, а Ильмир — просто инструктор, как и многие другие инструкторы в этой автошколе, не более. Однако даже запах духов этой девушки кружит голову Ильмиру. А её волнистые светлые волосы... а ноги, которые слегка только прикрывает мини юбка, кому угодно снесут крышу. Груды в глубоком декольте будто птицы, готовые покинуть гнездо. А когда Ландыш кладет свои ухоженные руки с ярко-красным маникюром на руль, машина — и та сходит с ума: то в сторону резко уйдет, то напрямик в столб мчится. А когда девушка давит на педали туфлями на высокой шпильке, машина либо ревет, как корова, которая никогда в жизни не видела быка, либо встанет и стоит, безмолвная.

— Ну что, поехали? — эти слова Ландыш вернули Ильмира в реальность, он открыл двери автомобиля.

— Конечно, едем, давно пора! Мне еще с тремя людьми нужно проехать этот маршрут.

Ильмир старался быть спокойным. Ландыш улыбнулась и уселась за руль. Когда Ильмир

пристегивал ремень безопасности, успел заметить, как Ландыш приподняла повыше юбку, чтоб удобнее было вести машину, повернула зеркало заднего вида на себя, облизнулась своему отражению, чем совершенно свела с ума сидящего рядом мужчину. Он с трудом, но сумел взять себя в руки, сделал пару глубоких вдохов и выдал:

— Заводи машину!

Как только ключ повернули, стартер заревел. Вместо того чтобы тронуться с места, машина опять заглохла. Ну вот, опять двадцать пять! И чего эти женщины садятся за руль? Чего им не хватает в жизни? Готовьте борщи в своих уютных кухнях, занимайтесь детьми, встречайте мужей, так ведь нет — пять раз на дню эти женщины играют на нервах Ильмира, мучают и его, и машину. Инструктор громко прочистил горло, Ландыш поняла, что он имел в виду. Всякий раз, когда Ландыш глохла, она только вскрикивала: «Ой!».

Хвала небесам, тронулась с места, наконец!

— Ильмир, давай будем путь держать на Карьер, хочется поездить по трассе. Заодно бы и отдохнули возле озера. Мне по городу пока еще сложно ездить.

— Ну... Ладно. Держи руль прямо, не забудь переключиться не третью скорость.

Пока ехали по городу, Ландыш включила музыку, подпевала, смеялась, умудрилась в зеркале заднего вида подправить макияж. Когда выехали из города, Ильмир выдохнул. Ему захотелось тут же остановиться, схватить эту женщину и вдоволь нацеловаться. В эту минуту он ни о чем другом думать не мог... Не выдержал и коснулся её руки.

— Вот так, прямее руль держи и свободнее. Зачем вцепилась? Кровообращение нарушаешь ведь. — Сказал он.

— Как прикажете, товарищ инструктор! Только вам я и подчиняюсь, все, что скажете, все сделаю, — ответила Ландыш и сильнее нажала педаль газа, скорость увеличилась.

А может, прям тут?... Говорит же, подчиняюсь, мол... Так и съел бы ее всю! Вдруг ноги, на которые пялился Ильмир, резко нажали тормоз, Ландыш пронзительно закричала, чуть не оглушила Ильмира. Когда он поднял голову, увидел, что на них мчится фура. Ильмира словно молния поразила.

— Отпусти тормоз, Нурия! — крикнул Ильмир.

Ландыш от испуга зажмурилась, тело ей не подчинялось. Словно на машине времени Ильмир перенесся на пять лет назад...

Вот он вместе с женой и ребенком едет в деревню на свадьбу младшего брата. Снег идет крупными хлопьями. Эх, опаздывают на праздник — на важное событие, которое случается у людей раз в жизни! Ильмир торопился, как мог. Жена его, Нурия, сидела на заднем сиденье, держала на руках спящую трехлетнюю дочь Гульзар. Ехали молча. Ильмир вытянул руку назад: «Жарко, помоги куртку снять, пожалуйста». Жена потянула Ильмира за рукав, в этот момент проснулась дочка:

— Папочка!

— Да, моя девочка» — отвлекся на нее Ильмир.

— А что это за свет? Солнце так ярко светит!

— Какое солнце, дочка! Почти уже ночь на дворе!

В этот момент глаза его жены округлились:

— Ильмиииир!

Но было уже поздно останавливать машину. Колеса пошли юзом по льду, и машина Иль-

мира угодила под встречный КамАЗ. Звук столкновения перекрыл крик ужаса дочери и жены.

Ильмир вытер кровь со лба рукавом куртки, которую так и не снял. Затем увидел лежащую без движения жену. «Нурия!» — позвал он. Кто-то, видимо, водитель КамАЗа, схватил его и вытащил из машины. Ильмир скоро умылся снегом и кинулся к задней двери автомобиля. Дверь не поддавалась. «Нурия, ты жива?!» — проревел мужчина. Водитель КамАЗа отодвинул беднягу от двери и дернул сиденье водителя — только так можно было вытащить пассажиров. Внезапно раздавшийся плач дочери прозвучал спасением, облегчением. «Держи ребенка! — крикнул человек, спасший им жизнь. — Молодец, женщина, сумела так закрыть дитя своим телом, что он не пострадал. То ли это инстинкт материнский, то ли ангелы крылья вовремя раскинули!»

Вдвоем они вытащили тело Нурии и положили на снег. Ильмир взял дочку на руки и уставился на жену, однако дочка выскользнула из его рук: кроме матери, ей сейчас никто был не нужен. И Нурия вдруг открыла глаза, видимо, услышала плач своего ребенка. Однако не смогла и слова произнести, и пошевелиться тоже...

...Когда пошел забирать жену из больницы, взял с собой инвалидную коляску. Весеннее солнце светило, словно смеялось. На душе у Ильмира было темно, однако надо продолжать жить. Жену Нурию, теперь уже инвалида, и дочь свою Ильмир отвез в деревню к матери. Не смог он с ней жить. Даже деньги только почтой переводил. С горя начал пить, за пять лет и не взглянул на другую женщину. Но вот, как только начал работать инструктором, Ландыш пробудила в нем все мужское.

— Жми на тормоз!

Однако Ландыш его не слышит, не видит. Что-то надо делать сейчас же! Ильмир оттолкнул ногу Ландыш с педали тормоза и вывернул руль вправо. Водитель фуры сбавил скорость и остановился ровно там, где должно было произойти столкновение. Машина, в которой сидели Ландыш и Ильмир, пересчитала правым боком все камни, что лежали у обочины вдоль железнодорожных путей. Машина остановилась — Ильмир дернул ручник.

На этот раз все закончилось хорошо, но они были на волосок от смерти. Вся жизнь в одно

мгновение предстала перед глазами, данные когда-то кому-то общения... Торопливость и суета губит людей. Лишь немногим удается спастись в последний момент.

— Эй, парень, ты чего творишь? — водитель фуры резко раскрыл дверь машины. Мужик был настроен агрессивно.

Да уж, если бы на его месте был Ильмир, он бы, не долго думая, дал в глаз. А водила фуры, увидев за рулем женщину, сдержался.

— Знаешь, что? Учить водить своих любовниц надо в поле, а не на трассе. У меня жена в больнице, за жизнь борется! Чуть моего ребенка без отца не оставили, идиоты!

Ильмир не ответил. Глаза его предательски наполнились слезами. Его жена в больнице?.. Неужто только что чуть не столкнулись на своих машинах две похожие жизни... Ильмир ощутил щемящую тоску по когда-то любимой им жене и по их доченьке...

Тут Ландыш, которая несколько минут назад дрожала от страха, вдруг взяла себя в руки, вышла из машины, таким образом, заставив замолчать водителя фуры. Она обошла его и спереди, и сзади, будто осматривала вещь перед покупкой. Затем девушка достала две пятитысячные купюры и отдала водителю фуры.

— И чего я тут с вами время трачу!? — проворчал он и был таков.

Невозможно было без жалости смотреть на Ильмира. Он не сдержался и расплакался. Когда мужчина много лет носит в себе боль, она рано или поздно выливается, словно вода из бутылки. Ландыш сидела рядом. Вскоре она позвонила кому-то... Им с инструктором больше было не по пути. Перед Ильмиром лежала собственная дорога.

Было уже далеко за полночь, когда Ильмир добрался до деревни. Войдя в дом, он первым делом поцеловал спящую дочку, а затем подошел к жене, которая выехала на своей коляске. Ильмир поцеловал ее руки, нырнул лицом в ладони, погладил ноги, которые не умели ходить. С этого дня он не оставит свою семью. Он верил, что жена его встанет на ноги. Надо будет — за границу на лечение повезет, надо будет — к морю. Лишь бы она чувствовала себя любимой, нужной ему, Ильмиру. ■

Фарит Яхин

Татарский поэт и прозаик Фарит Яхин родился 2 января 1961 года в селе Дусюмово Сармановского района ТАССР. Окончил историко-филологический факультет Казанского государственного университета. В 1990-х годах был директором Литературного музея Г.Тукая. Автор многочисленных статей и книг по истории татарской литературы, поэтических сборников, романов, повестей, рассказов. Среди них: монография «Средневековая татарская литература (религиозная мистика и мифология в татарской поэзии)» (2003), романы «Великий Пророк» (1993), «Месяц август» (1995), «Подснежник» (2014), цикл повестей и рассказов «Молитвы моей бабушки» (2000), сборники стихов «Слеза на реснице моих чувств» (1993), «Любовь до самой смерти» (1995), «Возвращение на заре» (1996), «Окна одиночества» (2014). Член Союза писателей Республики Татарстан. Живёт в Казани.

МОЛИТВА

О, если доведётся вдруг в горах
Случайно отыскать тебе то место,
Где, наполняясь пеною, в размах
Шумит, кипит, клокочет, бьётся резко
Родник – не думай ни о чём. Молчи!
Ведь пред тобой – слеза вершины горной!
Присядь, рукой неспешно зачерпни
Святую влагу, глядя вниз спокойно,
А после шёпотом скажи: «Господь,
Как дивно этот мир Тобой устроен!
Молю о милости для здешних вод.
Пусть горы слёз не льют! Будь благосклонен!».

ЗАБЛУДИВШИЙСЯ ДЕРВИШ

Теперь он – странник без прямой дороги,
Теперь он – око слепящего дня.
Куда ж идти, когда промокли ноги
И зов души не внятнен небесам?
Ещё вчера он видел путь, спокойно
Шёл по нему, и свет в очах сиял,
Лилась из уст молитва песней стройной,
А руки были – буря среди скал!
Он одинок, растерян, ищет друга,
Он утомлён, разбит, отчизна далека,
Лежит на сердце камень, гложет мука,
И силы на исходе, смерть близка.
Кто жизнь вдохнёт, на истину укажет?
Чья доброта ответит на призыв?
Он – в тишине, он ничего не скажет,
Он смотрит в мир, его в себе открыв.

ПАТТАЙЯ

*Вспоминая время, проведённое в курортном
городе Таиланда, 2014 год...*

Мир красотой сияет. Лётся жизнь,
Как из кувшина, медленно и вязко,
И крики райских птиц тревожат синь
Шатра небесного, но мне – не тяжко.
Волна морская тело в плен берёт,
Пусть лодка рядом, в ней – моя свобода.
Нет стужи зимней тут. Нас не гнетёт
Метель. Я в тёплой бухте скрыт до срока.
Теперь понятно, для чего сюда
Летят, в обитель света, птички стаи...
О, неужели отступила тьма,
И я вдыхаю пряный запах рая?
Брожу по миру я, как пилигрим,
Не удивляясь предков вечной славе.
В душе моей клокочет целый мир,
Он тоже – океан с подземной лавой.
На берег выхожу. Земля – свята.
Слова о том, кто из владык могучих
Устроил царство, не слышны. Смешна
Здесь мысль, пришедшая на всякий случай...

СНЕГОПАД ДНЁМ

Снег белый, лёгкий, словно пар туманный,
Неспешно укрывает землю, сон
Счастливый, добрый и однообразный,
Как одеяло, стелется в уклон.
Вот птица зимняя вспорхнула шумно,
И ветка ели закачалась вдруг,
Я вынес чёрствый хлеб, мне было нужно
Понять чужой полёт как цвет, как звук.
В душе – покой. Стекло окна прозрачно.
Я созерцаю щедрый день, он тих.
Колелет ветер лист рябины красной.
Свет от неё в холодный мир проник.

ОСЕННИЙ ЛИСТ

Пожухлый лист, гонимый сильным ветром,
Влетел в окно и нежно лёг на стол.
Знак времени... Как солнце грело щедро!
Теперь одни дожди. Я в сон ушёл...
Живу в предчувствиях, мне беспокойно,
Несу воспоминаний тяжких груз.
Плывут по небу звёзды счастья стройно,
Но я с земли до них не дотянусь.
Холодный ветер дышит зимней стужей,
И вьюга лист осенний заметёт.
Был шумом городским я вновь разбужен.
О, мёрзлый край! Где ж новый небосвод?..

ДРУГ

Мой друг – на редкость умный собеседник.
С ним время не течёт – летит стрелой!
Он дарит мне вкус к жизни. Он затейник,
Он веселит словами, их игрой.
Спасибо, милый друг, тебе за щедрость
Души живой! Добрейший говорун,
Ты гость желанный! Сохрани лишь верность
Своей звезде, сияя сотням лун...
Придётся – поговорим об этой жизни,
О том, что было, что, как снег, сошло.
Забудем беды. Вспоминать излишне
О них теперь. Я стал другим давно...
Напиток крепкий он на стол поставит,
При свете лампы посидим вдвоём.
Исчезнет грусть, тоска моя растает...
Мир – тайна. Много вечных смыслов в нём...

*Перевод с
татарского
Рината
Бикметова*

► Альбина Абсалямова

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ

19-23 августа в Казани прошел «Аксенов-фест – 2017». В этом году он был приурочен к 85-летию знаменитого уроженца нашего города. Темой фестиваля выбрали «Аксёнов без цитат». Предполагалось, что прямого цитирования писателя в фестивальные дни не будет, но сам он был везде: в наших долгих разговорах с его современниками – казанцами и московскими гостями, в известных и редких фотографиях, которые участники и гости многочисленных мероприятий фестиваля разглядывали с нескрываемой грустью, в тех местах, по которым любил гулять юный Вася, в нас самих...

Фестиваль, вот уже одиннадцатый раз организованный Казанской мэрией при поддержке редакции журнала «Октябрь» (особая благодарность – главному редактору журнала Ирине Барметовой), собрал многих причастных. В этом году из Москвы приехали писатели Александр Кабаков и Евгений Попов, Светлана Василенко и Владислав Отрошенко, режиссер Вадим Абдрашитов, художник Борис Мессерер. Все это – ближний круг Аксенова, его друзья и опора. Более юным участникам фестиваля, увы, не довелось быть знакомым с Василием Павловичем лично, но, благодаря изучению богатейшего наследия писателя и доброму влиянию своих старших товарищей, они, безусловно, прониклись свободолобивым аксеновским духом.

... Для меня знакомство с Аксеновым – сначала заочное – началось в доме моего дяди, народного артиста Российской Федерации, легендарного джазмена, основателя и бессменного художественного руководителя ансамбля «Арсенал» Алексея Козлова. Еще в начале 90-х, часто бывая в гостях у Алексея Семеновича (его жена Ляля – дочь писателя Абдурахмана Абсалямова, моя родная тетя), я перечитала большую часть вышедших на тот момент книг Аксенова, с 60-х годов бывшего ближайшим другом Козлова. Еще в молодости они вместе объездили весь Крым, вместе открывали для себя джаз, вместе ходили «тусоваться»... Об Аксенове

рассказывали много, подробно, и мне, тогда еще маленькой девочка, его фигура казалась сказочной...

Первая встреча с «настоящим Аксеновым» состоялась в августе 2000 года. Мы с мамой и семилетним братишкой Тимуром гостили в Москве, и дядя Леша сообщил, что все мы приглашены в гости в знаменитую высотку на Котельнической набережной, где жили уже вернувшиеся из долгой вынужденной эмиграции Василий Павлович с супругой Майей Афанасьевной. Накануне встречи по телефону она поинтересовалась у моей тети Ляли, что хотел бы получить к обеду наш Тимурчик (в то время он был весьма привередлив в выборе пищи), тетя Ляля ответила: сосиски... «Отлично!» – сказала Майя Афанасьевна. Перед походом в гости мы проинструктировали Тимура: смотри, не привередничай, сколько сосисок тебе предложат, столько и съешь! Надо было видеть выражение лица братишки, когда из кухни вышла хозяйка дома с огромным подносом сосисок в руках. Видимо, он представил, что это все ему... «Вот, решила ничего не изобретать, – сказала Мая Афанасьева. – Все будут есть сосиски.»

...В те дни страна с замиранием сердца ждала вестей с затонувшей в Баренцевом море подлодки «Курск», и мы тоже вместе с Василием Павловичем и дядей Лешей жадно ловили скудную информацию, транслируемую по ТВ. Помню ощущение бессилия и ужасной несправедливости происходящего... Аксенов с Козловым бурно обсуждали, можно ли сделать хоть что-то, а Майя Афанасьевна читала нам пронзительные стихи их обожаемого внука Ванечки, трагически погибшего в Америке незадолго до нашей встречи...

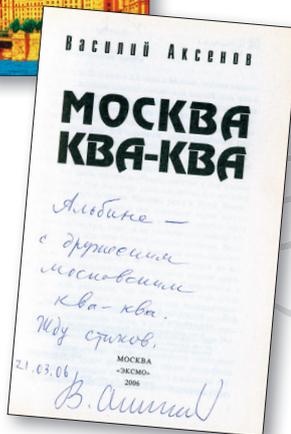
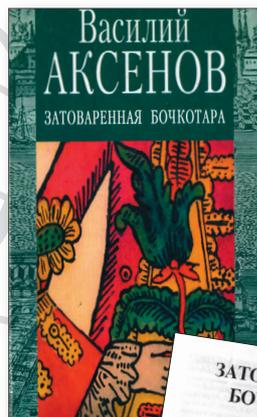

Тимур тем временем угощал остатками сосисок знаменитого Пушкина, собачку Аксенова, ныне увековеченного в бронзе в казанском скверике за кинотеатром «Мир».

... Позже были и другие встречи, много встреч. В Москве на вручении премии «Триумф», на концертах ансамбля «Арсенал», на творческих вечерах в Казани, на первом

«Аксенов-фесте»... Василий Павлович очень благосклонно относился к моему творчеству, даже написал предисловие к одному из сборников моих стихов, за что я ему очень благодарна. И неизменно присылал новые книжки с автографом и неизменным пожеланием: «Жду новых стихов!»

...Спасибо, Василий Павлович. Мы вас не забудем. ▀

► Марианна Гаврилова,

директор Литературно-мемориального музея М. Горького

► Наиля Ахунова,

заслуженный работник культуры РТ,
лауреат лит. премий им. М. Горького и С. Сулеймановой

Продолжая ГОРЬКОВСКИЕ ТРАДИЦИИ

В этом году исполнилось ровно 75 лет с тех пор, как в далёком 1942-ом при Литературно-мемориальном музее А.М. Горького было создано одно из старейших литературных объединений страны.

В музее, открытом в марте 1940-го, спустя три месяца после начала Великой Отечественной войны, начинается консервация: освобождено здание для Наркомпроса ТАССР, коллекции и имущество переведены в Центральный музей Татарии, сокращена численность сотрудников. Закончилась она в середине 1942 года. Но именно в беспокойный период переезда, когда была развёрнута масштабная агитационная работа, когда стала восстанавливаться, а затем расширяться экспозиция Казанского музея А.М. Горького, при нём создается литературное объединение для молодых авторов.

Появление ЛитО в стенах музея имело символическое значение. А.М. Горький был наставником для начинающих писателей, и музей решил продолжить эту традицию наставничества, обучая и консолидируя писательскую среду.

Безусловно, огромная роль в создании ЛитО, носящее ныне имя М.Д. Зарецкого, принадлежала одному из первых директоров музея

*Когда в стихах я стал невеждой,
Искал секреты ремесла,
К музею Горького с надеждой
Влачил беспрокие крыла...*

Сергей Малышев

(«Воспоминание о литобъединении»)

«Все мы вышли из музея Горького!»

Геннадий Паушкин

Фото из архива Литературно-мемориального музея А.М. Горького

М.Н. Елизаровой, понимавшей важность объединения литературной жизни края в стенах музея и определившей стратегию его дальнейшего развития на десятилетия.

Несмотря на обозначенный в первые годы работы формат мемориального музея (он был создан на месте исторического объекта, пекарни, в которой в 1886-1887 гг. работал подручным пекаря Алексей Пешков – будущий великий русский писатель Максим Горький), Мария Николаевна стремилась сделать музей литературный. А это предполагает в первую очередь представление центральной фигуры в контексте времени, главных событий эпохи и творчества. В нашем музее жизнь и творчество А.М. Горького начали показываться не только через призму литературного наследия писателя – в экспозициях, выставках, в культурно-массовой работе с посетителем. Основопологающим, пронизывающим всю работу принципом музея стал более широкий подход, включающий в том числе работу с писателями новых поколений.

М.Н. Елизарова привлекала в музей талантливых и неравнодушных людей, в первую очередь

литераторов. Совместно с Михаилом Бубенновым, впоследствии известным советским прозаиком и литературным критиком, лауреатом Сталинской премии, и Семёном Никольским, в послевоенные годы деканом филфака Казанского государственного педагогического института, она организует «литературные среды» (позже «пятницы»); а ныне ЛитО собирается дважды в месяц по воскресеньям.

«Литературные среды» проводились совместно с Союзом писателей ТАССР еженедельно в музее, а также на предприятиях и в госпиталях, объединяя поэтов, научную, творческую и рабочую интеллигенцию. На заседаниях обсуждались новинки литературы, организовывались лекции, творческие вечера, где выступали Ян Винецкий и Бруно Зернит, Мария Елизарова и Ирина Касаткина, Тамара Ян, Юлия Бадер-Дубяго, Лев Юдкевич и др. Сотрудники Казанского музея А.М. Горького вместе с поэтами и писателями приняли участие в изданных Таткнигоиздатом четырёх литературных сборниках 1940-х гг.: «Кровь за кровь», «За Родину!», «К победе!», «Страна родная». При содействии сотрудников музея, консультировавших автора, Тамарой

Ян была создана поэма «Рождение буреви́стника», посвященная А.М. Горькому.

В конце 1940-х гг. занятия проводились под руководством старшего преподавателя пединститута и аспиранта Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина Л. Юдкевича.

В разные годы ЛитО вели Михаил Бубеннов, Семен Никольский, Лев Юдкевич, Борис Железнов, Марк Зарецкий, Виль Мустафин, Сергей Малышев, Алена Каримова, а также в 1965 г. – сотрудник музея Е.А. Колесникова.

В 1947 году на базе литобъединения при музее М. Горького была создана секция русской литературы Союза писателей Татарстана, в которой сейчас состоит около полусотни членов.

Поэт и литературный педагог Марк Зарецкий (1937-2003), чьё имя теперь носит ЛитО, был одним из самых нестандартных творческих людей Казани. В январе этого года исполнилось 80 лет со дня его рождения. Марк Давидович вёл литобъединение более 35 лет, чему вряд ли можно отыскать аналоги. В 2003 его не стало... А в ЛИТО приходят всё новые авторы, пробующие

перо, – значит, дело, которому Марк Давидович посвятил больше половины жизни, «живёт и побеждает».

Марк Зарецкий, которого ученики из-за громового голоса, живописной внешности и сурового характера иногда, цитируя посвящённое мэтру и ЛитО стихотворение Сергея Малышева, между собой в шутку именовали «Мраком Зверецким», не мыслил своей жизни без музея Горького, музейного знаменитого подвальчика и своих студийцев, многие из которых стали известными литераторами и журналистами: Равиль Бухараев, Сергей Малышев, Сергей Говорухин, Борис Вайнер, Лидия Григорьева, Рустем Сабиров, Салават Юзеев, Фарид Расулева, Алёна Каримова, Тимур Алдошин, Альбина Абсалямова, Адель Хаиров, Аяз Хасанов и другие. После смерти Марка Зарецкого литобъединение вёл Виль Мустафин, а затем – Сергей Малышев и Алёна Каримова.

С долгой историей ЛитО связаны также имена Романа Солнцева, Геннадия Паушкина, Рустема Кутуя, Леоныда Топчия, Диаса Валеева, Нонны Орешинной, Тихона Журавлева (кстати,

рецензента сборников молодых авторов в 1971 г.), Николая Беляева, Геннадия Капранова, Юрия Макарова, Лоренца Блинова, Вячеслава Баширова, Светланы Хайруллиной, Эльмиры Блиновой, Наили Ахуновой, Алексея Остудина, Ольги Левадной, Лилии Газизовой, Нури Бурнаша, Марины Власовой (Галицкой), Бориса Гинзбурга, Светланы Земляниченко, Глеба Михалёва, Ирины Мавриной, Лины Набат, Дамира Гиниятуллина, Татьяны Пашагиной, Елены Крайновой и многих других.

Сегодня активное участие в жизни ЛитО им. М.Зарецкого принимают Сергей Карпеев, Светлана Грунис, Натан Солодухо, Виктор Чопоров, Радик Гимранов, Елена Черняева, Людмила Уфимцева, Зубаржат Арсланова, Алексей Золкин, Наталия Михеева, Лада Аюдаг, Николай Хомутов, Раиса Гаврилова, Гузель Зорина... Несколько десятков членов ЛитО за время его существования стали членами Союза писателей РТ; в последнее десятилетие это – Айрат Бик-Булатов, Аяз Хасанов, Талия Шарафеева, Михаил Тузов, Наиль Ишмухаметов, Александра Кашина...

ЛитО всегда было на «творческой передовой», принимало самое активное участие в жизни музея. С середины 1940-х гг. его авторы выступают на научных конференциях музея («Горьковских чтениях») с произведениями, посвященными А.М. Горькому, или участвуют в качестве слушателей. В 1960-1970 гг. организуются выезды в нефтяные районы Татарии, на всесоюзную социалистическую стройку КамАЗ. Равиль Бухараев, Петр Долголенко, Марк Зарецкий, Нэлли Шук, Сергей Карасев и другие члены ЛитО выезжают с литературным десантом, выступают в клубах, библиотеках, общежитиях. Сегодня авторы литобъединения – это поддержка музея, без них не обходится ни одно крупное мероприятие. Литературные вечера, творческие встречи, презентации книг собирают поэтов и прозаиков в излюбленном месте литературного сообщества – арт-подвале музея «Бродячая собака». Индивидуальные и коллективные подборки членов ЛитО публикуются в российских и казанских журналах, наши авторы

участвуют в разного рода конкурсах и фестивалях.

На протяжении всей истории ЛитО литераторы, благодаря музею, получали не только профессиональную поддержку. Публиковались сборники молодых авторов «Слово молодым» (в 1969 и 1972 гг.), «Горизонт». В 2005 г. вышла антология русской поэзии Казани «Как время катится в Казани золотое...» в Таткнигоиздате; основная часть авторов этой книги в разные годы посещала ЛитО при музее Горького. В 2017 г. вышел сборник Л. Уфимцевой «ЛитО дивный свет», представивший многие имена литературного объединения при музее, его историю, а также другие ЛитО Казани.

В год 75-летнего юбилея ЛитО при музее А.М. Горького хотелось бы не только подвести итог его долгой и достойной жизни, но и сказать о проблемах. Их немало, и главное здесь – сохранение преемственности поколений. Традиции, заложенные в прошлые десятилетия в стенах музея мастерами литературы нашего края, были подхвачены их многочисленными учениками, которые создали свои собственные литературные клубы, сообщества. Так и должно быть. Горьковские традиции должны быть приумножены. Но на фоне пёстрой и насыщенной картины литературной жизни города и республики стало постепенно теряться имя литобъединения, с которого всё и начиналось –

ЛитО им. М. Зарецкого. Конечно, у ЛитО есть постоянные участники, но ему необходимо и постоянное обновление, приток молодых авторов. Тем более что каждое его заседание затрагивает важные вопросы, касающиеся обучения писательскому ремеслу. Хотя правильнее было бы сказать – писательскому делу. Одного, пусть и большого, желания писать стихи или прозу недостаточно. Только постигнув азы, а затем и сложные секреты профессии, писатель может чего-то достичь в творчестве.

Ещё один важный вопрос – возрождение прекрасной традиции ежегодного вручения «Горьковской премии», инициированной в 1990-е гг. музеем при поддержке городской администрации. Лауреатами этой премии в разное время стали Г. Паушкин, Р. Кутуй, Н. Орешина, Р. Кожевникова, Б. Вайнер, Т. Алдошин, Н. Ахунова, А. Остудин, В. Мустафин, Е. Бурундукская, А. Каримова, И. Бикбулатова, М. Елизарова (посмертно)...

Очевидно, что на пороге 150-летия А.М. Горького, которое будет отмечаться в 2018 году, необходимо не просто возобновить премию (в последний раз она вручалась в 2009 году), а и придать ей новый статус.

Имя А.М. Горького для нашей республики, для нашей литературы имеет особое значение. Благодаря Алексею Максимовичу, в 1914 году в Восточном сборнике Лазаревского

института – впервые на русском языке – публикуются стихи Г. Тукая, творчество которого Горький хорошо знал. Выдающиеся татарские советские писатели-классики К. Наджми, Г. Минский, А. Кутуй, Ш. Камал, Г. Нигмати, К. Тинчурин и др. встречались с Горьким в 1920-1930-е гг. и считали его своим литературным учителем; некоторые из них переписывались с ним, о чём свидетельствуют их воспоминания. Именно грандиозная инициатива А.М. Горького – I Всесоюзный съезд советских писателей в 1934 году – сплотила писательскую среду и способствовала развитию национальных литератур страны, в т.ч. татарской советской литературы.

Алексей Максимович делал всё возможное, чтобы научить азам мастерства и объединить молодое поколение литераторов. Тем же сейчас занимается ЛитО им. М. Зарецкого при Литературно-мемориальном музее А.М. Горького. В наступающем юбилейном сезоне у литобъединения появился новый руководитель. Это известный казанский поэт и драматург, заслуженный деятель искусств РТ Борис Вайнер, который, конечно, привнесёт свой творческий взгляд, свой опыт в работу ЛитО. Мы приглашаем всех тех, кто пробует себя в литературе, в первое и третье воскресенье каждого месяца в 14 часов в гостеприимные стены нашего музея. ▀

► Галина Слесарева

СПАСИБО, ЧТО ВЫ ЕСТЬ...

Попробуйте задать себе вопрос, что осталось в памяти об университете, о студенческих годах, о тех, кто вас учил избранной профессии. У каждого, наверное, найдутся свои ответы. Есть они и у нас, бывших студентов, дипломников, аспирантов, ставших кандидатами, докторами филологических наук, доцентами и профессорами под научным и просто человеческим руководством удивительного, прекрасного человека – доцента Зельфы Мазитовны Альмухамедовой.

Проф. И. Еселевич, доц. З. Альмухамедова, проф. В. Колесов, проф. С. Лопушанская

Конечно, Университет как собирательный образ ассоциируется с величественным главным зданием, а дальше – во двор, к зданию бывшей каретной (во времена Лобачевского). Именно в этом полуциркуле (строение имеет такую форму) и находилась ЛЭФ – лаборатория экспериментальной фонетики кафедры русского языка КГУ, кстати, одна из трех в нашей стране. Для многих пришедших сюда на 1 или 2 курсе, чтобы изучать звучащую литературную и диалектную речь самыми передовыми для того времени методами, ЛЭФ становилась родным

домом. Здесь было интересно многое, а особенно научный руководитель всех изысканий. А начиналось с лекций по фонетике современного литературного языка. Читала их Зельфа Мазитовна. Голос тихий, ровный, удивительная простота в обращении со студентами. Думаю, мало кто на 1 курсе понимал, насколько важны были занятия по фонетике. Но именно здесь закладывался фундамент восприятия языка как многоуровневой системы, формировались понятия «фонемы», «звука» и «буквы». А это как раз то, что необходимо для становления лингвистического

мышления будущего языковеда. Много позже мы смогли это оценить.

А пока просто было интересно: мы находились в исторической лаборатории, которая была не чем иным, как возрожденным детищем профессора Казанского университета В.А. Богородицкого, создавшего еще в начале XX в. первую в России лабораторию, где началось изучение звучащей речи с помощью имеющейся тогда аппаратуры. И вот уже в 50-е годы за возрождение ЛЭФ берется тогда еще только кандидат филологических наук Л.В. Златоустова. Под ее руководством и начинает свои

исследования аспирант З.М. Альмухамедова. Успешно защитив диссертацию, она примет на себя руководство ЛЭФ, так как Златоустова к тому времени становится профессором МГУ. Но связи не прерывались никогда.

ЛЭФ существовала несколько обособленно от кафедры, за что нас всех так или иначе пощипывали, но наш коллектив был неуязвим. Мы все: студенты, дипломники, аспиранты – занимались своим делом, а Зельфа Мазитовна и Тагир Талипович (инженер со способностями Кулибина) помогали нам. Зимой мы готовили программы для летних практик и экспедиций, обрабатывали имеющиеся, а летом отправлялись в намеченные пункты. Зельфа Мазитовна тоже или сопровождала группу, или возглавляла экспедицию. Сказать, что эти поездки были интересными, – не сказать почти ничего. Орловская, Воронежская, Тульская, Псковская, Кировская, Заонежье, Вологодская области, Карелия, Среднее Поволжье, Алтай, Хакасия – вот география наших поездок, которые не только позволяли сделать вклад в лингвистику, но и открывали нам мир, жизнь во всем ее многообразии и людей. И опять же примером была наша Зельфочка. Неприязательная в быту, она легко сходилась с людьми, находила общий язык со всеми, и нас принимали в каждом доме как давно знакомых, доверяли, даже соглашались на запись не только свободной речи, но и специальных программ. Человек необыкновенной скромности, Зельфа Мазитовна скупно рассказывала о себе. Но мы бывали в ее доме, знали ее прекрасного мужа (геофизик, профессор КФУ), дочь и сына (с ними мы тоже дружим до сих пор). Со временем она рассказала нам об отце – известном математике, ректоре Казанского пединститута,

о любимой маме, рано ушедшей из жизни, о сестре – докторе философских наук, профессоре московского вуза. А недавно, когда мы остановились, приехав в «Смену», на улице Гаяза Исхаки, сказала, что эта улица носит имя ее дяди – маминого брата, что даже сохранились его письма. Вот теперь мечтаю поехать с Зельфой Мазитовной в Чистополь в Культурно-просветительский центр имени Гаяза Исхаки. Думаю – получится.

Настоящий ученый, Зельфа Мазитовна обладает еще одним важным качеством – способностью генерировать идеи. Например, услышав, что в Сибири в полной изоляции живет семья старообрядцев – потомков тех самых раскольников, бежавших от реформы церкви еще в 17 веке, Зельфа Мазитовна поделилась с нами идеей записать их говор. Для науки это очень важно: есть вероятность услышать, как говорили 300 лет назад, увидеть, как тогда писали еще допетровским полууставом. Все предположения оправдались! Началась наша «лыкковская эпопея». За пять экспедиций был собран материал, который еще найдет своих исследователей. Кстати, наши «подвиги» оценило научное сообщество: нас приглашали на все самые авторитетные конференции, с интересом читали наши научные статьи и воздавали дань уважения инициатору – Зельфе Мазитовне. И каждый из ее учеников бережно хранит в памяти все связанное с годами студенчества, учебы в аспирантуре и благодарен судьбе за то, что в любое время может прийти к Зельфе Мазитовне, поговорить обо всем, зная, что ему будут рады.

Рассказывает Тамара Фомина, канд.филолог. наук доцент КФУ:

– У меня нет, к сожалению, веселых баек о диалектологических экспедициях с Зельфой Мазитовной, так как первые годы студенческой

научной работы в ЛЭФ Казанского университета я посвятила загадочному Северу, которым заболела на долгие годы и куда Зельфа Мазитовна помогла мне вернуться на работу после окончания КГУ, поэтому, когда я слышу имя – Зельфа Мазитовна, мое сердце наполняется теплотой.

Зельфу Мазитовну отличает удивительная научная интуиция, которая всегда определяла направление научного поиска ЛЭФ. Спустя много лет это сумел оценить даже ранее не признававший экспериментальной фонетики профессор В.М. Марков – глава Казанской лингвистической школы в 60-е годы XX века, сказав после защиты диссертации двенадцатого (!) аспиранта Зельфы Мазитовны Н.Удалова: «А у Вас все-таки получилось».

Зельфа Мазитовна взяла меня под свое «научное крыло» только на третьем курсе, отправив за диалектологическим материалом, вместо моего любимого и далекого Севера, в новую для меня Воронежскую область, где, по данным диалектологов, сохранился древний тип яканья, и этот тип вокализма, к моему удивлению, оказался безумно интересным и перспективным для исследования. Как научный руководитель Зельфа Мазитовна предоставляла своим ученикам полную свободу в поиске, в рождении безумных идей, казавшихся ее ученикам «великими научными открытиями». При этом те маленькие замечания, которые она делала при проверке работ, могли полностью изменить сделанные студентами и аспирантами выводы, повернуть исследования в другую сторону. Я помню, с каким вниманием слушали доклад Зельфы Мазитовны известные профессора и академики на научной конференции в Институте русского языка АН СССР, а она привозила нас на эти «научные тусовки»

намеренно, чтобы ввести нас в этот мир, установив научные связи.

Зельфа Мазитовна – очень скромный человек, но, если у тебя возникает проблема, она незаметно появляется рядом и изо всех сил борется на твоей стороне. Я помню, как Зельфа Мазитовна и Людмила Владимировна Куткова в слезах вышли из кабинета заместителя декана факультета, где они отвоевывали для меня место в общежитии. Сколько времени она потратила, разыскивая для меня на четвертом курсе квартиру, которую я могла бы снять. А сколько писем написала Зельфа Мазитовна всем своим знакомым преподавателям вузов, ранее обучавшимся у нее на курсах ФПК, чтобы помочь мне устроиться на работу в вуз! И она добилась этого, а я сумела улететь на свой любимый Север, где только второй год существовал открытый в Сыктывкаре университет. А когда в Сыктывкаре у меня появилась возможность поехать в аспирантуру и меня отправляли в ЛЭФ Ленинградского университета, я отказалась под предлогом, что только в ЛЭФ КГУ под руководством Зельфы Мазитовны Альмухамедовой я гарантирую своевременную защиту диссертации, и они сдались, переделав мне направление в Казань, а я выполнила свое обещание.

Зельфа Мазитовна со своими учениками

Зельфа Мазитовна является для меня образцом и по жизни, именно к ней я мысленно обращаюсь, когда мне необходимо сделать выбор: «А как бы поступила Зельфа Мазитовна в этом случае?». И как правило, во многих случаях этот выбор оказывается для меня спасительным.

Делится своими эмоциями **Валерий Маркелов, канд. филолог. наук, доц. КФУ:**

– Когда-то студентом историко-филологического факультета я слушал курс русской диалектологии у Зельфы Мазитовны. Поразило ее знание диалектов, бытующих на территории страны. Потом защита дипломной работы под ее руководством. После работы в сельской школе я был приглашен не без участия Зельфы Мазитовны в университет на кафедру, где и посчастливилось с ней работать. Годы учебы в аспирантуре помогли глубже узнать своего научного руководителя, и до сих пор я питаю искреннюю привязанность к этому замечательному человеку. Помню, как в 1983 г. после публикации В. Песковым очерка «Таежный тупик» Зельфа Мазитовна сказала: «Надо поехать в тайгу. Говор семьи Лыковых может представлять большой научный интерес для русской диалектологии и современного

русского языка». Сказано – сделано. Результат: пять экспедиций в тайгу, десяток научных публикаций на тему, связанную с говором семьи Лыковых.

Зельфа Мазитовна привела нас — Женю Кирова, Ирину Заботину, меня, Римму Антину — в лабораторию экспериментальной фонетики, когда мы были студентами. Атмосфера в лаборатории всегда была замечательная: там любили не только фонетику, но фонетистов-диалектологов. Научные изыскания сопровождались беседами об искусстве, о прочитанных книгах и журналах, о жизни во всем ее многообразии. Невозможно забыть и наши экспедиции в с. Ботыли Кировской области. Возглавляла их всегда Зельфа Мазитовна. Общение с носителями говора открывало нам, студентам, огромный мир людских судеб. Результатом таких экспедиций стали магнитофонные записи звучащей речи многих жителей Ботылей, а позже – защиты дипломных работ по материалам экспедиций.

С некоторым научным опытом я пришел в аспирантуру. З.М. Альмухамедова сразу определила тему будущей диссертации. Главный принцип – полная самостоятельность аспиранта. Ответственный момент для любого аспиранта – выход на защиту. Зельфа Мазитовна отправила меня защищать диссертацию в г. Саратов, где я познакомился с известным русским диалектологом – профессором Л.И. Баранниковой, общение с которой тоже можно считать подарком судьбы.

– Осенью 1981 года, – рассказывает **Николай Удалов (канд. филолог. наук, доц.)**, – я, юный первокурсник, «заразился» ФОНЕТИКОЙ И ДИАЛЕКТОЛОГИЕЙ благодаря одному скромному, замечательному человеку — Альмухамедовой

Группа фонетистов и диалектологов с научным руководителем с З. Альмухамедовой (в центре)

Зельфе Мазитовне, которая тихо сказала: «Коля, я вижу, что Вам это интересно».

И вот мы уже в поезде, который везет нас на север, в Карелию, в первую нашу экспедицию в Заонежье. Просто не верится, что с тех пор пролетело уже тридцать пять лет. Нет, не может быть такого, это было вчера, все так свежо и живо... Петрозаводск оглушил меня своим спокойствием после шумной Москвы, а Кижис с величественными неповторимыми храмами и постройками просто потрясли. Все это стало каким-то внутренним стержнем дальнейшей жизни. А первые шаги по берегу в селе Великая Губа – своеобразной визитной карточкой вхождения в Диалектологию. Сначала мне казалось, что я ничего не понимаю, настолько была своеобразна речь с ляпаньем и переносом ударения. «Все, все получится», – успокаивала Зельфа Мазитовна. И вот тот щелчок: ура, я стал понимать и разбирать их речь: «пОйдем, пОсмотрим как гУлят то мОлодеж». Это было настоящее открытие для меня, открытие окна в новый мир.

Пролетели годы, и дорожка по улице Гоголя привела меня к знакомому подъезду, звонок – и слышу знакомый голос Зельфы Мазитовны: «Как, Коля, наработали материал по теме диссертации?» И я с усердием начинаю излагать свои идеи, как могу обработать материал. «Да, да очень интересно, Вы посмотрите мою статью за 1956 год в «Вестнике Казанского университета», может, что там Вам пригодится». И я нахожу эту публикацию и поражаюсь... Все мои мысли, слово в слово были высказаны за много лет до меня. Снова сажусь искать идеи и с ними через неделю иду к научному руководителю: «Здорово, хорошо потрудились. В 57 году была у меня статья в этом направлении – ознакомьтесь». Среди выписки нахожу этот журнал – и снова шок, как точно и очень глубоко «МОИ» идеи высказала Зельфа Мазитовна, и так мы дошли до 61 года. Только после этого я понял, что надо искать свои аспекты исследования, современные и технические. Это был грандиозный опыт понимания того, как нужно входить в Науку.

Я не устал поражаться глубиной, культурой и образованностью этого Человека, когда каждое слово, каждая мысль становится своеобразным трамплином постижения всего нового. От этого мне уже никогда не оторваться, и с каждым годом еще сильнее начинаешь ценить это качество моего Научного руководителя, вокруг которого сложилась такая добрая аура. А это прежде всего люди, которые, несмотря на расстояния, всегда рядом с Вами, дорогая Зельфа Мазитовна. Мы всегда благодарны Вам. То, чего мы смогли достичь, – это Ваша заслуга.

– А мы, оказавшись еще в студенческие годы на диалектологической практике в с. Ботыли, называли Зельфу Мазитовну просто «Мама Зельфа», – говорит **Ирина Заботина (дипломница)**. – Эта поездка превратилась просто в праздник благодаря именно ей. Такого доброго, обаятельного, отзывчивого человека, с хорошим чувством юмора мы просто не ожидали найти в лице нашего руководителя. Таких людей и всегда-то в жизни не очень часто

встречаешь. Особенно хочу отметить одно уникальное качество характера Зельфы Мазитовны: она никогда ни на кого не повышает голос: ни на мужа, ни на детей, ни на нас, балбесов-студентов. Всегда все вопросы мы решали миролюбиво, по-доброму, с шуткой-прибауткой. Даже если чего-нибудь нашкодничаем, она делала замечания настолько мягко и необидно, что просто стыдно было в следующий раз огорчать такого человека.

А как Зельфу Мазитовну любили старушки, речь которых мы слушали и записывали на магнитофон! Заходим в какую-нибудь избу, и Зельфа Мазитовна своим приятным мягким голоском начинает расспрашивать очередную старушку о ее жизни, внимательно слушает, сочувствует, все это так искренне, что посещение обычно заканчивалось чаепитием, причем на стол доставалось все, что есть в доме.

Вот уже 40 лет мы остаемся с Зельфой Мазитовной друзьями. С ней очень интересно общаться на любые темы. Она умный и интересный собеседник с замечательным чувством юмора. И просто очень хороший человек. Когда она звонит по телефону, ее голос невозможно спутать ни с чьим другим, и сразу поднимается настроение. Общаться с таким человеком – большое счастье.

«Я познакомился с Зельфой Мазитовной, – пишет Евгений Киров (док. филолог. наук, проф. Госуд. Ин-та русского языка им. А.С. Пушкина, Москва), – на втором курсе Казанского университета в диалектологической экспедиции в с. Ботылы Нолинского района Кировской области. Свыше десяти студентов Казанского Университета под руководством Зельфы Мазитовны долго добирались до этого отдаленного уголка, и все почувствовали

Проф. Л. Баранникова (Саратов), док. наук Р. Пауфошима (Москва), доц. З. Альмухамедова (Казань) на международной конференции

уже в начале пути, что руководитель экспедиции – особый человек, который теплом своей души способен обогреть каждого, кто оказался рядом.

Таких экспедиций впоследствии было много, и я вспоминаю их с огромной теплотой.

Я удивлялся способности Зельфы Мазитовны привлекать к себе людей, как-то быстро располагать их к себе, поэтому вопрос о научном руководителе курсовой работы решил сам собой, затем так же решил вопрос и о руководстве дипломной и кандидатской работы – конечно, же, Зельфа Мазитовна, и никто другой.

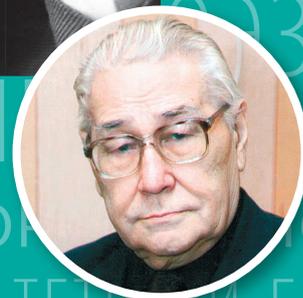
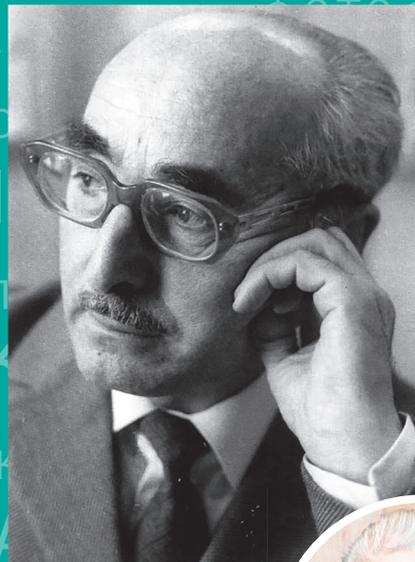
Зельфа Мазитовна научила нас, своих учеников, многому, но в Ботылах мы поняли, как нужно общаться с людьми, чтобы они рассказали о себе. Мы слушали рассказы стариков о жизни, записывали на магнитофон, что было непросто, поскольку можно было прослыть «ерманскими шпиёнами». Полученный бесценный материал потом анализировался в уникальной лаборатории экспериментальной фонетики, которую Зельфа Мазитовна возглавляла в Казанском университете. Зельфа Мазитовна в те годы и позже, продолжая дело В.А. Богородицкого, основателя первой в России лаборатории экспериментальной фонетики в Казанском университете, представляла собой уникального и редкого специалиста, которых в стране было

очень немного. Вокруг Зельфы Мазитовны собрался кружок студентов и аспирантов, занимавшихся экспериментально-фонетическим исследованием русских народных говоров. Фактически это была школа, настоящая научная школа со своим руководителем, спецификой научного направления, весомыми результатами научных исследований – школа Зельфы Мазитовны Альмухамедовой.

Возникла традиция собираться на день рождения своего Учителя прямо у Зельфы Мазитовны дома. Волею судеб учеников Зельфы Мазитовны раскидало по городам и весям, но многие живут и работают в Казани, и эта традиция сохраняется.

Зельфа Мазитовна воспитала целую когорту уникальных специалистов, которые с гордостью носят имя «альмухамедовцы» и которые бесконечно благодарны своему Учителю за уроки человеческого отношения к людям и жизни, за отношение к своей профессии.

Приближается 15 ноября – день рождения нашей любимой и почитаемой Зельфы Мазитовны. Это значит, что мы все соберемся за праздничным столом, будем говорить обо всем на свете, смеяться и сожалеть, мечтать и надеяться, делиться удачами и печалью. И над всем этим будет витать любовь, счастье и надежда. ■

> ЮБИЛЕЙ
> ПОРТРЕТ ЭПОХИ
> МНЕНИЕ
> МУЗПРОСВЕТ
> ЧТО НОВЕНЬКОГО
> КОНТРАМАРКА

► Марат Сафаров

ЧИНГИЗ АХМАРОВ: ОЧАРОВАНИЕ ВОСТОКОМ

Не знаю, насколько 105 лет – круглая дата. Главное, что есть повод вспомнить замечательного художника Чингиза Ахмарова, который родился в 1912 году в уральском купеческом Троицке.

Лучше вспоминать Чингиза Ахмарова и его произведения без поводов – по велению души. Ему повезло: лишь искусство подлинных мастеров переживает свое время, эпоху, изменчивые эстетические стили и моду. Уже более двадцати лет прошло с ухода Чингиза Габдурахмановича, но регулярно проводятся выставки, издан каталог его работ. В 2014 году в Казани усилиями Фонда Марджани и Государственного музея изобразительных искусств РТ в пространстве Национальной художественной галереи «Хазинэ» состоялась масштабная выставка его работ.

В Татарстане хорошо знают искусство Чингиза Ахмарова. При его жизни, в 1990 году, 156 картин, привезенных из Ташкента, успешно

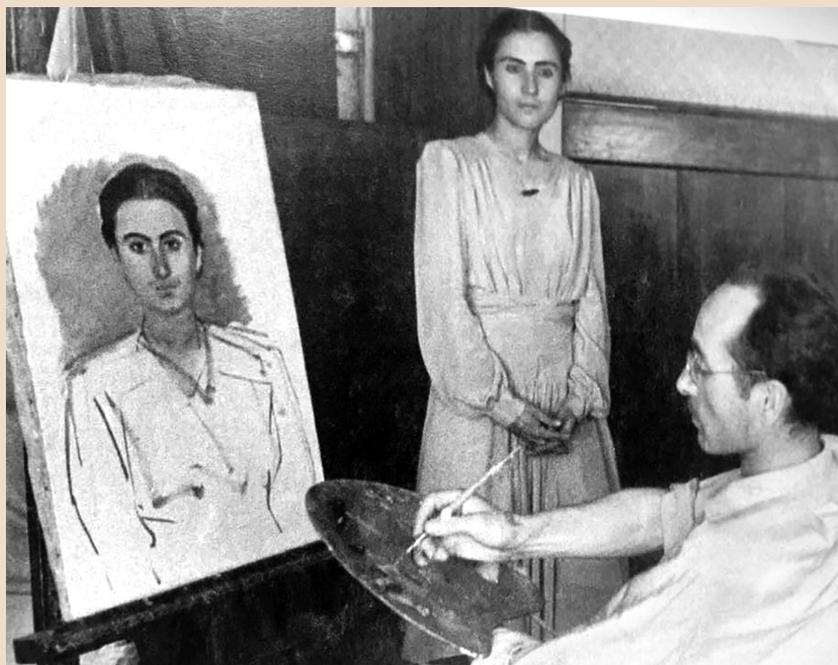
экспонировались в Казани. Со многими представителями татарской интеллигенции он был хорошо знаком лично. Казань Ахмаров любил, всегда ощущал принадлежность к татарскому народу. Вспоминал и детство, проведенное среди имамов и купцов в городе Троицке – одном из центров татарской дореволюционной культуры, где еще существовало известное медресе ишана Зайнуллы Расулева, спорили джадиды и кадимисты, на улицах переплеталась русская, татарская, башкирская, казахская речь. Троицк – богатый город на границе Великой Степи.

Состоятельная семья Ахмаровых относилась к просвещенным джадидам: дома читали присылаемую из Бахчисарая газету Исмаила

Гаспринского «Терджиман», дети учились в гимназии. От деда Мифтахетдина осталась библиотека, где было много рукописных и литографических книг, изданий на татарском и турецком языках, журналов. Среди них – знаменитый азербайджанский сатирический иллюстрированный журнал «Молла Насреддин», издававшийся в Тифлисе. Рисунки из этого журнала маленький Чингиз усердно копировал; его сестры увлекались стихами, играли на пианино, ставили домашние спектакли, на которые приглашали гостей, организовывали в доме литературные вечера. Семейную библиотеку расширял и отец – поверенный троичских купцов Абдурахман-ходжа, привозивший редкие издания из своих поездок в Египет, разные турецкие города, Туркестан. Из каждого путешествия отец привозил и предметы старины, народных ремесел. Чингиз учил арабский и фарси. Пройдет много лет, и арабская вязь войдет в пространство его картин.

В 1931 году Чингиз Ахмаров оканчивает Пермское художественное училище, его дипломной работой были декорации к трагедии Ф. Шиллера «Коварство и любовь» в Пермском драматическом театре. Это произведение стало заметным событием в художественной жизни театра, и молодого художника начали приглашать на работу в разные заманчивые места.

И он сделал выбор. Родным домом, краем, где обитали герои и сюжеты его будущих картин, стал Узбекистан. Родители, потеряв в ходе национализации свое имущество, решили переселиться в знакомый им Туркестан, осели поначалу в городе Карши. Чингиз, еще приезжая на каникулы, навсегда полюбил эту благодатную, теплую землю, а красота мечетей Самарканда определила

его стиль и тему. Из Перми он и переехал в Самарканд. Здесь только что открылся художественный техникум, который возглавили приехавшие из Казани Павел Беньков и Зинаида Ковалевская, а преподавали в нем художники, имевшие академическое образование, в основном ленинградцы и москвичи. Молодой Чингиз находит быстро работу и начинает вести в школе черчение и рисование. Потом будет и обучение в московском Суриковском институте у Игоря Грабаря, Владимира Фаворского и Льва Бруни, защита диссертации – Чингиз Ахмаров станет одним из первых в Узбекистане кандидатов искусствоведения. Важным был и мир самаркандских и ташкентских художников как академического направления, так и бывших авангардистов, не забывших бурные 20-е гг. Их работы, бережно хранимые ныне в уникальном музее им. Игоря Саувицкого в Нукусе, были в этом году представлены на масштабной выставке в Пушкинском музее в Москве, и их смог увидеть, узнать широкий зритель. Александр Волков, Николай Карахан, Урал Тансыкбаев, Александр Николаев, принявший ислам и взявший псевдоним Усто Мумин, – в среде этих талантливых

людей складывался почерк Чингиза Ахмарова.

Но главное все же в другом...

Очарование Востоком – каллиграфией, орнаментами, народными ремеслами в сочетании с глубоким пониманием законов европейского искусства позволили Чингизу Ахмарову создавать его знаменитые портреты, фрески, мозаики. Нежная, гармоничная цветовая палитра, свойственная глазурированным изразцам Самарканда, загадочные облики персидской портретной миниатюры эпохи Каджаров. Важным стало и его знание литературы Востока – поэм Фирдоуси, Рудаки, Хафиза, их метафор, пышности и лаконичности.

Это было не копирование и эклектичное смешение разных стилей, а выработка собственного художественного языка, повторить который невозможно. И появились созданные Чингизом Ахмаровым образы Алишера Навои, известной узбекской поэтессы Зульфии, народной артистки СССР, певицы Халимы Насыровой, колоритных танцовщиц Мукаррам Тургунбаевой и Тамары Ханум. Образы романтических героев Ахмарова стали классикой узбекского изобразительного искусства. Именно они соответствуют восточным представлениям

об идеальной красоте, сложившимся в фольклоре, классической поэзии, существовавшим в персидской миниатюре: большие миндалевидные глаза, мягкий овал лица, дугообразная линия бровей. Появились фрески интерьеров Ташкентского театра оперы и балета им. Навои, за которые Ахмаров был удостоен Сталинской премии первой степени. Но первый успех был коротким...

В 1950-е гг. Ахмаров почти семь лет одиноко прожил в Москве, в мастерской Дома художников на Верхней Масловке. Интенсивно работал и буквально переждал в столице время, когда в Ташкенте правил бал его коллеги-оппоненты... Профессиональные неприятности и отъезд в Москву происходили на фоне большой семейной драмы – мучительного развода и ранней смерти от туберкулеза бывшей жены Шамси (Шамсрой) Хасановой (1917-1956) – одной из первых профессиональных художниц-узбечек.

Но Ташкент давно стал родным городом, и Ахмаров вернулся в Узбекистан.

Заказы поступали и из Казани (увы, но фрески в театре им. Мусы Джалиля не сохранились), Днепропетровска, Кемерово, Сочи, Красноярска, были декорации к спектаклям и фильмам, иллюстрации книг, включая сказочную повесть «Кашмирская песня» всесильного узбекского партийного руководителя Шарафа Рашидова. Знакомство с Рашидовым подвело черту под разными мелкими и крупными неприятностями в Союзе художников. Талантливый мастер обрел поддержку и защиту, словно стала реальностью восточная средневековая история из любимых Ахмаровым эпических поэм, где герои – властелин и поэт...

Чингиза Ахмарова ценили и власти, и зрители его полотен на выставках, проходивших в залитых

солнцем маленьких городках, и художественная интеллигенция. Среди друзей художника были и знаменитые ташкентские татары, со схожей судьбой, посвятившие жизнь узбекской культуре – маститые писатели Аскад Мухтар и Зиннат Фатхуллин.

Ахмарова не обходили званиями и наградами, а заказы поступали со всех концов Советского Союза. Художник со счастливой судьбой, в которой были признание, успех, путешествия по разным странам, преподавание, ставшее призванием.

Разные эпохи было суждено прожить Чингизу Ахмарову – от царской России до независимого Узбекистана. Чингиз Габдурахманович ушел из жизни в мае 1995 года в Ташкенте. По его завещанию художник похоронен на историческом кладбище Чигатай рядом с Шамси Хасановой...

Биография Чингиза Ахмарова хорошо известна. Ему посвящено много искусствоведческих работ. Есть и замечательная большая статья писателя Рауля Мир-Хайдарова «Сын двух народов». Гораздо менее знакома собственная книга Ахмарова «На пути к прекрасному» – его воспоминания, размышления об искусстве, впечатления от увиденных шедевров. Вероятно, уместно сегодня услышать голос самого мастера в нескольких цитатах:

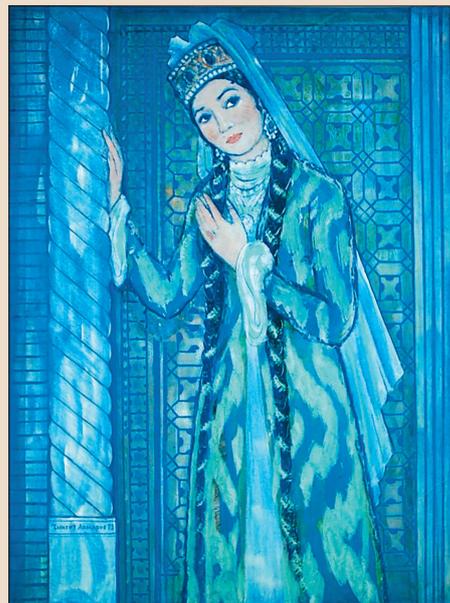
«В 1931 году я переехал в Самарканд. Прославленный своей красотой город в праздничные дни становился еще прекраснее, ибо айваны домов украшались коврами и вышивками-сюзанае. А поверх этих изделий узбекского декоративно-прикладного искусства реяли красные флаги, лозунги, написанные на кумачовых полотнищах, придавая облику города особую праздничность».

«Иногда, когда чувствую себя утомленным, иду на вокзал, сажусь в поезд и уезжаю в Самарканд. Утром,

позавтракав в кругу сестер и племянников, сразу же направляюсь в Гур-Эмир. Перед этим великим мавзолеем мои шаги сами собой замедляются, и я застываю замороженный, затем устремляюсь к основной цели моего путешествия: захожу внутрь мавзолея, – как сын, соскучившись по отцу, кидается ему на шею. Ни с каким другим произведением искусства не сравним по красоте этот мир – чарующий меня мир красок, где цвета один богаче другого, где линии одна другой тоньше и нежнее. Средневековье воплотило свой прекрасный духовный мир в искусстве необычайной красоты, и я отдаю ему свою любовь и восхищение, невыразимое словами. Кто были эти люди, сотворившие такое чудесное искусство, кто был их наставником, к каким поколениям они принадлежали? Многие из них оказались в Самарканде по воле правивших в те времена властителей, шахов, работали на чужбине наряду с мастерами Самарканда».

«Но, хоть поездить по свету за жизнь пришлось немало, я не устаю восхищаться красотами и памятниками, прежде всего, своей родины, такими как, например, мавзолеем Ахмада Яссави в Туркестане. С давних лет и до сей поры при виде его я замираю, плененный особым восторгом, погружаясь в мир размышлений».

«Уже в детстве, когда я еще не умел читать, а только рассматривал картинки в книгах и показывал те из них, которые мне понравились, папе и маме, родители стали рассказывать мне о великих художниках – Рафаэле, Леонардо да Винчи. Позднее в школе учителя рисования рассказывали об Италии, ее искусстве, замечательных произведениях итальянских художников, о раскопках города Помпеи, погибшего из-за извержения Везувия... Слушая их, я словно наяву представлял себе все эти картины».

Мой интерес и любовь к искусству Италии, ее живописи, позже ее музыке в годы учебы в техникуме, а затем в институте все более возрастали. Повидать все это собственными глазами стало моей заветной мечтой».

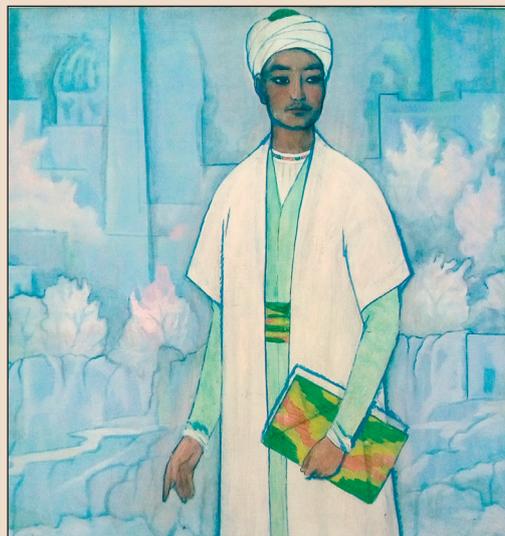
«Мне посчастливилось, посетив многие страны мира, познакомиться с искусством разных народов. Постигая великое искусство Италии, наслаждаясь произведениями Леонардо да Винчи, скульптурами Микеланджело Буонаротти, фресками Пьеро делла Франческа, Боттичелли, Фра Анджелико, бессмертными творениями Тициана, Веронезе, восхищаясь итальянскими соборами, я обогащался глубокими эстетическими впечатлениями. И все же им не уступают, а возможно, и вызывают более сильное сердечное волнение, заняв в моей душе прочное место, «фаюмские портреты».

«Еще одно произведение, заслужившее мою особую любовь, — картина знаменитого художника Вермеера Делфтского «Женщина, читающая письмо».

«Утолив тоску по большому искусству этими первыми впечатлениями, я вновь, как влюбленный юноша, жаждущий свидания, устремляюсь в Музей изобразительных искусств имени Пушкина. И, конечно, здесь иду первым делом к «фаюмским

портретам». Подолгу стою перед шедеврами Рембрандта, Рубенса и других старых мастеров; экспонированными в нескольких залах второго этажа музея произведениями французских художников XIX—XX веков — Клода Моне, Поля Гогена, Ван Гога. И наконец, насытив взоры всеми остальными сокровищами этого удивительного музея, иду к полотнам великого художника XX века — моего любимого Анри Матисса. Как трудно каждый раз после этого покидать Москву!.. Если бы случилось, что возможность таких встреч с искусством у меня отняли, я бы, наверное, изнемог от духовной жажды, как

путник в пустыне гибнет от жажды физической. Когда же, бывает, я подолгу не могу выбраться в музей Москвы, в Эрмитаж и Русский музей в Ленинграде, тогда отправляюсь в Самарканд. И лишь налюбовавшись здесь Гур-Эмиром, побывав на Регистане, осмотрев его прекрасные медресе и надышавшись вволю воздухом Самарканда, могу продолжать заниматься творчеством. Все это — те духовные источники, без которых я не мыслю себя как художник, как личность. Они помогают жить в душе вскормившим меня корням и незримо призывают вновь и вновь к собственному творчеству». ■

► **Лион Хамидуллин,**
лауреат премии им. Г. Исхаки

В эти дни писателю, заслуженному работнику культуры Республики Татарстан и лауреату литературных премий им. Г. Исхаки и им. Дж. Валиди Хамидуллину Лиону Хайдаровичу исполняется 85 лет. В эти же дни они с супругой Данией Ибрагимовной, долгое время проработавшей в аппарате Союза писателей РТ, отмечают 50-летие совместной жизни. Коллектив нашей редакции желает им обоим крепкого здоровья, счастья и благополучия!

ОТРЫВКИ СВЕДЕНИЙ О ДРЕВНЕТЮРКСКОМ МИРЕ

Окончание. Начало «Идель» №9

Очевидно, что у наших малочисленных историков и археологов не остается времени на изучение общетюркской истории. Ученые заняты исследованием ближней истории наших предков, народов Булгарского и Казанского ханств. Некоторые учёные признаются, что не изучены истории сотни городов, сооруженных когда-то этими «бывшими отсталыми кочевниками». Например, историк П. Рычков в 1740-х годах участвовал в закладке современного города Оренбурга. Он пишет в своих трудах, что на этом месте, на одной возвышенности, были обнаружены следы городского поселения и надгробный памятник хану Бачману, возглавлявшему в XIII в. одно из крупных половецких племён. Погиб он, воюя с наступающими с востока монгольскими войсками. Тело его было привезено с поля боя и захоронено в городе Актюба (Белая гора). И таких находок остатков различных крупных поселений городского типа только в зоне Южного Урала несколько, говорят некоторые исследователи.

Городок этот был когда-то назван по приметам местности — белесой известковой возвышенности. Такие случаи привязки к местным приметам в градостроительстве встречаются почти на каждом шагу. Например,

тот же город Оренбург в начале строился в устье речки Орь, притока реки Урал. Потом строительство города перенесли на другое место, но утвержденное уже столичными чиновниками имя осталось прежним: Ор + бург, где «бург» по-немецки означает «город». И получился город на Оре.

Как-то и наш Первый Президент, взявшийся внести свой вклад в булгарскую и татарскую историю, Минтимер Шарипович Шаймиев рассказывал и писал о том, что археологические раскопки в окрестностях древнего города Булгар проведены пока только частично. А ведь источники того времени когда-то изучал и самый авторитетный в СССР археолог и историк А.П. Смирнов. И наш известный учёный академик А. Халиков тоже провёл довольно много изысканий в этом направлении. Он даже успел проложить тропинку в сторону Киева, где булгары занимали определённое историческое место. Но безвременная кончина положила конец его исследованиям.

И исторические сообщения о том, что в средневековье в городах Булгар и Казань имелись «армянские посады», требуют уточнения. Действительно, в этих посадах жили люди, придерживавшиеся особого течения христианства, в какой-то мере отличающегося

от современного православного христианства. Исторически это течение иногда именуют и сирийским, и армянским. Чаще пишут ещё о «несторианской» религии, частично отличающейся от современной христианской, принятой в России. Несторианская ветвь этой религии возникла, видимо, где-то на Кавказе. Некоторые предполагают, что современный город Дербент был одним из таких центров. До сих пор там имеются остатки древней церкви. Помню такой случай. Осенью 1965 группа писателей, отдыхающих в Доме творчества «Коктебель», совершила туристический поход по городам Крыма. В Старом Крыму нам показывали мечеть, построенную в XII веке. Потом повезли в лес, где были сооружения монастыря, построенного в том же веке. Гид, сопровождавший нас, сообщил, что это был армянский монастырь. А историк Лев Гумилёв рассказал, что хотя монастырь назывался армянским, но основными его обитателями были тюрки, в основном кипчаки-половцы, принявшие данную религию ещё в VII-VIII веках. И сообщил, что часть половцев и булгар приняли эту религию, иногда называемую несторианской, ещё до официального принятия ислама этими народами. А так как миссионерами этой религии

были тогда в основном армяне, поэтому всех и называли армянами. В науке их называют ещё и «степными армянами», в отличие от армян, живущих с доисторических времен на горах Кавказа.

Сохранились и некоторые письменные источники об этом, например тексты религиозных рукописных записей на тюркском языке. Об этом имеются сведения в трудах нашего ученого Искандера Абдуллина, бывшего сотрудника ИЯЛИ.

Вернёмся к причерноморским степям, где со скифских времен жили различные тюркские племена, сменяя друг друга. В тех местах до сих пор сохранилась географическая топонимия с тюркоязычными корнями: Дон (Тын), Аксай, Тузлак, Сула(ы), Ингулей и другие.

Необходимо отметить, что и некоторые русские ученые считали древних болгар одними из жителей этих причерноморских мест. Николай Михайлович Карамзин, описывая жизнь Киевского князя Владимира, первым узаконившего православное крещение Руси, пишет, что в четвертый раз князь был женат на женщине болгарского происхождения. После его смерти, борясь за Киевский трон, один из претендентов на престол убил обоих его сыновей от болгарки. Их звали Борис и Глеб. Впоследствии оба мальчика были признаны святыми православной церковью.

Второй малоизвестный факт присутствия болгар в Киеве был исторически доказан советским ученым Андреем Никитиным в одном из его трудов. Он установил, что упомянутый в «Слове о полку Игореве» поэт, автор поэтического дастана, являвшегося примером подражания для русского поэта, жил в Киеве. Был он родом из болгар, и звали его действительно Бояном. И сын Великого князя Киевского Юрия Долгорукого Андрей Боголюбский,

будущий Владимиро-Суздальский князь, также был женат на женщине из болгарской знати. А некоторые ученые предполагают, что его матерью — очередной женой Юрия Долгорукого — тоже была местная болгарка. Она была дочерью Аепы, одного из приднепровских половецко-болгарских ханов, когда-то помогавших Долгорукому занять трон Киевского княжества.

Как пишут наши историки, в устройстве государств на территории нашего региона, относящихся к разным временам-эпохам, наши древние предки болгары принимали непосредственное участие. Но ведь эти государства лишь одна часть общетюркского мира. До них в сибирском направлении и на междуречье Волги и Дуная существовали десятки огромных тюркских государств, огромные империи, объединявшие тюркоязычные народы. Некоторые из них объединяли земли Европы и Азии и до нашей эры, и в тысячелетний период новой эры. Скажем, существовала Хорезмская империя, простиравшаяся на больших территориях: от части земель нынешнего Узбекистана вплоть до побережья Чёрного моря (русские историки стараются не представлять это государство таким большим). Восточные учёные иногда называли это государство страной Туран, или страной туранцев. Значит, большую часть населения Хорезмского государства составляли турки-туранцы. Это государство, достигшее больших успехов в областях земледелия, строительства, торговли и науки, просуществовало около тысячи лет, пока не было завоёвано войсками Чингиза в начале XIII века. Историк, археолог С.П. Толстов, в течение десяти послевоенных лет изучавший сохранившиеся со времён этого государства многочисленные останки поселений, пишет, что долгие годы столицей

Хорезма был город Кят в устье реки Амударьи, позднее Ургенч. Он считает Хорезм государством, являющимся продолжателем прогресса, достигнутого шумерским народом античного периода (сам ли он так писал или это были целенаправленные правки редактора, но в его книгах общепринятое название шумеров было заменено словом «сумер»). А профессор Казанского университета Азгар Мухамадиев занимается изучением надписей, сохранившихся на древних монетах, посуде тех самых туранцев, и утверждает, что большинство этих надписей были тюркскими.

Большинство российских историков вплоть до 1990-х годов писали, что правящее сословие в Хорезме было представлено иранцами и государственная письменность была на этом же языке. А. Мухамадиев также пишет в одной своей статье: «В культуре Средней Азии античного периода представляют только иранское влияние... Этот взгляд, в общей сложности, широко укоренился в русской и советской историографии, остерегающейся пантюркизма. Они даже самого только слова туран боятся как огня». Конечно, эти слова сказаны не только в отношении древнего государства Туран. Стремление умалить значение тюркских племён, оставивших некоторый светлый след в истории со времён пророка Ноя, сильно ощутило в России и некоторых европейских государствах.

Есть и те, кто представляет уровень развития населения Хорезма и возникшего позднее на одной из его частей Хазарского государства более низким, чем у народов стран Европы тех же периодов. Мол, они в большинстве своем были кочевниками, а в таком обществе якобы не может быть общественного развития. Хотя на самом деле всё было иначе. Известный в Хорезме математик и астроном

Аль-Бируни, прославившийся медицинскими познаниями Авиценна, обладатель энциклопедических знаний Абунасл аль-Фараби, математик и географ Мухаммад аль-Хорезми – всемирно признанные известные ученые, выходцы из этих мест. А перенёсший на бумагу карты многих государств, оставивших исторический след на Европейском и Азиатском континентах Мухаммед аль-Хорезми довольно точно отметил на карте географическое расположение многих городов. Этого он достиг точным знанием астрономической науки.

СПОРЫ О СКИФАХ

Современные российские учёные заявляют, что скифы – представители индоевропейской языковой группы, что большая их часть разговаривала на иранском языке. А каждое следующее новое открытие археологов опровергает эти их заявления. Ведь из ископаемых древностей, обнаруженных только в течение последних десятков лет на территориях Южного Урала, современного Казахстана, Алтайского края, которые во все времена были тюрко-туранскими владениями, большая часть относится к тем самым скифам или их преемникам – сарматам.

Как это они могут быть наследием иранцев, проживавших довольно далеко от этих земель? Ни таджики, отнесённые по языку, говору к иранской ветви, существовавшие в стороне от мест проживания тюрков, ни осетины за Кавказскими горами не могут быть хозяевами полного материального наследия скифов или сарматов. Вроде же ни в одном источнике, написанном древними восточными учёными, не зафиксирован факт правления иранцев над тюрками Великой Степи. О том, что скифы не подчинялись даже Дарию, считавшемуся самым могущественным шахом в истории Иранской империи, записано у

Геродота. Уничтоживший преемников Дария, завоевавший и Иран, и Индию известный полководец Александр Македонский тоже не смог одолеть скифов, об этом писал его соотечественник – историк Курций Руф.

А вот то, что одна большая империя, именуемая в исторической науке гуннами, объединяла и сарматов, и близких нам болгар, подтверждается историческими примерами. Скажем, наши учёные пишут, что в обнаруженном в конце XIX века русским учёным А.Н. Поповым в Европе источнике «Список Булгарских ханов» Атилла и его наследники тоже указаны как болгары. История Чердынского ханства, недавно описанная Азгаром Мухаммадиевым в его книге, и Фаузиёй Байрамовой в газете «Мадани жомга», тоже связана с преемниками Атиллы. О том, что этим ханством, занимавшим довольно большие владения от ближней Сибири за Уральским хребтом до среднего течения Камы, управлял сын Атиллы, писал и А.Мухаммадиев.

Встречаются и другие письменные источники, подтверждающие, что великое болгарское племя является преемником тех же скифов, сарматов. Аль-Масуди сообщает, что и после распада Хазарского государства болгары были главной силой, главными хозяевами в междуречье Волги и Дуная. Но современные российские учёные в своих трудах, посвящённых истории средних веков и более ранних периодов, стараются не обращать внимания на сообщения, приведённые в его книгах, написанных аж в X веке. И даже когда обращают внимание, вроде упоминают лишь сообщения о славянах или русских. Кажется, лишь в изданных в 1940–1960 годах книгах В. М. Бейлиса, И.Ю. Крачковского, А.П. Ковалевского приводится более менее ясная и точная информация, почерпнутая из трудов Аль-Масуди.

Византийские историки тоже отмечают, что болгары занимали важное место в истории Великой Степи. В просмотренных когда-то мной исторических трудах они называют Кубрата хана «скифским царём». Впрочем, и наш учёный, покойный Джавад Алмаз, тоже интересовался историей скифов. После ознакомления с многочисленными трудами того периода он написал на русском языке свой труд «Царственные скифы – тюрки». Но этот учёный, который вынужден был почти двадцать лет прожить отлучённым от родного края, скончался в 1979 году, так и не опубликовав этот свой труд.

В годы перестройки стараниями академика Абрара Каримуллина некоторые его труды, в том числе и этот серьёзный труд, были привезены в Казань. Но и по сей день они никем не изданы. Конечно, по этому поводу некоторые могут написать всё что угодно, выражая своё несогласие с автором. Ведь были уже у нас те, кто не принял содержание книги Нурихана Фаттахы «Шэжэрэ» («Родословная») и пытался воротить нос от изысканий в области истории крупного учёного Мирфатыха Закиева, изучающего историю древних языков. Впрочем, даже когда речь и заходит о булгарах, у нас, кажется, преобладает представление о них как о маленьком государстве в уголке слияния Волги и Камы.

БАЛБАЛ И УКРАИНА

Есть две причины, которые подвигли меня взяться за эту свою публикацию: первая – исторические изыскания последних лет писателя и официально признанного историка, кандидата исторических наук Фаузии Байрамовой. Учёные и писатели Алтайского края, республик Хакасия, Тува ещё с 1960-х гг. бьют тревогу о том, что относящиеся к тюркам исторические памятники, сохранившиеся

на просторах Сибири, постепенно уничтожаются. Учёный Р. Кызласов несколько раз писал в журнале «Советская тюркология» об уничтожении в ходе различных строек камней с древнетюркскими надписями. То же самое происходит и с историческими памятниками — балбалами. Были даже сообщения о бесследном исчезновении некоторых исторических памятных вещей, привезённых в музей города Кызыл — столицы Республики Тува.

На страницах того же журнала приходилось читать и о том, что подобное происходит и с десятками «кыпчакских скульптур» — балбалами, валяющимися во дворе музея города Днепропетровска. Раньше в южных областях России и причерноморских степях одиночные балбалы встречались повсюду. В Новочеркасске Ростовской области — бывшей столице Донского казачества, например, ещё в начале 1950-х гг. при входе в городской парк валялись несколько балбалов. И в зале городского музея стоял один. В том же музее сохранялись ещё тогда некоторые бытовые экспонаты, явно указывающие на происхождение большей части казачества из бывших тюркских племён. Да и в произведениях Михаила Шолохова на это много намёков.

В периодической печати 1990-х встречались и тревожные сообщения о судьбе пятиметрового балбала с неизвестными тюркскими надписями. Этот балбал был найден примерно в начале XX века на Украине, в окрестностях города Тернополя. Существует ли сейчас этот камень, этот исторический памятник наших древних предков? Пытался ли кто-то прочитать надписи на нём? А ведь на Украине и кипчакско-половецких балбалов, и других исторических памятников тюркского происхождения было много. И могила великого хана Великой Булгарии Кубрата была найдена в начале XX в. недалеко от Полтавы.

А это городское поселение являлось когда-то одной из двух или трех ставок этого хана в пределах от предкавказских мест до степей Причерноморья. Украинские археологи и в 1970-80-х годах нашли несколько богатых курганов с ханскими захоронениями. Но сумели ли они выяснить, чьи это были захоронения, мне неизвестно.

Сообщения об этих находках были опубликованы тогда на страницах «Комсомольской правды» или «Известий» и должны быть сохранены. Украина сейчас отдаляется от нас, некоторые исторические памятники там разрушаются. Но, помню, ещё в 1960-х некоторые писатели сообщали, что в их родословных есть след и половцев, и других тюрков, обитавших в этих местах. Сообщали также, что при переписи в 1926 г. почти четверть жителей тогдашней Украины писали в переписных листах, что они по происхождению половцы, «а по мове» (языку) украинцы. Но эти данные тогда в печати не публиковались.

ГОСУДАРСТВО ЭТРУРИЯ

Изданная в 1977 году в Москве книга украинского учёного Виктора Драчука «Дорогами тысячелетий. О чём поведали письмена» представляет большой интерес в этом плане. Из европейских учёных, проявлявших в XIX веке интерес к этрускам, было бы большим счастьем просмотреть также труды болгарина В. Георгиева и французца Э. Майани (сторонник взгляда о близости к албанцам, обосновал схожесть этрусского и албанского языков).

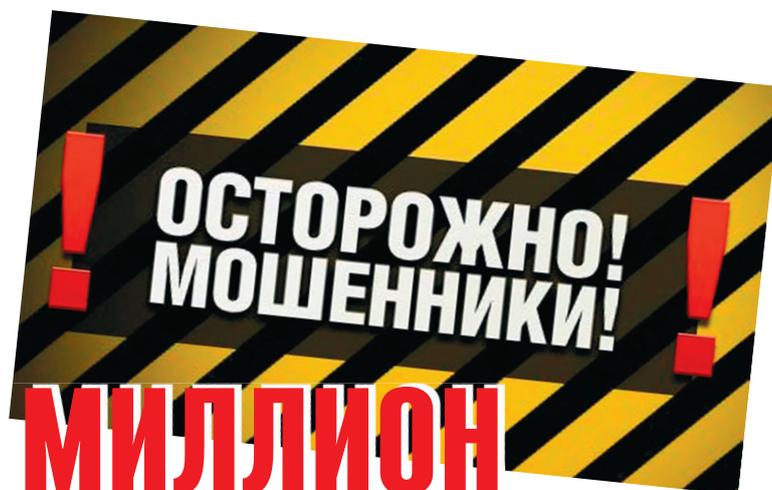
Учёные, изучавшие историю этрусков, отмечают, что они были умными, храбрыми, трудолюбивыми, умели плавить и обрабатывать железную и медную руду. Один немецкий учёный, имя которого будет названо чуть позже, пишет о них: «Не стремились завоевать соседние племена,

предпочитали торговать с ними». Но примерно в середине последнего века до нашей эры государство Этрурия стало распадаться. Латинское племя, становившееся все более влиятельным, сначала изгнало их из Рима, затем постепенно завоевало все города и области, которых насчитывалось около десяти. В годы правления римских императоров Цезаря и Августа язык этрусков ещё частично сохранялся. А по велению императора Клавдия, жившего в I веке нашей эры, был написан исторический труд об Этрурии и этрусках в двадцати томах. Полагают, что эти тома позднее были утеряны во время пожара.

Согласно мнению большинства учёных, этруски использовали древнегреческий алфавит. Добавили к их алфавиту несколько своих букв. Пишут, что греки, в свою очередь, заимствовали этот алфавит у народов Малой Азии. После прочтения подобного в голову приходит и такая мысль: а не заимствовали ли греки эту письменность у этрусков? В 1784 году в Германии был издан один очень интересный труд. В нём даны краткие описания истории народов и государств, проживавших в различных частях света. В 1977 году эта книга была опубликована и на русском языке. Автор — Иоганн Готфрид Гердер. Когда-то я выписал из этой книги несколько абзацев, касающихся взаимоотношений китайцев и тюрков, и примерно страницу из раздела «Etrur» (Этрур), посвящённого этрускам. На 393 странице этой книги есть и такое предложение: «Этрусский алфавит стал основой для алфавитов большинства европейских народов».

Оказывается, этруски использовали 26 букв, из них пять были гласными. Как и в современном арабском письме, они тоже писали справа налево. По-видимому, Насим Сахапов тоже знает, что это так. Желаю ему успехов в его дальнейших изысканиях. ■

► Кирилл Зулкарнай

ЧУДЕСА НА МИЛЛИОН

В последнее время, ввиду экономико-социальных проблем, а также работы некоторых недобропорядочных СМИ, общество столкнулось с рядом социально-бытовых проблем. Как самый простой путь решения жизненных перипетий многие люди находят выход в колдунах и экстрасенсах, чему способствует массивная рекламная кампания, развернутая в СМИ. Я не отрицаю, что ряд людей, возможно, и обладают сверхспособностями, о чем свидетельствует интерес к этой теме спецслужб Третьего Рейха и Советского Союза. Но подобные люди не будут давать объявления и выманивать деньги. В этой статье я хотел бы остановиться на описании категорий современных мошенников, работающих в данной сфере, и разобрать их методы выманивая денег.

КАТЕГОРИЯ 1. Это люди, маскирующиеся под представителей традиционных религиозных конфессий. Поскольку авторитет традиционного духовенства в народе высок, мошенники часто выдают себя в объявлениях за представителей духовенства. Стоит сразу запомнить, что данная категория людей никогда не попросит с Вас денег в открытую. Как пример, они объяснят, что Вам непременно нужен воск из Иерусалима или что-то подобное, что достать могут только они. Когда у них накапливается клиентская база, они смело переезжают в другой город. Так как настоящего имени Вы их так и не узнаете, запомните: все традиционные конфессии порицают ворожбу и колдовство.

КАТЕГОРИЯ 2. Самая простая и распространенная. Эти люди

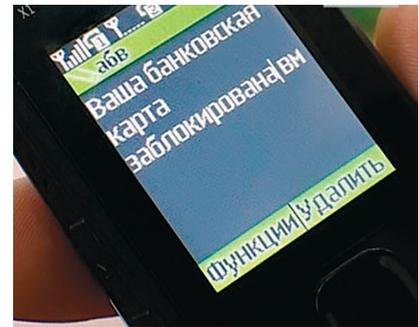

маскируются под видом «потомственных ведьм» или «магов». Эта категория лиц является, по сути, хорошими психологами и только. Они легко и тонко прочувствуют все Ваши проблемы и найдут причину в глазе или родовом проклятии. И, конечно, самое простое средство

спасения – отдать им свои деньги, притом немедленно – завтра будет уже «поздно».

И наконец, мы добрались до высшей касты – это победители и участники различных телепроектов.

КАТЕГОРИЯ 3. Как-то, находясь в Москве в компании известных спортсменов, я увидел раскрученного одним телеканалом экстрасенса. Естественно, он вызвал мой интерес. В общении он оказался человеком весьма неглупым и умеющим располагать к себе. По этическим соображениям я не буду называть его имени. В частном порядке он открыто рассказал, что у каждого члена известных телепроектов есть продюсер и каждое призовое место стоит денег. Разоблачение этих телепередач можно найти на Ютубе, поэтому мы не будем сосредотачиваться на этом,

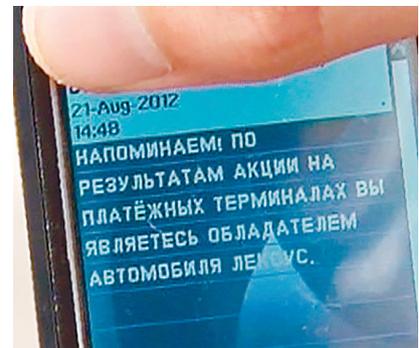

а поговорим о способе отъема денег у Вас.

Частные приемы этих людей, которых Вы видите по телевизору, строго лимитируются по времени. И стоят относительно недорого, около 15 тысяч рублей. Но это только консультация. Дальше Вас просто будут ставить перед фактом, называть Вам проблемы и ставить таксу за решение Ваших проблем. Когда Ваш финансовый

поток иссякнет, экстрасенс, поначалу бывший очень любезным и всегда находившим время для Вас, постоянно будет либо занят, либо в поездке и просто не будет активно контактировать. Эта деятельность имеет юридическую брешь, и деньги Вам никто не вернет. Стоит заметить, что большинство известных экстрасенсов имеют странички в социальных сетях. Я не могу утверждать, что эти

странички принадлежат именно им. Но по факту там Вам предложат дистанционную помощь и будут просто выманывать деньги. Насколько мне известно из общего знания об эзотерике, оказать реальную помощь на расстоянии невозможно. Хотите посмотреть на практике как выманывают деньги, обратитесь ко мне и я вам дам номер известной теледивы Фатимы Хадуевой. Попробуйте сами. ■

МИХАИЛ КУЗИЦЕВ:

«120 МИНУТ КЛАССИКИ РОКА» СТАЛИ НЕОТЪЕМЛЕМОЙ ЧАСТЬЮ МОЕЙ ЖИЗНИ

Михаил Кузищев (или дядя Миша, как «подомашнему» называют его слушатели) уже более 15 лет вместе с Владимиром Ильинским ведет музыкальную передачу «120 минут классики рока» (ранее – «Братья по оружию»), пользующуюся неизменной популярностью среди российских меломанов. Немалая заслуга в этом принадлежит Михаилу, чья любовь и преданность рок-музыке, помноженная на почти энциклопедические познания в этой области, не могут не вызывать живого интереса у поклонников жанра.

– Дядя Миша как и при каких обстоятельствах вы стали соведущим музыкальных передач на «Эхе Москвы»?

– Все началось с того, что в 1999 году я решил принять участие в многоэтапном конкурсе на знание битловского творчества. Конкурс проходил в рамках передачи «Битловский эфир». К своему удивлению, я занял там одно из призовых мест, и меня пригласили на одну из передач в качестве гостя. Смотреть и слушать, как в прямом эфире взаимодействуют ведущие программы Владимир Ильинский и Георгий Мосешвили, как легко и изящно рождается любимая программа – это было зрелище, которое я никогда не забуду. Конечно, мне захотелось

принять более активное участие в этом процессе. В том же году в передаче «Братья по оружию», которую также вели Владимир и Георгий, я сделал свой первый эфир – о группе «10сс». А спустя еще немного времени, в том же 1999 году, Георгий Ираклиевич решил уйти из «Битловского эфира», и дядя Володя предложил мне занять его место. Я не сразу решился, но для меня это стало одним из тех решений, которые меняют жизнь. Я очень благодарен дяде Володе за его предложение и за его веру в мои силы. Был период, когда я параллельно участвовал и в «Битловском эфире», и в «120 минут классики рока». Сейчас обитаю только в «Классике».

– С чего началось ваше увлечение рок-н-роллом? Повлияли ли родители на формирование ваших пристрастий в музыке?

– Я бы не сказал, что музыке в моей семье уделялось большое внимание. Я в детстве очень любил слушать пластинки, например «ABBA», но каких-то эксклюзивных или редких зарубежных изданий у нас не было. Тем не менее, иностранная музыка так или иначе проникала в мою жизнь. "Тлетворное влияние запада" мне нравилось ощущать через передачу «Утренняя почта», где, кроме привычной эстрады социалистического лагеря, можно было увидеть, например, клипы Билли Джоэла или Пола Маккартни. Они производили сильное впечатление.

Но по-настоящему вся эта история началась для меня в 1992 году, когда я впервые серьезно послушал группу «The Beatles». У моего приятеля стояло на полке несколько кассет с их альбомами, я решил полюбопытствовать и погрузился в этот мир с головой на долгие годы.

Потом, когда основные битловские альбомы были освоены, я решил попробовать послушать Элвиса Пресли, потому что во всех книгах и статьях было написано, как сильно он на «битлов» повлиял. И это было еще одно «обострение». Кроме того, у меня в классе почти никто не слушал старую музыку, так что был, наверно, какой-то элемент духа противоречия во всем этом. Было еще несколько поворотных моментов. Например, я никогда не думал, что буду слушать тяжелый рок. Но после альбома «Led Zeppelin» «Physical Graffiti» изменил свое мнение. Думал, что в современной музыке для меня нет ничего интересного, но после «(What's The Story) Morning Glory» группы Oasis снова понял, что ошибался. Вообще, избавление от стереотипов всегда обогащает, по крайней мере, в моем случае.

– Знаю, что вы работаете в «120 минутах классики рока» абсолютно бескорыстно, что называется, «за идею». Как ваша семья относится к этому вашему увлечению?

– Мне повезло, что моя дорогая супруга, с которой мы, кстати,

познакомились благодаря «Битловскому эфиру», разделяет мои музыкальные пристрастия и с пониманием относится к тому, что многие вечера я провожу, готовясь к очередной передаче. Процесс этот, как правило, занимает порядочное время, зачастую несколько месяцев: нужно изучить всю необходимую литературу, найти недостающие альбомы и бутлеги, что-то переслушать и переосмыслить, что-то открыть для себя заново. К некоторым темам идешь годами. Но это всегда как новое приключение, новое путешествие. А я люблю путешествия.

– Не возникала ли у вас мысль начать вести собственную музыкальную передачу? Мне кажется, с вашей эрудицией и опытом она могла бы стать весьма популярной у ценителей хорошей музыки.

– Такая мысль возникала, но в нынешней ситуации я не могу позволить себе вести два эфира одновременно. Тогда неизбежно придется уйти из «120 минут», а этого мне не хочется делать. Возможность вести эфир с таким замечательным ведущим и удивительным

Одно знаю точно: музыка в любом случае должна оплачиваться, иначе скоро ее вообще не останется.

человеком, как дядя Володя, это большое везение. За все эти годы передача стала неотъемлемой частью моей жизни. Здесь я ощущаю себя полностью на своем месте. Хочется верить, что кто-то еще разделяет это ощущение.

– С удовольствием прослушал в «120 минутах» цикл из 50 передач, посвященных панк-року. Понимаю, что без вас вряд ли бы обратил внимание на это музыкальное течение. Что вас заставило взяться за его изучение и популяризацию среди отечественных слушателей?

Наверно, в этом тоже было что-то от духа противоречия: в кругах моих знакомых битломанов и любителей старого рока панк-рок – это была анафема! Но если серьезно, в истории с панк-роком меня всегда поражало то, насколько на первый взгляд он был похож на гром среди ясного неба, мгновенно изменивший существующий расклад в музыке и заставивший многие классические рок-группы либо уйти со сцены, либо лишиться своего доминирующего влияния на слушателей. В то же время я понимал, что панк-рок в любом случае не мог появиться ниоткуда, что у него были свои идейные вдохновители, предпосылки, истоки и предвестники. И мне очень хотелось услышать эту историю в передаче «120 минут», но желающих поднять эту тему почему-то не нашлось. Так что пришлось разбираться в ней самостоятельно. Фаза активной предварительной подготовки к циклу заняла полтора года. Сейчас я понимаю, что это мало. Но хочется верить, что за следующие восемь лет я немного подтянулся. «Хочешь в чём-то разобраться – сделай об этом эфир» – мне нравится такая идея.

– Если бы у вас появилась возможность попасть на машине времени в золотую эру рок-н-ролла (60-70-е годы), какие три рок-концерта вы бы посетили?

– Безусловно, я бы посетил концерт «Beatles», хотя и понимаю, что крики девушек не дали бы мне в полной мере насладиться происходящим. Затем обязательно сходил бы на Элвиса Пресли. Хотел бы вживую ощутить его магнетизм, понять секрет его воздействия на публику. После этого, скорее всего, направился бы на концерт «Led Zeppelin».

– В чем, по вашему мнению, секрет феноменального успеха группы «Beatles», чьи песни даже спустя полвека звучат так же здорово и актуально, как в 60-е годы?

– Думаю, «культурная революция», которую совершили «Beatles» в музыке, была предопределена. И если бы они ее не осуществили, то наверняка это сделал бы кто-то другой. Но я думаю, что «The Beatles», кроме фантастического таланта, это еще и удивительное

ощущение внутренней свободы. Может быть, именно их талант и давал им такую свободу. В отличие от сотни других начинающих групп, они не побоялись нарушить правила, по которым в то время играли все в популярной музыке. Вести себя независимо и свободно, вопреки господствовавшему тогда пренебрежительному отношению к подросткам, которые в общественном восприятии того времени ничем не отличались от детей. Достаточно посмотреть съемки той поры, чтобы понять, насколько битлы со своей искренностью, независимостью, свободомыслием и чувством юмора отличались от всех остальных артистов 60-х годов, зажатых, закомплексованных и оглядывающихся на своих взрослых менеджеров и продюсеров. В этом контексте показателен эпизод, когда продюсер Джордж Мартин предложил им для раскрутки записать чужой хит «How Do You Do It», а они в ответ сказали, что будут записывать свой материал, пусть и не столь потенциально успешный. И таких примеров

масса. Не удивительно, что молодые люди того времени, уставшие от пренебрежительного к ним отношения со стороны старшего поколения, восприняли битлов как поток свежего воздуха.

– Понятно, что золотой период рок-н-ролла давно закончился. И все-таки, ожидаете ли вы каких-то новых открытий в этом жанре или рок окончательно превратится в музыку для ностальгирующих пенсионеров?

– Честно говоря, каких-то фундаментальных открытий в музыке я не жду, особенно с учетом того, что в современной жизни она часто играет роль простой затычки для ушей. Немалую роль в этом, на мой взгляд, сыграл Интернет, сделавший музыку настолько общедоступной, а оттого, на мой взгляд, обесцененной. То есть это палка о двух концах. Так, если раньше стоимость пластинки практически гарантировала ее внимательное прослушивание, то теперь у групп есть в лучшем случае несколько секунд, чтобы заинтересовать слушателя, пока он не отвлекся на что-то другое. Конечно, все это не способствует появлению вдумчивой, качественной, а главное, новаторской музыки. Кроме того, не так-то просто придумать что-то абсолютно новое в этом жанре, когда столько всего было сделано в 60-80-е годы. Современным группам приходится гораздо сложнее, чем первопроходцам рока!

– Интересно узнать ваше мнение о ситуации, складывающейся с авторским правом в нашей стране. Не секрет, что практически все теперь скачивают музыку в Интернете бесплатно, а лицензионные пластинки и диски стоят так дорого, что по карману только очень

состоятельным людям. Все бы ничего, только не понятно, как в сложившихся условиях музыканты должны зарабатывать деньги, в том числе на запись новых альбомов?

– Проблема действительно серьезная, и готовых рецептов по ее решению у меня нет. Одно знаю точно: музыка в любом случае должна оплачиваться, иначе скоро ее вообще не останется. Нам же не приходится в голову бесплатно брать продукты в магазине, но музыки это правило почему-то не касается. А ведь ее создание требует значительных усилий и затрат. Хорошо, если музыканты еще могут ездить на гастроли, а если нет... С другой стороны, я понимаю, что в нашей стране лишь единицы могут позволить себе купить легальные пластинки и компакт-диски, цена которых абсолютно ненормальна в сравнении со средним месячным доходом. В Европе и Америке ситуация с авторскими правами на музыку обстоит куда лучше. Люди действительно готовы платить деньги за возможность легально скачивать любимые песни. В нашей стране нужен какой-то компромисс с обеих сторон.

– В прошлом году в Государственной Думе всерьез обсуждали возможность законодательного ограничения проката зарубежной музыки в телевизионном и радиоэфире. Нет ли у вас опасения, что скоро любимую музыку снова придется, как в Советском союзе, слушать подпольно?

– Надеюсь, до этого не дойдет. Для меня очевидно, что чем больше слушателей в принудительном порядке будут кормить отечественной эстрадой, тем больше они будут тянуться к запретной зарубежной музыке. Советские годы это продемонстрировали весьма наглядно.

– Вы прочли множество книг, посвященных рок-музыке. Какие из них могли бы порекомендовать в первую очередь?

– К сожалению, большинство хороших книг о роке до сих пор не переведены на русский язык. Поэтому в основном я читаю их на английском. Среди любимых вещей могу отметить книгу британского музыкального критика Йэна Макдональда «Революция в голове: Битлз и 60-е», мемуары Лемми, Оззи Осборна и Кита Ричардса. Это отличные книги.

– 9 марта на 91 году жизни нас покинул легендарный музыкальный продюсер и композитор Джордж Мартин (1926-2016), которого многие считали «Пятым битлом». Согласны ли вы с этим утверждением? Как оцениваете его вклад в музыкальную индустрию?

– Джордж Мартин – это безупречный англичанин. С безупречным произношением, слухом, вкусом. Не умаляя собственных фундаментальных заслуг «The Beatles», я думаю, что им очень повезло встретить его на своем пути. Нам всем повезло, что они его встретили. Он сумел вовремя услышать именно то, что нужно было услышать, в то время как все остальные считали, что «группы гитаристов выходят из моды». Как мы видим, группы гитаристов по-прежнему в моде. Я думаю, в этом он сыграл очень серьезную роль.

– Спасибо вам большое за интервью.

– И вам за внимание. Ждем вас с Дядей Володей в студии «120 минут классики рока».

– Спасибо. Непременно воспользуюсь вашим предложением. До встречи. ■

► Фарид Хайруллин

«ИДЕЛЬ» ПРЕДСТАВЛЯЕТ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ НОВУЮ РУБРИКУ, В КОТОРОЙ НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ФАРИД ХАЙРУЛЛИН ЕЖЕМЕСЯЧНО БУДЕТ ЗНАКОМИТЬ ВАС С ЛУЧШИМИ НОВИНКАМИ В МИРЕ КИНО, МУЗЫКИ И ЛИТЕРАТУРЫ. ИТАК, ПОЕХАЛИ.

АЛЬБОМ МЕСЯЦА

The Doors
«The Doors: «50th Anniversary Deluxe Edition]»

Я думаю, среди читателей «Иделя» вряд ли найдутся те, кто не знает

историю создания одного из лучших альбомов XX века – дебютной пластинки группы «The Doors», захватывающей с первых секунд и до сих пор звучащей новаторски и революционно. Поэтому и останавливаться на ней не вижу смысла. Гораздо интереснее посмотреть, что же вошло в юбилейное переиздание этого легендарного альбома (2 апреля 2017 г). Итак, перед нами роскошный бокс-сет из 3 CD и 1 виниловой пластинки, упакованный в 12-дюймовый конверт. Первые два диска представляют собой моно- и стереоверсии альбома, а третий – запись живого выступления группы в Сан-Франциско 7 марта 2017 г. в клубе The Matrix, которая, по словам издателей, была взята из перво-

источников, много лет считавшихся утерянными. Не знаю, так ли это или просто маркетинговый трюк, но звучит концерт просто замечательно, позволяя по-настоящему прочувствовать драйв и неповторимую атмосферу 1967 года. Определённый интерес вызывают и размещённые в буклете альбома комментарии рок-журналиста Дэвида Фрике, детально разбирающего историю создания легендарной пластинки. Вообще для меня лично релиз этот подоспел вовремя. Как раз сейчас на одной из дружественных «Инроку» радиопрограмм («120 минут классики рока») идёт цикл передач, посвящённых музыке Doors. И желание скупать всё, что связано с этой замечательной группой, как нельзя велико.

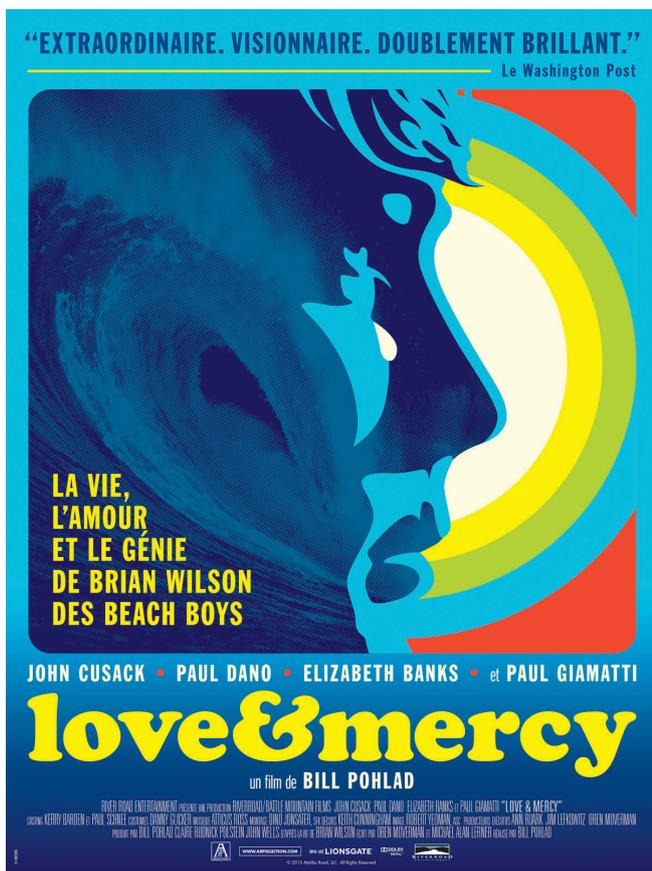

КНИГА МЕСЯЦА:

Джон Толкин
«Неоконченные предания Нуменора и Средиземья»
(Издательство «АСТ»)

После смерти Дж. Р.Р. Толкина в его архиве осталась масса частично или полностью подготовленных к печати материалов: набросков, рассказов, легенд, эссе – тот фундамент, на котором выросла великая сага «Властелин колец». В 1980 году его сын Кристофер восстановил и издал сборник «Неоконченные предания Нуменора и Средиземья», в который вошли черновые

записи о персонажах и событиях, упоминавшихся во «Властелин колец». Из них, в частности, можно узнать о происхождении волшебника Гэндальфа, об основании Рохана, об истоках конфликта эльфов и гоблинов, о потере Кольца всевластия и многом другом. Каждую историю сопровождают подробные комментарии Кристофера Толкина, объясняющего те или иные противоречия в тексте. Долгое время этот сборник был недоступен для российских поклонников Средиземья, и вот, наконец, его перевели на русский язык. Впереди российских поклонников ждёт ещё как минимум 10 книг этой серии.

ФИЛЬМ МЕСЯЦА

Любовь и милосердие (DVD, 2017)

23 августа на DVD и Blu-ray вышел биографический фильм «Love & Mercy», повествующий о нелегкой судьбе известного композитора и музыканта, автора большинства хитов Beach Boys Брайана Уилсона. Режиссер Билли Полад фокусирует внимание зрителей на двух ключевых периодах в жизни Брайана – середине 60-х и начале 80-х, тем самым наглядно демонстрируя, какая страшная пропасть разделяет юного музыканта времен записи легендарных альбомов «Pet Sounds» и «Smile» (его играет Пол Дано) и безвольного, практически сломленного Уилсона двумя десятилетиями спустя (Джон Кьюсак). Несмотря на то, что в фильме практически не показано детство

Брайана, Полад дает понять, что корни его психологических проблем следует искать именно там. Из разговора Уилсона с супругой мы узнаем, что отец жестоко избивал его в детстве, из-за чего Брайан оглох на одно ухо и долгое время заикался. Пренебрежительное отношение Уилсона-старшего к сыну отражает сцена, в которой лидер Beach Boys исполняет отцу только что написанную песню «God Only Knows», а тот лишь разочарованно пожимает плечами и предлагает Брайану сосредоточиться на коммерчески успешных песнях о сёрфинге и девчонках. Такой же позиции придерживается и участник Beach Boys Майк Лав (его играет Джейк Абель), считающий, что новаторство Уилсона губит группу и обрекает ее на провал. Всё это усугубляется прогрессирующим психическим заболеванием, а также наркотической зависимо-

стью музыканта, который взваливает на себя чрезмерно тяжелую ношу, пытаясь в одиночку записать альбом, превосходящий битловского «Сержанта».

Этот мрачный период в жизни Брайана, его душевное смятение и граничащая с патологией одержимость музыкой показаны в фильме необыкновенно точно и достоверно, заставляя искренне сопереживать герою при всей неоднозначности его характера. Не менее убедительно выглядят и сцены из 80-х, в которых Уилсон предстает перед нами глубоко больным и запутавшимся человеком, не способным и шагу ступить без одобрения своего лечащего психотерапевта Юджина Ланди (Пол Джаматти). Как известно, Ланди в своих корыстных целях на протяжении нескольких лет пичкал Брайана препаратами, лишь усугублявшими его болезнь, и не позволял ему видеться с родными и близкими. Только безграничная любовь к Уилсону его будущей жены Мелинды (Элизабет Бэнкс) помогла ему, наконец, обрести себя и выйти из-под губительной опеки доктора.

Отдельно хотелось бы отметить замечательный актерский состав фильма. Даже второстепенные роли сыграны с филигранной точностью и достоверностью. Я не говорю уже о фантастической игре Пола Дано, который настолько глубоко проникся ролью лидера Beach Boys, что даже скупой на похвалы Брайан Уилсон назвал его лучшим актером из тех, которых ему доводилось видеть. В целом, «Любовь и милосердие», безусловно, отличный фильм, который стоит посмотреть независимо от того, любите вы Beach Boys или нет. ■

► Елена Перловская

«КИНО – ЭТО ПОЧТА РОССИИ, А ТЕАТР – ЭТО SKYPE»

В конце августа в Буинске прошла первая театральная лаборатория «Буинская Талия». Было представлено три эскиза: «Первое представление» (Г. Камал, режиссер: Елена Кудряшова), «Концлагеристы» (В. Шергин, режиссер: Тимур Кулов) и «Дуры мы, дуры» (текст и режиссура: Дамир Салимзянов). Возглавили лабораторию: Александр Вислов – театральный критик, старший научный сотрудник института искусствознания Академии наук РФ, преподаватель РАТИ-ГИТИС и Нияз Игламов – театральный критик, руководитель литературно-драматургической части театра им. Г. Камала.

Мы решили пообщаться с одним из участников лаборатории – режиссером Тимуром Куловым.

– Расскажите, пожалуйста, как Вы пришли в театр.

– Все началось с театральной школы Набережных Челнов, куда я пришел еще школьником. Во мне было очень много энергии, и, чтобы она не пошла, как это бывает в подростковом возрасте, не в то русло, нужно было чем-то себя занять. Я попал на курс Нины Михайловны Белоенко, а после поступил в Казанское театральное училище к Юноне Ильиничне Каревой и Вадиму Валентиновичу Кешнеру. Выпустился в 2008 году, после работал актером в театрах Петрозаводска и Набережных Челнов. Позже переехал в Москву и поступил на режиссерский факультет в Театральный институт им. Щукина на курс Леонида Ефимовича Хейфеца.

– Вы не только режиссер, но и актер. Что Вам ближе?

– Мне изначально была ближе режиссура, а сейчас тем более. Я только ей и планирую заниматься. Режиссура такая объемная профессия: все, чем ни увлекаешься, упирается в нее, а потом используется. Так или иначе, у меня все связано с театром, какими-то будущими идеями, постановками. Кто-то может без театра, кто-то – нет. Вот я не могу, у меня образ мыслей уже такой – мыслю историями: что-то вижу, сразу запоминаю, записываю для себя, обдумываю.

– Вы на кого-нибудь ориентируетесь в своей работе?

– Ориентируюсь на то, что интересно. Естественно, оказывает влияние

опыт больших мастеров. Одним из самых больших впечатлений студенчества был спектакль Льва Додина «Братья и сестры». Он шел в Казани два дня лет десять назад. Очень сильно.

В свое время произвели большое впечатление спектакли Эймунтаса Някрошюса. Все молодые режиссеры знают этого театрального мастера и чему-то у него учатся. Спектакли Юрия Бутусова, «Компания майского жука» Джеймса Тьерре – театр-мгновение. Вот небольшая часть имен, чьи работы заставляют тянуться к профессионализму, подобному отношению к работе, мастерству.

– Какая из Ваших работ любимая? И в каком городе вам работаете лучше?

– Невозможно выделить какую-то одну работу. Может, в будущем, когда будет огромный список, я смогу выделить особенную. Каждая работа меня многому учит, и к каждой постановке я отношусь с благодарностью. И к «Холодной земле» – в Абакане, «Забывать Герострата» – в Набережных Челнах, «Бременским Музыкантам» в Тюмени и другим. Большим и малым. А работается лучше там, где есть работа. И совершенно неважно, где именно: в Челнах, Москве, Казани или Петрозаводске. Если ты делаешь честную, качественную работу, то зритель отзывается. А если это откровенная халтура, то и зритель «захалтурит» похлопать или поплакать.

– В чем заключается сложность работы режиссера?

– Да во всем. Мой скромный опыт показывает, что это такой приятный творческий мазохизм. Это

сложности, которые хочется решать, преодолевать, и это подпитывает тебя некоей энергией. Если ты по-настоящему занимаешься режиссурой, то у тебя нет шанса ни секунды стоять на месте. Даже если ты просто созерцаешь, ты думаешь наперед, в чем это можно применить – ты одновременно и наблюдатель, и действующий. Ты вынужден постоянно развиваться.

– Кому принадлежит выбор пьесы «Концлагеристы» и чем он вызван?

– Пьеса была предложена Александром Висловым. Планировалось ставить три эскиза, и нужно было найти такой материал, чтобы раскладывался на труппу. На самом деле, у наших «Концлагеристов» вообще не раскладывалось никак – троих персонажей просто не хватало. В итоге мы уже выкручивались на ходу, но это было неважно, потому

что материал зацепил и меня, и актеров. И вот сейчас планируем дорабатывать материал в полноценный спектакль.

– Расскажите о процессе подготовки.

– Было очень мало времени, всего неделя. Все актеры заняты, с утра до вечера репетиции в довольно хаотичном режиме. Стрессово, но это лаборатория. В этом энергетическом запале пьеса либо выстреливает, либо нет. Лаборатория, в принципе, и устраивается для проверки актеров, режиссеров. Это – проба. «Эскиз» – правильное слово. Вот в таком режиме работали.

– Несколько слов о пьесе.

– Она живая. Мне кажется, мы нащупали язык, на котором написана эта пьеса. Он сегодняшний, но совершенно не грубый. Здесь никто никого не слышит и все с детским

Мы не можем отрицать тот факт, что большинство из нас живет в некой оболочке, матрице, и наш внутренний зажим, внутренние цепи, не дают нам из этой матрицы вырваться. Этот концлагерь в наших мозгах известен каждому, вне зависимости от места проживания: ты можешь жить в Нью-Йорке, но существовать в этом концлагере.

восторгом мчатся в пропасть. Пьеса очень смешная и этим страшная. Это очень дорогого стоит. Мы не можем отрицать тот факт, что большинство из нас живет в некоей оболочке, матрице, и наш внутренний зажим, внутренние цепи, не дают нам из этой матрицы вырваться. Этот концлагерь в наших мозгах известен каждому, вне зависимости от места проживания: ты можешь жить в Нью-Йорке, но существовать в этом концлагере. И для тебя четыре стены, три метра справа, три метра слева – нормальная жизнь. А выйти за рамки, вырваться, никто не хочет – боятся. Хотя чего бояться, не понятно. Жить в комфортной зоне – тоже концлагерь, лично для меня. Все мы живем в своей комфортной зоне, и никто не хочет из нее вылезать. Это такая общечеловеческая проблема.

– Что можете сказать про современное искусство?

– Современное искусство – понятие очень обширное, поэтому говорить о нем можно бесконечно и много лить воды, потому что вообще не понятно, что такое современное искусство. По-моему, сейчас – это все подряд. Можем пофантазировать о том, какой театр будет в будущем. Первое, на мой взгляд, в театре останется понятие «история». Второе, останется актерский театр, поскольку, что бы ни было придумано, взаимодействие живых людей на сцене, которым веришь, за которыми хочешь идти, которые целиком захватывают своим действием, – это самое главное в театре.

– А кино Вам не нравится?

– Очень нравится. Но мне кажется, театр гораздо дальше ушел, точнее, глубже. К примеру, кино в массе своей до сих пор типажное искусство, чего не скажешь о

современном театре. Сегодня на сцене много всего нового происходит. Представление может запечатлеть мгновения. Театр слышит современный звук, учится работать с формами. Театр – максимально живое искусство, он постоянно меняется: сегодняшний спектакль совершенно не похож на завтрашний. В кино один фильм сняли по сценарию, могут еще один ремейк снять, ну два – все, печать поставлена. В театре не может быть такой печати. Одна пьеса ставится семьдесят раз в разных вариациях, разных формах, про разное. На основе одного автора, который написал всего пять пьес в жизни, делается куча лабораторий – вот такая жизнь в театре.

Театр быстро видоизменяется. Это постоянное взаимодействие со зрителем. Кино – это почта, которая идет, и ты не знаешь, кто там, на другом конце. А театр – это Skype, это живой контакт, ты там уже не отмажешься.

– Есть пьеса, которую Вы мечтаете поставить?

– Мне бы хотелось поставить

«Водяную курочку» Станислава Игнация Виткевича. Смотрите, как интересно сходится: я очень долго думал о Виткевиче, изучал его (это польский драматург начала двадцатого века), а мне попались «Концлагеристы», и они перекликаются между собой неожиданными поворотами, зарытыми внутри катастрофами. Я очень хотел бы поставить Сергея Довлатова «Записки надзирателя» и «Мастера и Маргариту» Михаила Булгакова в цирке. Мне кажется, если говорить об этом произведении как о театральном, то его возможно ставить только в цирке, и нигде больше.

– Чем планируете заниматься дальше?

– Хочу провести плотную работу с актерами над «Концлагеристами». Необходимо разбить репетиционный период на такие группы времени, когда труппа будет в Буинске – театр много гастролирует. В сентябре-октябре будем с ними дорабатывать до полноценного спектакля. Есть надежда, что в ноябре спектакль будет готов к показу. ■